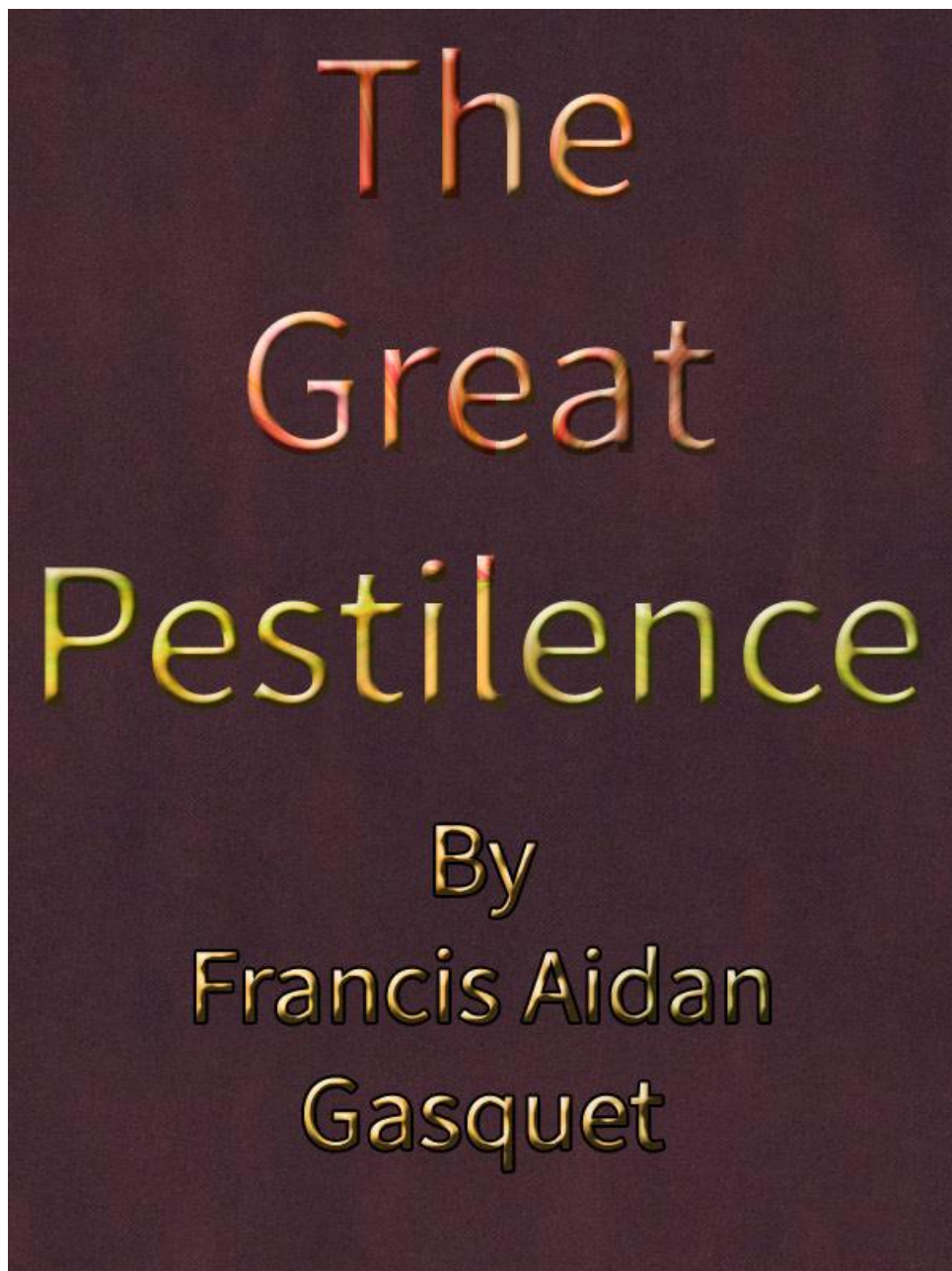

Великий мор (1348-9 гг. н.э.), который
теперь известен как Черная смерть

Фрэнсис Эйдан Гаске

The Project Gutenberg eBook of The Great Pestilence (A.D. 1348-9), Now Commonly Known as the Black Death.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Great Pestilence (A.D. 1348-9), Now Commonly Known as the Black Death

Автор: Фрэнсис Эйдан Гаске

Дата выхода: 29 мая 2014 [eBook #45815]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Clarity, RichardW и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE GREAT PESTILENCE (A.D. 1348-9), NOW COMMONLY KNOWN AS THE BLACK DEATH ***

The Great Pestilence (A.D. 1348-9), NOW COMMONLY KNOWN AS The Black Death.

ФРАНСИС АЙДАН ГАСКЕ, Д.Д., О.С.Б.

Лондон: SIMPKIN MARSHALL, HAMILTON, KENT & CO., *Limited*. 1893.

Льюс: SOUTH COUNTIES PRESS LIMITED.

СОДЕРЖАНИЕ.

- *Читателю* xi
- *Введение* xiii
- **ГЛАВА I. Начало эпидемии.** Первые сообщения о болезни - Общий рассказ об эпидемии в восточных странах - Великие торговые пути между Азией и Европой - Чума в Крыму - Осада Каффы татарами - Происхождение названия "Черная смерть" - Симптомы болезни - Константинополь подвергается нападению; рассказ об эпидемии императора Кантакузена - Генуэзские торговцы переносят заразу на Сицилию - Эффект в Мессине и Катании 1-15
- **ГЛАВА II. Эпидемия в Италии.** Дата прибытия зараженных кораблей в Геную - Поразительное сходство во всех рассказах - Рассказ де Мусси о начале чумы в Италии, особенно в Генуе и Пьяченце - Описание Боккаччо во Флоренции - Это подтверждает историк Виллани - Прогресс болезни в Италии - Пиза - Падуя, Сиена и т. д. - Письмо Петрарки об эпидемии в Парме - Венеция и ее врачи - Описание опустошения богемскими студентами 16-33

- **ГЛАВА III. Прогресс чумы во Франции.** Прибытие чумы в Марсель - Рассказ парижского врача об эпидемии в Монпелье - Авиньон подвергается нападению и ужасно страдает - Современный рассказ о ее опустошении каноником из Низких стран - Ги де Шолиак, врач Папы - Распространение инфекции во все стороны - Описание смертности в Париже Вильгельмом Наргизским - Филипп VI. консультируется с медицинским факультетом - Нормандия - Амьен - Рассказ Жилья ле Муизиса, аббата Турнэ - М. Симеон Люс об условиях народной жизни во Франции в XIV веке - Аграрные проблемы после эпидемии 34-57
- **ГЛАВА IV. Чума в других европейских странах.** С Сицилии чума переносится на Балеарские острова - Майорка - Бич в Испании - Берега Адриатики - Из Венеции волна переходит в Австрию и Венгрию - Переходит через Альпы в Тироль и Швейцарию - Рассказ нотариуса из Новара - Из Авиньона эпидемия несется вверх по долине Роны к Женевскому озеру - Она посещает Люцерн и Энгельберг - Рассказ о ее опустошениях в Вене - Она идет из Базеля вверх по долине Рейна - Франкфорт - Бремен - Из Фландрии она проходит в Голландию - Данию, Норвегию и Швецию - Рассказ о Висби на острове Готланд - Трудовые трудности, вызванные эпидемией 58-70
- **ГЛАВА V. Чума достигает Англии.** Джерси и Гернси подвергаются нападению - Первые слухи об эпидемии в Англии - Чума принесена в Мелкомб-Реджис в Дорсетшире - Обсуждение даты - Трудность работы с цифрами в Средние века - Значение епископских регистров в указании учреждений облагодетельствованного духовенства - Свидетельства Патентных списков - Учреждения в Дорсетшире - Письмо епископа Бата и Уэллса - Трудности с получением духовенства - Учреждения в Сомерсете - Влияние болезни на религиозные дома - Бристоль - Свидетельства о смертности в Девоне и Корнуолле - Учреждения в епархии Эксетера - Распространение смертности - Религиозные дома епархии 71-91
- **ГЛАВА VI. Прогресс болезни в Лондоне и на юге.** Быстрота распространения эпидемии - Дата достижения Лондона - Открытие новых церковных дворов - Число умерших в столице - Состояние городских улиц - Свидетельства о завещаниях, составленных в суде Хьюстинга в этот период - Вестминстерский и другие религиозные дома - Св. Альбана - Институты духовенства для Хартфордшира - Свидетельства относительно графств Бедфорд, Букингем, и Беркса - Особая ценность *инквизиции post-Посмертное состояние* - Состояние различных поместий после чумы - Учреждения для графства Бакс - Кентерберийская епархия - Рассказ Уильяма Дена о Рочестерской епархии - Трудности с поиском священников - Винчестерская епархия - Письмо епископа Эдиндона о моровой язве - Дата эпидемии в Хэмпшире - Проблемы с захоронением мертвых - Учреждения для Ханта - Учреждения для графства Суррей - Мало информации о Сассексе 92-115
- **ГЛАВА VII. Эпидемия в Глостере, Вустере, Уорике и Оксфорде.** Рассказ Ле Бейкера о болезни - Свидетельства о ней в Уэльсе - Рассказ монаха Клайна о чуме в Ирландии - Учреждения для Вустера - Новая усыпальница в городе - Состояние графства после чумы - Учреждения в Уорикшире - Город и графство Оксфорд - Влияние на университет 116-127
- **ГЛАВА VIII. История болезни в остальной Англии.** Др. Джессопа о Норфолке и Саффолке - Учреждения в епархии Норвича - Свидетельства судебных списков - Норвич и его население - Ярмут - Епархия Эли - Приготовления епископа - Учреждения в епархии - Кембридж - Упадок приходов, вызванный смертностью - Положение духовенства - Хантингдон - Учреждения в графстве Нортгемптон - Влияние на религиозный дом графства - Падение стоимости земли - Лестершир - Найтон о чуме в

городе Лестера - Падение цен - Трудовые трудности - Стаффордшир - Учреждения в епархии Херефорда - Шропшир - Свидетельства *инквизиции post*-Честер - Счета графства Палатин - Дербишир - Дерби - Монастыри - Уэйкбридж и Дракелоу - Ноттингемшир - Линкольншир - аббатство Лут-Парк - Йоркшир - архиепископ Зуш - Вакантные жилые помещения - Смертность среди настоятелей религиозных домов - аббатство Мо - деканат Холдернесс - Донкастер - Халл - Ланкашир - Амудернес - Вестморленд - Камберленд - Карлайл - Дарем - Нортумберленд - Алнвик 128-161

- **ГЛАВА IX. Запустение страны.** Пустующие поместья в епархии Солсбери - В Дорсете и Уилтсе - Приорат Айвичерч - Поместья, разоренные чумой - Сомерсетские пасторали - Судебный список Гиллингема, Дорсет - Стоктон, Уилтс - Чедзой, Бриджуотер - Картузианцы из Хинтона и Уизама - Эксетерская епархия - Лидфорд - Северный Корнуолл - Черный принц и его арендаторы - Эссекские бенефиции - Земли пустуют - Арендная плата снижена - Колчестерские завещания - Приорат Талкли - Женский монастырь Честхэнт - Приорат Англеси - Кент - Сассекс - Хантс - Остров Уайт - Суррей - Приорат Винчестерского собора - Аббатство Хайд - Монахини из аббатства Св. Марии - аббатство Ромси - Уменьшение численности монахов Винчестерской епархии - Долги в соборе - В Крайстчерче - Госпиталь в Сэндауне - Ширборнский приор - Остров Хейлинг - Налогообложение - Глостер - Лантонийский приор - Хорслейская келья - Уорикшир - Уаппенбери - Уитчерч - Бруэрнское аббатство - Св. Фридриха в Оксфорде - Барлингс 162-193

- **ГЛАВА X. Некоторые последствия великой смертности.** Оценка численности населения Англии в 1377г, и до великого мора - Социальная революция - Нехватка рабочих и ремесленников - Арендаторство сметается - Рост цен - Усилия государства по угнетению рабочих классов - Треть земли выходит из обработки - Арендное хозяйство - Крепостное право уменьшается - Народное восстание 1381 года практически эмансипация рабочих - Рост числа крупных землевладельцев - Распространение английского языка на фоне упадка французского - Влияние на архитектуру - Великие произведения остались незавершенными - Статистика смертности священнослужителей - Влияние на церковь - Старые традиции погибли - Упадок общественного литургического богослужения - Молодые и пожилые, и неопытные люди рукополагаются в священники - Любопытные примеры этого - Большое снижение числа кандидатов на рукоположение в Винчестере, Эли, Херефорде - Упадок университетов - Ложные мнения о преобладании регулярного духовенства - После Черной смерти их число относительно возросло - Множественность - Обезлюдение монастырей - Приведенные примеры - Объяснение Ваддингга упадка францисканцев - Черная смерть, бедствие внезапное, непреодолимое и имеющее широкие масштабы 194-219

К ЧИТАТЕЛЮ.

Публикуя эту историю о великом и всепоглощающем бедствии, обрушившемся на Англию, как и на всю Европу, в середине XIV века, я хочу выразить благодарность тем, кто так или иначе помог мне собрать материал или сплести его в связное повествование. Среди этих многочисленных добрых друзей я могу особо назвать мистера Ф. Бикли из Британского музея, мистера Ф. Дж. Бейджента, преподобного пребендаря Хингстон-Рэндольфа и, прежде всего, мистера Эдмунда Бишопа, которому я очень обязан за советы, критику и неизменно терпеливую помощь в редактировании корректурных листов.

ВВЕДЕНИЕ.

[p-xiii]

История Великого мора 1348-9 гг. никогда не была полностью рассказана. Фактически, до сравнительно недавнего времени мало внимания уделялось событию, которое, тем не менее, как по масштабам катастрофы, так и по ее далеко идущим последствиям, безусловно, является одним из самых важных в истории нашей страны.

Если судить по обычным справочникам, середина четырнадцатого века представляется временем величайшей славы Англии. Эдуард III находился на самом пике своей славы. Сокрушительное поражение Франции при Креси в 1346 году, за которым в следующем году последовало взятие Кале, вознесло его на вершину славы. Когда 14 октября 1347 года он, одетый в лавры самой блестящей победы эпохи, высадился в Сэндвиче, страна или, по крайней мере, английские придворные, казалось, были опьянены успехом его оружия. "Новое солнце, - говорит летописец Уолсингем, - казалось, взошло над народом, в совершенном мире, в изобилии всех вещей и в славе таких побед". [Не было ни одной женщины с именем, которая не владела бы трофеями из Кана, Кале и других французских городов за морем]; английские матроны с гордостью украшали себя богатыми платьями и дорогими украшениями, вывезенными из чужих домов. Кроме того, это была золотая эпоха рыцарства, и по всей стране то тут, то там с особой помпой отмечались турниры по случаю учреждения ордена Подвязки, учрежденного королем Эдуардом для увековечивания памяти о его боевых успехах. Поэтому неудивительно, что Великий мор, ныне известный как "Черная смерть", пришедшийся на период между Креси и Пуатье и как раз на время создания первых рыцарей Подвязки, как бы выпадает из общего повествования, словно нечто отдельное и не согласующееся с естественным ходом событий.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что такой классик, как Хьюм, как и наши более старые авторы по истории Англии, отмахнулся от этого бедствия в нескольких строках; но читатель вполне может почувствовать удивление, узнав, что покойный мистер Дж. Р. Грин, который глубже своих предшественников вникал в причины и следствия, рассматривает великую эпидемию лишь в скупых заметках, как простой эпизод в своем рассказе о сельскохозяйственных изменениях в четырнадцатом веке. Хотя он в целом говорит о гибели половины населения от этой болезни, он, очевидно, не осознает огромных последствий, социальных и религиозных, которые напрямую связаны с этой катастрофой.

Прекрасные статьи, вышедшие из-под пера профессора Сибомы и доктора Джессопа, и случайные страницы в книгах по политической и социальной экономике, таких как книги покойного профессора Торольда Роджерса и доктора Каннингема, сделали многое в наше время, чтобы привлечь внимание к важности этой темы. Тем не менее, насколько мне известно, ни один автор еще не рассматривал чуму в целом или, более того, не использовал имеющийся материал для составления достаточно точной оценки ее разрушительных последствий. Коллекции для настоящего исследования были полностью собраны, когда было объявлено о выходе книги доктора Крейтона *"Эпидемии в Британии"*, и, как следствие, работа была отложена. Однако при появлении книги д-ра Крейтона выяснилось, что, хотя он подробно рассматривает этот мор как часть общей темы, в его планы не только не входило использование огромного количества материалов, которые можно найти в различных записях того периода, но автор рассматривал этот вопрос с совершенно иной точки зрения.

Поэтому уместно указать, почему здесь предпринято подробное рассмотрение темы, которая сама по себе столь непривлекательна. Чума 1348-49 годов, сама по себе, обязательно

должна рассматриваться профессиональным писателем как элемент в общем ряду эпидемий; но есть много причин, по которым она никогда не рассматривалась подробно с точки зрения историка. Тем не менее адекватное осознание ее последствий имеет первостепенное значение для правильного понимания истории Англии в позднее [p-xvi] Средневековье. Черная смерть" нанесла то, что можно назвать лишь глубокой раной в теле общества, и произвела не что иное, как революцию в чувствах и практике, особенно в религиозных чувствах и практике. Если этого не понять, исходя из самих обстоятельств дела, мы заблудимся в толковании последующей истории Англии. По правде говоря, эта великая моровая язва стала поворотным пунктом в жизни страны. Он стал настоящим завершением эпохи Средневековья и началом нашего Нового времени. Она привела к разрыву с прошлым и стала рассветом новой эры. Внезапное сокращение населения и, как следствие, нехватка рабочих рук вызвали, как хорошо известно, новые и экстравагантные ожидания в умах низших классов; или, выражаясь современным языком, труд начал понимать свою ценность и утверждать свою силу.

Но есть и другой, более важный результат моровой язвы, который, как кажется, недостаточно признан. Для большинства людей, заглядывающих в прошлое, история Церкви в Средние века в Англии представляется одним непрерывным и величественным прогрессом. Гораздо ближе к истине сказать, что в 1351 году вся церковная система была полностью дезорганизована или, более того, разрушена более чем наполовину, и что все пришлось строить заново. Что касается образования, то последствия катастрофы для духовенства оказались непоправимо пагубными. Для обеспечения самого необходимого публичного отправления религиозных обрядов приходилось принимать самых неподготовленных людей, и даже [p-xvii] их можно было набрать лишь в недостаточном количестве. Непосредственным следствием этого стал религиозный паралич. Вместо того чтобы обратить людей к Богу, бич поверг их в отчаяние, и это произошло не только в Англии, но и во всех частях Европы. Писатели всех стран описывают одну и ту же распущенность нравов, вызванную эпидемией. Со временем религиозное чувство и ощущение возродилось, но во многих отношениях оно приобрело новый оттенок, а его проявления пошли по новым руслам. Если описывать изменения вкратце, то следует сказать, что религия англичан, как она проявлялась теперь, после восстановления религии, и как она существовала с того времени до Реформации, характеризовалась более набожным и более саморефлексивным характером, чем раньше. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение целой школы духовных писателей, зачатки которой уже проявились в трудах Хэмпола, ставшего жертвой чумы. Впоследствии она была развита такими писателями, как Уолтер Хилтон и авторы массы анонимных трактатов, все еще находящихся в рукописях, которые, насколько они вообще привлекли внимание, обычно объединяются под общим названием "*виклифиты*". Причину такой ошибочной классификации понять несложно. Обнаружив, с одной стороны, что эти трактаты пронизаны глубоко религиозным духом, а с другой - будучи убежденными, что религия тех дней была не более чем простым формализмом, те немногие, кто до сих пор уделял внимание этому вопросу, без колебаний отнесли их к [p-xviii] "религиозному возрождению лоллардов" и, естественно, не могли поверить в то, что они вдохновлены учением "Церкви, превратившейся в самовлюбленное светское священство". Читатель, имеющий практический и личный опыт знакомства с тоном, духом и учением произведений католического благочестия, однако, сразу же поймет, что эти трактаты являются совершенными католическими по тону, духу и учению и существенно отличаются от трудов людей, вдохновленных учением Уиклифа.

Новый религиозный дух нашел внешнее выражение во множестве гильдий, возникших в это время, в замечательном и почти, как может показаться некоторым, экстравагантном

развитии некоторых благочестивых практик, в необычном распространении более личной преданности Пресвятому Таинству, Пресвятой Деве, пяти ранам, Святому Имени и других подобных проявлениях более нежного или более привычного благочестия. Даже само украшение и обогащение церквей, столь характерное для этого периода, свидетельствует о переменах. В конце четырнадцатого века и в течение пятнадцатого количество украшений, мебели, тарелок, статуй, раскрашенных или в "шубах", которыми церкви буквально обременялись с течением времени, являло собой поразительный контраст со сравнительной простотой, характерной для прежних дней, о чем свидетельствует сравнение инвентарных списков. Более того, источник всего этого богатства и изысканности является [p-xvix] еще одним свидетельством перемен, произошедших в стране. Благотворительные пожертвования в пользу церкви больше не делались полностью или, по крайней мере, в основном, крупными дворянами, но теперь они были дарами мещан и средних классов, и это изобилие соответствует, в соответствии с идеями и чувствами тех дней, изобилию материального комфорта, который с первых лет прошлого века и до настоящего времени особенно характерен для английских домов нового времени. Фактически, в пятнадцатом веке зародилось великое движение среднего класса, которое можно четко проследить по последствиям великого мора, и которое, к добру или ко злу, было остановлено сменой религии в шестнадцатом веке.

Здесь достаточно в самых общих чертах обозначить изменения, произошедшие в религиозной жизни английского народа, и новые тенденции, которые проявились. Для того чтобы понять последующую религиозную историю страны, необходимо взять эту катастрофу, социальную и религиозную, за отправную точку и представить себе ту роль, которую Черная смерть действительно сыграла в национальной истории.

Простое изложение того, что говорится об Англии, вызовет у читателя недоверие. Поэтому был сделан краткий и быстрый обзор распространения моровой язвы от Восточной Европы до этих западных берегов, и с помощью этого средства весьма огорчительное единодушие, вплоть до определенных форм языка, писателей [p-xx], которые записывали события за сотни и даже тысячи миль друг от друга, с неотразимой силой подчеркивает реальность катастрофы. История, касающаяся Англии, изложена более подробно, и прогресс болезни прослеживается по мере того, как она распространяется с юга на север и переходит в более высокие широты. Затем кратко описывается состояние страны после окончания эпидемии, и обращается внимание на некоторые непосредственные результаты великой чумы, особенно в том, что касается церковной жизни страны.

ССЫЛКИ:

[1] Green, *Short History of the English People*, p. 216.

ТОС [p001]

ВЕЛИКИЙ МОР. ГЛАВА I. НАЧАЛО ЭПИДЕМИИ.

Великий мор, впервые охвативший Европу осенью 1347 года, как утверждают, зародился на Востоке примерно за три или четыре года до этого. Однако, насколько можно судить по реальной истории, распространение болезни можно проследить только от портов Черного моря и, возможно, Средиземного, куда торговцы по главным путям торговли с азиатскими странами доставляли свои товары для отправки в западный мир. В сообщениях того времени говорилось о сильных землетрясениях и других физических потрясениях, происходивших на далеком Востоке, которые, как утверждалось, сопровождались особыми состояниями атмосферы и сопровождались большой смертностью среди многочисленного населения

Индии и Китая. Папе Клименту VI сообщили, что мор, бушевавший в то время в Авиньоне, возник на Востоке и что в странах, подпадающих под это туманное название, инфекция распространилась так быстро и оказалась настолько смертоносной, что число жертв исчислялось огромной и, несомненно, преувеличенной цифрой - почти четыре с двадцатью миллионами.

Пражская хроника говорит об эпидемии в королевствах Китая, Индии и Персии, а современный историк Маттео Виллани сообщает о ее занесении в Европу итальянскими торговцами, бежавшими перед этим из портов на восточных берегах Черного моря. Тот же авторитет [p002] подтверждает свидетельством очевидца, побывавшего в Азии, сообщения некоторых генуэзских купцов о землетрясениях, опустошающих континент, и язвенных туманах, покрывающих землю. "Один почтенный монах из Флоренции, ныне епископ, заявил, - говорит Виллани, - что он был в то время в той части страны в городе Ламех, где от сильного толчка была разрушена часть храма Магомета"[2].

Цитата из книги Геккера "Эпидемии Средневековья" будет достаточным резюме того, что сообщалось о чуме в восточных странах до ее прихода в Европу. "Каир ежедневно терял от 10 до 15 тысяч человек, когда чума свирепствовала с наибольшей силой, - столько, сколько в наше время уносила великая чума за все время своего существования. В Китае, как говорят, умерло более тринадцати миллионов человек, и это соответствует, безусловно, преувеличенным данным из других стран Азии. Индия была обезлюжена. Тартария, Месопотамия, Сирия, Армения были покрыты трупами; курды тщетно бежали в горы. В Карамании и Кесарии не осталось ни одного живого. На дорогах, в лагерях, в караван-сараях можно было увидеть только непогребенные тела. . . . В Алеппо ежедневно умирало по 500 человек; в Газе за шесть недель было унесено 22 000 человек и большинство животных. Кипр потерял почти всех своих жителей; а корабли без экипажей часто видели в Средиземном, а затем и в Северном море, они разъезжали и распространяли чуму везде, где выходили на берег"[3].

Не приходится сомневаться в том, что зараза сначала распространялась по великим торговым путям Востока. Торговые пути европейских стран с Индией, Китаем и азиатскими странами в целом впервые определенно описаны в 1321 году венецианцем Марино Санудо в работе, адресованной Папе Иоанну XXI, не за тридцать лет до начала [p003] чумы.[4] Его целью было указать на трудности и опасности, которые в то время подстерегали торговый мир на Востоке. При этом он указал, что древним центром всей торговли с далеким Востоком был Багдад. К этому великому складу восточных товаров и от него вели все караванные пути, но в то время, когда Санудо писал, вторжение варварских орд в Среднюю Азию сделало торговлю по этим дорогам трудной и небезопасной. В качестве основных путей сообщения автор называет два торговых тракта. Один шел из Багдада через равнины Месопотамии и Сирии в Ликию,[5] где товары закупали итальянские купцы. Этот, наиболее известный маршрут, был самым коротким, по которому товары из Китая и Индии можно было доставить на европейские рынки; но в XIV веке он был самым опасным. Второй путь также начинался из Багдада и, следуя по Тигру до его истоков в Армении, проходил либо в Трапезунд и другие порты Черного моря, либо по дороге от Каспия, по другую сторону Кавказа, до генуэзских и других процветающих итальянских поселений в Крыму.

Третий путь, однако, по словам Санудо, был самым используемым в его время и наименее опасным. По нему продукция восточных земель доставлялась в Александрию, откуда, после того как султан облагал ее высокими налогами, она отправлялась в Европу. Товары, прибывающие в Италию и другие страны этим путем из Индии, согласно тому же авторитету, отправлялись из двух портов полуострова, которые он называет Махабар[6] и Камбет[7].

Затем они доставлялись в порты Персидского залива, на реку Тигр или в Аден, у входа в Красное море. Из этого последнего пункта девятидневное путешествие по пустыне [p004] приводило караваны в город Чус[8] на Ниле. Однако потребовалось еще пятнадцать дней пути по реке, прежде чем продукция восточных марленов достигла Каира, или Вавилона, как его называли средневековые писатели. Из Каира она по каналу доставлялась в Александрию.

Это были три основных пути, по которым поддерживалась связь между азиатскими странами и Европой, а рынки западного мира снабжались пряностями, камедью и шелком с Востока. Более чем вероятно, что великий мор был занесен в Европу торговыми караванами, идущими с Востока по всем этим дорогам и другим подобным путям. В стране, расположенной вдоль одного из торговых путей, по которому караваны добирались до итальянских портов, основанных в Крыму, наверняка свирепствовала чума в 1346 году, за год до ее появления в Европе. Более того, Габриэле де Мусси, нотариус из Пьяченцы и очевидец первой вспышки чумы в Верхней Италии, описал способ, которым инфекция была занесена на кораблях торговцев из Каффы,[9] генуэзского поселения в Крыму. Этот рассказ вы найдете в следующей главе, а здесь необходимо лишь сообщить, что он узнал от выживших о вспышке чумы среди татарских племен и ее появлении в Каффе. [10][p005]

"В 1346 году, - пишет он, - в восточных районах огромное количество татар и сарацин пало жертвами таинственной и внезапной смерти. В этих краях обширные области, многочисленные провинции, великолепные королевства, города, замки и деревни, населенные великим множеством людей, внезапно подверглись нападению смертности и в короткий срок обезлюдели. Место на Востоке под названием Тана, расположенное в северном направлении от Константинополя и находившееся под властью татар, к которому часто прибегали итальянские купцы, было осаждено огромной ордой татар и в короткое время взято"[11] Христианские купцы, насильно изгнанные из города, были приняты для защиты своих лиц и имущества в стенах Каффы, которую генуэзцы построили в этой стране.

"Татары последовали за этими беглыми итальянскими купцами и, окружив город Каффу, осадили его.[12] Будучи полностью окруженными этой огромной армией врагов, жители едва могли добывать необходимое для жизни, и их единственная надежда возлагалась на флот, который доставлял им провизию. Внезапно "смерть", как ее называли, вспыхнула в татарском войске, и тысячи людей ежедневно погибали от этой болезни, как будто "стрелы с неба поражали их и сбивали их гордость".

"Сначала татары были парализованы страхом перед опустошительным действием болезни и перспективой того, что рано или поздно все должны стать ее жертвами. Тогда они обратили свою месть на осажденных и, надеясь передать инфекцию своим христианским врагам, с помощью военных машин перебрасывали тела умерших [p006] через стены в город. Христианские защитники, однако, удержали свои позиции и предали водам моря как можно больше зараженных чумой тел.

"Вскоре, как и следовало ожидать, воздух стал испорченным, а колодцы с водой - отравленными, и таким образом болезнь распространилась в городе так быстро, что мало у кого из жителей хватило сил бежать от нее"[13].

Дальнейший рассказ Габриэле де Мусси о том, как корабль из Каффы доставил заразу в Геную, откуда она распространилась по другим районам и городам Италии, следует отложить до следующей главы. Здесь же короткое место можно посвятить рассмотрению самой болезни, которая оказалась столь разрушительной для человеческой жизни во всех европейских странах в 1348-1350 годах. Прежде всего, следует отметить, что название

"Черная смерть", под которым великий мор известен сейчас не только в Англии, но и в других странах, имеет сравнительно современное происхождение.^[14] Ни в одном современном рассказе об эпидемии она не называется этим зловещим именем; в то время люди говорили о ней как о "моровой язве", "великой смертности", "смерти", "чуме Флоренции" и т. д., и, очевидно, только спустя несколько веков она получила название "Черная смерть". По-видимому, впервые она получила это название в Дании или Швеции, хотя сомнительно, что понтанская *atra mors* эквивалентна английской "Черной смерти".^[15] Трудно удержаться от впечатления, что, по крайней мере, в Англии это название стало общепризнанным для эпидемии 1349 года только после того, как мор XVII века присвоил себе титул "Великой чумы". Было ли название "Черная смерть" впервые принято для того, чтобы выразить всеобщее состояние траура, в которое болезнь повергла жителей всех [p007] стран, или для обозначения особых характерных симптомов этой эпидемии, при обстоятельствах ее позднего происхождения определять не имеет большого значения.

Эпидемия, по-видимому, представляла собой некую форму обычной восточной или бубонной чумы. Однако наряду с обычными признаками, характерными для обычной чумы, присутствовали некоторые специфические и очень заметные симптомы, которые, хотя и не являются универсальными, но в целом отмечаются в европейских странах.

В своей обычной форме болезнь проявлялась в виде припухлостей и карбункулов под мышками и в паху. Они были либо немногочисленными и крупными - порой размером с куриное яйцо, либо более мелкими и распределенными по всему телу страдальца. В этом болезнь, похоже, не отличалась от обычной бубонной чумы, которая опустошала Европу на протяжении многих веков и которая, возможно, лучше всего известна в Англии как разрушительная для человеческой жизни во время великой чумы в Лондоне в 1665 году. В этой обычной форме она до сих пор существует в восточных странах, и ее происхождение обычно связывают с распространенным там способом захоронения мертвых.

Особых симптомов, характерных для чумы 1348-9 годов, было четыре:.

- (1) Гангренозное воспаление горла и легких;
- (2) Сильные боли в области груди;
- (3) Рвота и отхаркивание крови; и
- (4) язвенный запах, исходящий от тела и дыхания больных.

Почти в каждом подробном рассказе современных авторов отмечаются эти признаки. И хотя не у всех заболевших болезнь проявлялась в этой особой форме, очевидно, что не только многие, и даже очень многие, были унесены быстрым разложением легких и отхаркиванием крови без каких-либо признаков опухолей или карбункулов, но и то, что в то время болезнь считалась наиболее смертоносной и фатальной именно в этой особой форме. "От карбункулов и набухания желез, - говорит современный писатель, - многие выздоровели; от [p008] кровохарканья - ни одного".^[16] Маттео Виллани, один из самых точных авторов об этой чуме во Флоренции, говорит, что больные, "которых начало рвать кровью, быстро умирали"^[17], а Ги де Шольяк, папский врач в Авиньоне, который наблюдал за течением болезни там и оставил наиболее ценный медицинский отчет о своих наблюдениях, говорит, что эпидемия была двух видов. Первая характеризовалась "постоянной лихорадкой и отхаркиванием крови, от чего больной умирал через три дня"; вторая была хорошо известной и менее смертельной бубонной чумой.

Характерные симптомы этой эпидемии, отмеченные в многочисленных свидетельствах современников, похоже, идентичны симптомам болезни, известной как злокачественный пустулез легких; и представляется вероятным, что эту вспышку чумы следует отличать от всех других, о которых сохранились какие-либо сведения. "Я глубоко убежден, - пишет выдающийся французский врач, - что "Черная смерть" стоит особняком от всех тех, что предшествовали или следовали за ней. Ее следует отнести к числу великих и новых народных болезней"[18].

Как бы то ни было, болезнь, как будет видно из рассказов тех, кто жил в то время, проявлялась по-разному. Одних поражало внезапно, и они умирали в течение нескольких часов; другие впадали в глубокий сон, из [p009] которого их невозможно было пробудить; третьих опять-таки мучила бессонная лихорадка и жгучая жажда. Обычное течение болезни, когда она только появилась, составляло от трех до пяти дней; но к концу эпидемии выздоровление страдающих от карбункулярных опухолей растянулось, как и в случае с обычной восточной чумой, на многие месяцы[19].

Таков краткий отчет о болезни, опустошавшей мир в середине XIV века. Прежде чем проследить ход эпидемии в Италии, куда она была занесена, как утверждает Де' Мусси, из Крыма, следует рассказать о ее опустошительных последствиях в Константинополе и на Сицилии. Из Крыма Константинополь лежал на шоссе, ведущем на запад. Итальянские корабли, пересекавшие Черное море [p010], естественно, заходили в этот город, который в то время был великим центром связи между Восточным и Западным миром. Из сообщения Де' Мусси следует, что Каффа, пораженный чумой генуэзский город в Крыму, осажденный татарами, поддерживал корабельную связь со странами, из которых он получал припасы. Поэтому не исключено, что в Константинополь страшная болезнь была доставлена на корабле, прибывшем из этого очага чумы в Крыму. Рассказ о моровой язве в императорском городе дошел до нас из-под пера императора Иоанна Кантакузина, который был очевидцем того, о чем он сообщает. И хотя он использовал язык Фукидида, рассказывающего о чуме в Афинах, для описания своего собственного опыта в Константинополе, он вряд ли мог бы это сделать, если бы описание не было достаточно верным для реальности. "Эпидемия, свирепствовавшая тогда (1347 г.) в Северной Скифии, - пишет он, - прошла почти по всему морскому побережью, откуда ее разнесли по всему миру. Ибо она захватила не только Понт, Фракию и Македонию, но и Грецию, Италию, острова, Египет, Ливию, Иудею, Сирию и почти всю вселенную".

Болезнь, по его словам, была неизлечимой. От нее не спасали ни регулярность жизни, ни телесная сила. Сильные и слабые были одинаково поражены; смерть не пощадила ни тех, о ком заботились, ни бедных, лишенных всякой помощи. В этот год не проявилось ни одной другой болезни; все недомогания приняли форму распространенного заболевания. Медицинская наука признала свое бессилие перед врагом. Течение болезни не во всех случаях было одинаковым. Одни умирали внезапно, другие - в течение дня, третьи - после часа страданий. У тех, кто задерживался на два-три дня, приступ начинался с сильной лихорадки. Вскоре яд проникал в мозг, и страдалец терял дар речи, становился бесчувственным к происходящему вокруг него и, казалось, погружался в глубокий сон. Если он случайно приходил в себя и пытался говорить [p011], язык отказывался двигаться, и можно было произнести лишь несколько невнятных звуков, так как нервы были парализованы; затем он внезапно умирал.

У других заболевших эта болезнь поражала в первую очередь не голову, а легкие. Органы дыхания быстро воспалялись, возникали резкие боли в груди, рвота кровью, дыхание становилось фекальным. Горло и язык, сожженные чрезмерным жаром, чернели и

наливались кровью. "Те, кто пил много, испытывали не большее облегчение, чем те, кто пил мало".

Затем, описав ужасную бессонницу и беспокойство некоторых страдальцев, а также чумные пятна, которые в большинстве случаев вспыхивали на теле, император продолжает: "У тех немногих, кто выздоровел, не было второго приступа, или, по крайней мере, не было серьезного приступа". Даже некоторые из тех, кто проявлял все симптомы, выздоровели вопреки всем ожиданиям. Безусловно, эффективное средство так и не было найдено. То, что было полезно для одного, оказалось настоящим ядом для другого. Люди, ухаживавшие за больными, подхватили их болезнь, и из-за этого число смертей увеличилось настолько, что многие дома оставались пустыми, после того как все, кто в них жил, даже домашние животные, были унесены чумой.

Особенно печально было наблюдать глубокое уныние больных. При первых же симптомах нападения люди теряли всякую надежду на выздоровление и считали себя погибшими. Эта моральная прострация быстро усугубляла их состояние и ускоряла час их смерти.

Невозможно передать словами суть этого недуга. Можно лишь сказать, что она не имеет ничего общего с теми недугами, которым человек подвержен от природы, и что это наказание, посланное Самим Богом. Благодаря этой вере многие обратились к лучшему и решили изменить свою жизнь. Я говорю не только о тех, кого унесла эпидемия, но и о тех, кто оправился и попытался исправить свои порочные наклонности и посвятить себя [p012] практике добродетели. Многие из них, прежде чем подвергнуться нападению, раздавали свое имущество бедным, и не было ни одного столь бесчувственного или жестокосердного человека, который бы не проявил глубокого сожаления о своих проступках, чтобы предстать перед судилищем Божиим с наилучшими шансами на спасение.

"К числу бесчисленных жертв эпидемии в Константинополе следует отнести Андроника, сына императора, который умер на третий день. Этот молодой человек был не только замечателен внешне, но и в высшей степени наделен теми качествами, которые составляют главное украшение молодости; и все в нем свидетельствовало о том, что он благородно пошел бы по стопам своих предков".

Из Константинополя итальянские торговые корабли направились в свою страну, повсюду распространяя страшную заразу. Их пунктами назначения были Генуя и Венеция, как рассказывает де Мусси; но, по словам того же авторитета, "моряки, словно сопровождаемые злыми духами, как только они приближались к суше, несли смерть тем, с кем они смешивались". Таким образом, приход чумы можно проследить в портах Адриатики осенью 1347 года, и можно не сомневаться, что он был связан с прибытием кораблей, направлявшихся с Востока в Венецию. Об островах океана, в частности о Сицилии, Де' Мусси говорит как о пострадавших от кораблей, направлявшихся из Крыма в Геную. О чуме на Сицилии есть особый рассказ человека, который, должно быть, был современником описываемых им событий. [20] "Смертоносный мор, - говорит он, - охватил весь остров. Случилось так, что в октябре месяце, в год Господа нашего 1347, примерно в начале месяца, двенадцать генуэзских кораблей, спасаясь от божественного возмездия, которое Господь наш послал на них за их грехи, вошли в порт Мессины, принеся с собой такую болезнь, прилипшую к самым их костям [p013] что, если кто-нибудь заговаривал с ними, его тут же поражала смертельная болезнь, от которой не было спасения". Подробно описав ужасные симптомы и рассказав о быстром распространении инфекции, о том, как одно лишь дыхание чужеземцев отравляло тех, кто с ними общался, как прикосновение или вмешательство во что-либо, принадлежащее им, означало заражение смертельным недугом, он продолжает:

"Видя, какое несчастье - внезапная смерть - обрушилось на них с прибытием генуэзцев, жители Мессины поспешно изгнали их из своего города и порта. Но болезнь осталась, и наступила страшная смертность. Всех занимала одна мысль - как избежать заражения. Отец бросал больного сына; магистраты и нотариусы отказывались приходить и составлять завещания умирающих, даже священники - выслушивать их исповедь. Забота о больных легла на плечи монахов-миноров, доминиканцев и членов других орденов, чьи монастыри в результате вскоре опустели. Трупы оставляли в пустых домах, и не было никого, кто мог бы их по-христиански похоронить. Дома умерших оставались открытыми и неохраняемыми с их драгоценностями, деньгами и ценностями; если кто-то хотел войти, некому было ему помешать. Великая моровая язва пришла так внезапно, что не было времени организовать какие-либо меры защиты; с самого начала чиновников было слишком мало, а вскоре их не осталось вовсе. Население толпами покидало город; боясь даже оставаться в окрестностях, они разбивали лагерь под открытым небом в виноградниках, и некоторым удавалось устроить хотя бы временное убежище для своих семей. Другие же, уповая на защиту девы, блаженной Агаты, искали убежища в Катании, куда отправилась королева Сицилии и куда она направила своего сына, дона Фредерика, чтобы тот присоединился к ней. В ноябре мессинцы уговорили патриарха[21] архиепископа Катании разрешить перевезти мощи святой в их город, но жители отказались [p014] разрешить им покинуть древнее место упокоения. Были организованы процессии и паломничества, чтобы вымолить милость Божью. Но мор по-прежнему свирепствовал, причем с еще большей яростью. Каждый был в слишком большом ужасе, чтобы помочь ближнему. Бегство ничего не давало, так как болезнь, уже подхваченная и прилипшая к беглецам, переносилась везде, где они искали убежища. Из тех, кто бежал, некоторые падали на дорогах и тащились умирать по полям, лесам или долинам. Те, кто добрался до Катании, умирали в госпиталях. По требованию перепуганных жителей патриарх под страхом отлучения от церкви запретил хоронить кого-либо из мессинских беженцев в городе, и все их тела были сброшены в глубокие ямы за стенами.

"Что еще сказать?" - добавляет историк. "Катанийцы были настолько злыми и робкими, что отказывались даже разговаривать с кем-либо из Мессины или иметь с ними какое-либо дело, а при их приближении быстро убегали. Если бы не тайное убежище, предоставленное некоторыми из их сограждан, проживавших в городе, несчастные беженцы остались бы без всякой человеческой помощи". Однако зараза уже распространялась, и чума вскоре получила широкое распространение. В Катании разыгрались те же сцены, что и в Мессине. Патриарх, желая позаботиться о душах людей, передал священникам, даже самым молодым, все полномочия, которыми обладал сам, как епископские, так и патриаршие, для отпущения грехов. "Мор свирепствовал в городе с октября 1347 года по апрель 1348 года, и сам патриарх, Герард Отто, член ордена Святого Франциска, пал жертвой своего долга, и был одним из последних, кого унесла болезнь. Одновременно с ним от болезни умер и герцог Иоанн, который в поисках безопасности обходил стороной все зараженные дома и людей. Из Мессины чума таким же образом распространилась по всей Сицилии; Сиракузы, Гирдженти, Сьякки и Трапани последовательно подвергались нападению; в особенности она свирепствовала в округе Трапани, на крайнем западе острова, [p015] который, - говорит писатель, - остался почти без населения." [22]

Кратко остановившись на происхождении великой моровой язвы, опустошавшей Европу в XIV веке, и ее продвижении в Италию, можно вновь обратиться к рассказу Габриэля де Мусси в том месте, где он описывает бегство генуэзских торговцев из Крыма. Повествование до сих пор предвосхищало его рассказ только тем, что давало историю эпидемии в Константинополе и Сицилии.

ССЫЛКИ:

- [2] Muratori, *Rerum Italicarum Scriptores*, xiv, col. 14.
- [3] *The Epidemics of the Middle Ages*, перевод Б. Г. Бабингтона (Sydenham Society), p. 21.
- [4] Marinus Sanutus, *Liber secretorum Fidelium crucis super Terræ Sanctæ recuperatione et conversatione*, in Bongars, *Gesta Dei per Francos*, vol. ii.
- [5] Самая южная часть Азиатской Турции.
- [6] Вероятно, Маэ, на Малабарском побережье.
- [7] Ныне Камбей, в доминионе Барода к северу от Бомбея.
- [8] Иначе Кус, теперь Коос, в Верхнем Египте, недалеко от Фив.
- [9] Иногда известен как С. Феодосия. К началу XIV века этот порт был важнейшим торговым поселением генуэзских купцов. В 1316 году папа Иоанн XXII издал буллу, сделавшую его кафедральным городом обширной епархии. К началу эпидемии чумы он стал центром почти всей торговли между Азией и Европой (см. M. G. Canale, *Della Crimea, del suo commercio et dei suoi dominatori*, i, p. 208 et seq.).
- [10] Рассказ Габриэле де Мусси под названием "*История морбо и смертной болезни*" (*Ystoria de morbo seu mortalitate qui fuit a. 1348*) был впервые напечатан Хеншелем в "*Archiv für gesammte Medicin*" Haeser (Jena) ii, 26-59. Редактор утверждает, что Де' Мусси действительно присутствовал в Каффе во время татарской осады и прибыл в Европу на пораженных чумой кораблях, которые доставили инфекцию в Италию. Синьор Тонони, который в 1884 году перепечатал "*Историю*" в *Giornale Ligustico* (Genoa), vol. x (1883), p. 139 seqq., доказал с помощью актов нотариусов Пьяченцы, что Де' Мусси никогда не покидал город в это время, и его реалистическое повествование должно было быть, следовательно, получено из рассказов других. Из того же источника Тонони узнал, что де Мусси занимал должность нотариуса с 1300 по 1356 год н. э. и, следовательно, родился, вероятно, около 1280 года. Он умер в первой половине 1356 года.
- [11] Тана - порт на северо-западном берегу Азорского моря, которое тогда называлось морем Тана. Сейчас порт находится в Азоре.
- [12] Де' Мусси говорит, что осада длилась "три года". Тонони показывает, что это явная ошибка, и приводит ее в качестве дополнительного доказательства того, что автор не был сам в Каффе.
- [13] Gabriele de' Mussi, *Ystoria de Morbo*, in Haeser, *ut supra*.
- [14] K. Lechner, *Das grosse Sterben in Deutschland* (Innsbruck, Wagner, 1884), p. 8.
- [15] J. J. Pontanus, *Rerum Danicarum Historia* (1631), p. 476.
- [16] См. Lechner, *Das grosse Sterben*, p. 15. Де' Мусси приводит тот же рассказ.
- [17] "Chi cominciavano a sputare sangue, morivano chi di subito." Современная хроника Пармы, написанная доминиканцем Иоанном де Корназано, также отмечает это: "Et fuit talis quod aliqui sani, si spuebant sanguinem, subito ibi moriebantur, nec erat ullum remedium" (*Monumenta historica ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia*, vol. v, p. 386).

[18] Anglada, *Étude sur les Maladies Éteintes* (Paris, 1869), p. 416. Мысль о том, что эта особая болезнь была совершенно новой по своему характеру, подтверждается ее особо злокачественной природой. Согласно общепризнанному закону, новые эпидемии всегда наиболее жестоки и смертельны. Обезлюдение островов Фиджи в результате кори - пример того, как сравнительно легкая болезнь при первом же нападении на народ может оказаться ужасно разрушительной. Принято считать, что именно под действием какой-то новой болезни были полностью уничтожены расы, построившие великие доисторические города Африки и Америки.

[19] Следующий рассказ о вспышке болезни, несколько похожей на "Черную смерть", появился в *Британском медицинском журнале* от 5 ноября 1892 года: "В официальном отчете генерал-губернатора Туркестана, который недавно был опубликован в Санкт-Петербурге, говорится, что эта провинция подверглась жестокой эпидемии "Черной смерти", которая последовала по следам холеры. 10 (22) сентября она внезапно появилась в Аскабаде и за шесть дней унесла жизни 1 303 человек из 30 000 населения. Черная смерть" давно известна в Западной Азии как бедствие, более смертоносное, чем холера или чума. Она приходит внезапно, проносясь по всей округе, как мор, поражая животных и людей, и исчезает так же внезапно, как и появилась, прежде чем успевают выяснить ее природу или способ распространения. Упоминаемый визит не стал исключением из этого правила. Бушевавшая в Аскабаде в течение шести дней эпидемия прекратилась, не оставив никаких следов своего присутствия, кроме трупов жертв. Они так быстро сгнили, что не было возможности провести надлежащее вскрытие. Генерал-губернатор приводит некоторые подробности о симптомах и течении болезни, которые, хотя и интересны в той мере, в какой они есть, не проливают большого света на ее патологию. Приступ начинается с сильных судорог, пациент дрожит буквально с головы до ног; судороги повторяются каждые пять минут в течение часа. Затем пациент жалуется на невыносимое чувство жара; артерии напрягаются, пульс становится все более учащенным, а температура неуклонно повышается. К сожалению, термометрические показания или другие точные данные не приводятся. Ни диареи, ни рвоты не наблюдается. Судороги чередуются с синкопальными приступами, пациенты испытывают сильную боль. Внезапно конечности становятся жесткими и холодными, и через 10-20 минут пациент погружается в коматозное состояние, которое быстро заканчивается смертью. Сразу после прекращения дыхания на теле образуются крупные черные буллы, которые быстро распространяются по его поверхности. Разложение происходит в течение нескольких минут".

[20] Францисканский монах, Михаил Платиенсис (из Пьяццы).

[21] Архиепископ был членом ордена Святого Франциска и был назначен патриархом Антиохийским.

[22] Gregorio (R.), *Bibliotheca Scriptorum qui res in Sicilia gestas retulere*, tom. i, p. 562 seqq. Историк писал, вероятно, не позднее 1361 г. н.э.

ТОС [p016].

ГЛАВА II. ЭПИДЕМИЯ В ИТАЛИИ.

Великая болезнь достигла Италии в начале 1348 года. В Авиньоне в то время сообщали, что в январе в порт Генуи зашли три судна с чумой, а из другого источника следовало, что в это же время еще один корабль привез заразу с Востока в Венецию. Из этих двух мест эпидемия быстро распространилась по всей стране. О том, что происходило в первые дни этого страшного бедствия, лучше всего расскажут подлинные слова Габриэля де Мусси, который

обладал особыми познаниями и которого до недавнего времени считали, правда, неверно, пассажиром одного из тех самых судов, которые привезли чуму из Крыма в Геную. Историю распространения чумы можно почерпнуть из страниц подробных хроник, в которых в то время фиксировались основные события в различных крупных и процветающих городах Итальянского полуострова, а также из известного рассказа о том, в какое положение была поставлена болезнью Флоренция, приведенного во вступлении к "Декамерону" Боккаччо.

Рассматривая подробно свидетельства всех стран, относящиеся к этому великому бедствию, невозможно не заметить одинаковость терминов, в которых писатели, самые разные по характеру и находящиеся в местах, далеко отстоящих друг от друга, описывают то, что происходило на их глазах. Уже отмечалось, что императорский историк Иоанн Кантакузин, рассказывая об ужасах чумы в Константинополе, заимствовал сведения из Фукидида. Но те же самые идеи, те же самые слова невольно подсказываются всем и каждому. И простой монашеский летописец полузасыпанной [p017] обители в Энгельберге, и более придворный летописец Сен-Дени, и нотариус, пишущий на бумаге. Дени, нотариус, пишущий с сухостью и техничностью своей профессии, но проявляющий при этом слабость к риторике и сплетням, *литераторы* вроде Боккаччо, чьей *сильной стороной* является повествование, или Петрарки, наслаждающегося словесным шоу, деловитый городской хроникер итальянского города и автор, претендующий на звание историка, Врач, чьи интересы профессиональны, даже писака, взявший эту странную тему в качестве предмета для своих звенящих стихов, - все говорят с таким полным единством выражения, что кажется, будто каждый скопировал своего соседа, и что здесь есть прекрасная тема для научной забавы, известной как "исследование источников". Только когда мы переходим к изучению всей совокупности свидетельств, в сознании возникает понимание природы бедствия, которое, распространяясь повсюду, было везде одинаковым в своих ужасах, становясь, таким образом, не чем иным, как трагедией мирового масштаба, и становится ясно, что даже фразы ратора не могут сделать ничего большего, чем подняться до ужасной реальности факта.

Первым по важности, а также по времени, идет свидетельство Де' Мусси, суть которого мы приводим здесь. Случилось так, что когда корабли покидали Каффу - одни направлялись в Геную, другие в Венецию, третьи в другие части христианского мира, - некоторые из моряков уже были заражены смертельной болезнью. Одного больного было достаточно, чтобы заразить всю семью, а труп, когда его несли к могиле, приносил смерть своим носителям. "Расскажите, о Сицилия, и вы, многочисленные острова моря, о судах Божьих. Признайся, о Генуя, в том, что ты сделала, ибо мы, Генуя и Венеция, вынуждены явить Божье наказание. Увы! Наши корабли входят в порт, но из тысячи моряков едва ли десять пощажены. Мы достигаем своих домов; наши родственники и соседи приходят со всех концов, чтобы навестить нас. Горе нам, что мы бросаем в них смертельные дротики! Пока мы говорили с ними, пока они обнимали и целовали нас, мы рассеивали [p018] яд с наших губ. Возвращаясь в свои дома, они, в свою очередь, вскоре заражали все свои семьи, которые через три дня умирали и были похоронены в одной общей могиле. Священники и врачи, навещавшие больных, возвращались со своих постов больными и вскоре оказывались в числе умерших. О, смерть! Жестокая, горькая, нечестивая смерть, которая разрывает узы привязанности и разделяет отца и мать, брата и сестру, сына и жену.

"Оплакивая свое несчастье, мы боялись бежать, но не смели оставаться". Ужас усилился, когда выяснилось, что даже вещи и одежда умерших способны передавать болезнь. В этом можно убедиться на примере четырех солдат в местечке близ Генуи. Возвращаясь в свой лагерь, они взяли с собой шерстяное покрывало, которое нашли в доме в Ривароло, на

морском побережье, где болезнь уничтожила все население. Всю последующую ночь четверо спали под этим покрывалом, а утром все были найдены мертвыми. В Генуе чума пощадила едва ли седьмую часть населения. В Венеции, говорят, из каждых ста человек умерло более семидесяти, а из четырех с половиной двадцати прекрасных врачей двадцать были вскоре унесены болезнью.

"Но меня, как жителя, просят написать еще о Пьяченце, чтобы стало известно, что произошло там в 1348 году. Некоторые генуэзцы, спасаясь от чумы, свирепствовавшей в их городе, направились сюда. Они остановились в Боббио и там продали привезенные с собой товары. Покупатель и его хозяин, а также вся его семья и многочисленные соседи были быстро поражены болезнью и умерли. Один из них, желая составить завещание, позвал нотариуса, своего духовника и необходимых свидетелей. На следующий день все они были похоронены вместе. Бедствие настолько усилилось, что вскоре почти все жители Боббио стали жертвами болезни, и в городе остались только мертвые.

"Весной 1348 года в Пьяченцу прибыл еще один генуэзец, зараженный чумой. Он разыскал своего друга Фульчино [p019] делла Кроче, который взял его к себе в дом. Почти сразу после этого он умер, и упомянутый Фульчино также был быстро унесен вместе со всей своей семьей и многими соседями. За короткое время чума распространилась по всему городу. Не знаю, с чего начать; повсюду плач и скорбь. Смертность была столь велика, что люди едва осмеливались дышать. Умерших не было числа, а те, кто еще жил, считали себя погибшими и готовились к погребению.

"Из-за отсутствия кладбищ пришлось рыть траншеи, чтобы принимать тела умерших. Часто случалось, что муж и жена, отец и сын, мать и дочь - да что там, целые семьи - оказывались в одной яме.

"То же самое происходило и в соседних городах и деревнях. Некий Оберто ди Сассо, пришедший однажды из зараженного места в церковь Младших монахов, чтобы составить свое завещание, позвал туда нотариуса, свидетелей и соседей. Все они, а также другие люди, числом более шестидесяти, умерли в течение короткого времени. Также умер религиозный человек, монах Сифредо де Барди, из монастыря и ордена проповедников, человек благоразумный и очень образованный, который посетил гробницу Господа нашего, вместе с двадцатью тремя другими членами своего ордена и монастыря. Также сгинул ученый и добродетельный монах Бертолин Коксадока из Пьяченцы, из ордена миноритов, с четырьмя и двадцатью членами своей общины. Также погибли семь человек из монастыря августинских отшельников, семь - из кармелитов, четыре - из служительниц Марии, а также более шестидесяти сановников и настоятелей церквей в городе и округе Пьяченцы. Дворян тоже много, молодежи - огромное количество".

Далее де' Мусси приводит примеры сцен, ежедневно проходящих перед его глазами в охваченных чумой городах Северной Италии. Больной томился в одиночестве в своем доме, и никто к нему не приближался. Самые близкие ему люди, невзирая на родственные узы и привязанность, [p020] удалялись на расстояние; врач не приходил к нему, и даже священник со страхом и трепетом совершал церковные таинства. Мужчины и женщины, охваченные всепоглощающей лихорадкой, молили, но тщетно, о глотке воды и бесполезно зывали к кому-нибудь, кто бы присмотрел за их постелью. Отец или жена не прикасались к трупам ребенка или мужа, чтобы подготовить его к погребению, и не шли за ним. На похоронах даже самого благородного гражданина не читали молитв, не пели торжественных песнопений, не звонили в колокол; днем и ночью трупы без обрядов и церемоний несли в общую чумную

яму. Двери опустевших домов оставались закрытыми, и никто не заботился, да и не осмеливался войти в них.

Такова картина последствий этой болезни и ужасной смертности, вызванной ею, нарисованная тем, кто, по-видимому, был свидетелем ее первого появления в Италии и, несомненно, имел наилучшую возможность наблюдать за ее быстрым развитием. Возможно, можно подумать, что его описание ужасов зараженных городов излишне приукрашено и является порождением его воображения. Но в деталях оно несет на себе печать правды, а в главных своих чертах подтверждается слишком многими независимыми свидетелями в других частях Италии и даже в Европе в целом, чтобы оставить сомнения в том, что оно соответствует буквальной реальности.

То, что произошло во Флоренции, хорошо известно благодаря графическому описанию Боккаччо. Смертность в этом процветающем городе была настолько ужасной, что сама вспышка болезни на некоторое время стала известна в Европе как "Флорентийский мор". Весной предыдущего года (1347) случился сильный голод, и около 94 000 человек получали государственную помощь, в то время как около 4 000, как предполагается, погибли от голода в городе[23] и его окрестностях. Люди, ослабленные предыдущими тяготами, естественно, легче поддавались [p021] яду эпидемии. В апреле 1348 года страшная зараза начала проявлять себя. "Для лечения этой болезни, - пишет Боккаччо, - не помогали ни медицинские знания, ни сила лекарств, то ли потому, что болезнь была смертельной по своей природе, то ли потому, что врачи (число которых - если принять во внимание шарлатанов и женщин-притворщиц - стало очень велико) не могли составить ни верного представления о причине, ни, следовательно, обосновать истинный метод лечения; из тех, на кого напали, спаслись немногие или никто, но они обычно умирали на третий день от первого появления симптомов, без лихорадки или других проявлений болезни. Болезнь передавалась от больных к здоровым и, казалось, с каждым днем набирала силу и усиливалась, подобно тому как огонь разгорается, если подбросить в него свежего топлива. Зараза передавалась не только при разговоре с больными, но и при слишком близком приближении к ним или даже при простом обращении с их одеждой или тем, к чему они ранее прикасались.

"То, о чем я собираюсь рассказать, конечно, удивительно, и, если бы я не видел этого своими глазами и если бы не было многих свидетелей, подтверждающих его истинность, кроме меня самого, я бы не решился рассказывать об этом, каковы бы ни были заслуги людей, сообщивших мне об этом. Таков, говорю я, был смертоносный характер язвенной материи, что она передавала инфекцию не только от человека к человеку; но, что еще более удивительно, и это было часто доказано, все, что принадлежало больному этой болезнью, если к нему прикасалось любое другое существо, непременно поражало и даже убивало его за короткий промежуток времени. Один случай такого рода я особо отметил, а именно: лохмотья только что умершего бедняка были выброшены на улицу, в это время к ним подошли две свиньи и принялись копошиться среди них, трясая их в своих челюстях. Менее чем через час они упали и умерли на месте.

"Странными были средства, к которым прибегали выжившие, чтобы обеспечить свою безопасность. Какими бы разнообразными ни были средства, у всех была одна общая черта, эгоистичная и немилосердная - избегать больных и всего, что было рядом с ними; люди думали только о себе.

"Некоторые считали, что лучше всего вести умеренный образ жизни и избегать всяких излишеств. Они устраивали совместные вечеринки и, закрывшись от остального мира, умеренно ели и пили все самое лучшее, развлекаясь музыкой и другими развлечениями,

которые они могли иметь дома, и никогда не слушая новостей извне, которые могли бы заставить их беспокоиться. Другие утверждали, что свободная жизнь - лучшее средство для сохранения здоровья и удовлетворения всех страстей и appetитов. Они беспрестанно пили и веселились в таверне за таверной или в тех частных домах, которые, часто оказываясь покинутыми хозяевами, были открыты для всех желающих; но при этом они старательно избегали, со всей своей нерегулярностью, приближаться к зараженным. В то время в обществе царило такое бедствие, что законы, человеческие и божественные, не принимались во внимание, поскольку должностные лица, которые должны были привести их в действие, были либо мертвы, либо больны, либо без помощников, и каждый поступал так, как ему вздумается".

Другой класс людей выбрал средний путь. Они не ограничивали себя в питании, как первые, и не предавались неводержанности, как вторые; но ели и пили то, что требовал их аппетит, и ходили повсюду с ароматами и носовыми букетами, чтобы нюхать их, поскольку считали всю атмосферу испорченной выделениями, исходящими от мертвых тел.

"Другие, более черствые, заявляли, что, возможно, самым безопасным средством в экстремальной ситуации является бегство. Убежденные в этом и думая только о себе, множество мужчин и женщин оставили город, свои вещи, дома и родственников и бежали в сельскую местность; как будто гнев Божий был ограничен посещением только тех, кто находился в стенах города, и поэтому никто не должен был оставаться в обреченном месте.

"Но как бы ни были различны пути, болезнь постигла все эти классы без различия; ни [p023] все из одного класса не умерли, ни все не спаслись; и те, кто сначала подал пример, оставив других, теперь сами томились там, где некому было их пожалеть. Я обхожу стороной то малое уважение, которое проявляли друг к другу горожане и дальние родственники, ибо ужас был таков, что брат бежал даже от брата, жена - от мужа, а родитель - от собственного ребенка. Больные могли получить помощь лишь от тех немногих, кто еще подчинялся закону благотворительности, или от наемных слуг, которые требовали непомерно высокую плату и были способны лишь на то, чтобы передавать просимое и отмечать, когда больной умрет. Но даже таких платных помощников было мало, и жажда наживы часто стояла им жизни. Богатые люди покидали этот мир без единого человека, который бы им помогал; лишь немногие из них встречали свой уход слезами друзей. Труп доставляли в могилу только нанятые для этой цели люди, которые взваливали его на плечи и спешили с ним в ближайшую церковь, где его без всяких церемоний предавали погребению, где только хватало места.

"Что касается низших классов, да и многих представителей среднего сословия, то сцены, разыгрывавшиеся в них, были еще печальнее. Они болели тысячами, и, не имея никого, кто бы мог их обслужить, большинство из них умирали. Одни умирали на улицах, другие - в собственных домах, когда истечения, исходившие от их трупов, были первым признаком их смерти. Теперь было решено, что соседи с помощью тех носильщиков, которых они могли достать, очистят дома и каждое утро будут класть тела умерших у своих дверей. Затем трупы несли в могилу на тележках, по два или три за раз. Некому было следить за ними, некому было проливать слезы, ибо дело дошло до того, что о жизни людей думали не больше, чем о жизни зверей. Даже друзья смеялись и веселились, а женщины научились думать о собственной жизни прежде всего.

"Освященной земли больше не хватало, и стало [p024] необходимо рыть траншеи, в которые сотнями складывали тела, укладывая их рядами, как грузы на корабле; на каждый последующий слой насыпали немного земли, пока ямы не заполнялись доверху.

Прилегающая к городу местность представляла ту же картину, что и город; несчастные рабочие и их семьи, лишенные врачей и помощи, томились на дорогах, в полях, в собственных коттеджах, умирая как скот, а не как люди. Сельские жители, как и горожане, становились распушенными в своих манерах и беспечными ко всему. Они полагали, что каждый день может стать для них последним; они не заботились и не думали о том, как улучшить свое состояние или даже использовать его для нынешнего пропитания. Стада и отары, изгнанные из своих домов, блуждали без присмотра по заброшенным полям, а с наступлением ночи возвращались по своей воле".

По оценкам, с марта по июль в одном только городе погибло до ста тысяч человек.

"Какие великолепные жилища, - продолжает писатель, - какие величественные дворцы опустели до последнего жителя! Сколько знатных родов вымерло! Какие богатства, какие огромные владения остались без наследников, которые могли бы их унаследовать! Сколько представителей обоих полов в расцвете сил и молодости, которых утром Гален, Гиппократ или сам Эскулап объявили бы совершенно здоровыми, после того как они от души пообедали со своими друзьями здесь, ужинали со своими ушедшими друзьями в другом мире"[24].

Можно предположить, что это описание Боккаччо ужасной природы чумы во Флоренции было либо причудливой картиной его воображения, либо предназначалось лишь для риторического вступления к историям, рассказанным в "Декамероне", и имело лишь слабую основу в виде фактов. К сожалению, имеются и другие источники, подтверждающие [p025] графическое отношение флорентийского поэта во всех его деталях. Среди тех, кого унесла моровая язва во Флоренцию, был и знаменитый историк Джованни Виллани. Его труд продолжил его брат Маттео, который начинает свои анналы рассказом об эпидемии. Уничтожение человеческих жизней показалось ему настолько ужасным, что он говорит своим читателям, что со времен всемирного потопа на мир не обрушивалась более страшная катастрофа. По его свидетельству, эпидемия охватила весь итальянский полуостров, за исключением Милана и некоторых альпийских районов северной Ломбардии. В каждом месте, которое посетило это бедствие, оно продолжалось пять месяцев, и везде родители-христиане бросали своих детей и родственников, причем так бездушно, как "можно было бы ожидать от неверных и дикарей". Что касается Флоренции, то, хотя немногие посвятили себя уходу за больными, многие бежали из охваченного чумой города. Эпидемия свирепствовала там с апреля по сентябрь 1348 года, и, по мнению Виллани, жертвами чумы стали три человека из каждых пяти в городе и окрестностях. Что касается влияния бедствия на оставшихся в живых, то историк пишет, что, хотя естественно было бы ожидать, что люди, впечатленные столь ужасным наказанием, станут лучше, на деле все оказалось совсем наоборот. Работа тоже была заброшена, и "люди предавались наслаждению мирскими богатствами, которые им удалось получить". Безделье, распушенные нравы, грехи чревоугодия, банкеты, пиршества в тавернах, безудержная роскошь, непостоянство в одежде и постоянные перемены в зависимости от прихоти - таковы были характерные признаки зажиточных итальянских граждан, когда чума прошла. И бедняки, по словам Виллани, тоже стали бездельничать и не желали работать, считая, что, когда столько людей унесла чума, не могло не быть изобилия для тех, кого пощадило Провидение.[25] [p026]

Та же история рассказывается во всех современных хрониках итальянских городов. В Пизе ужасная смертность продолжалась до сентября 1348 года, и было мало семей, которые не считали бы двух или трех своих членов умершими. Многие имена, как говорят, были полностью стерты из списка живых. Не менее сотни человек каждую неделю сносились в могилу в городе, а те, кто имел смелость дежурить у смертного одра родственника или друга,

тщетно зывали к прохожим, чтобы те помогли им похоронить труп. "Помогите нам донести это тело до ямы, - кричали они, - чтобы мы в свою очередь могли заслужить, чтобы нашлись те, кто понесет нас". Ужасная внезапность смерти, которую часто причинял бич, отмечается автором "Пизанской хроники", как и почти всеми писателями этого периода. Люди, которые утром были здоровы, к вечеру оказывались в могиле[26].

Падуанский хронист, писавший в то время, отмечает, что один больной, как правило, заражал дом, в котором он лежал, так что, как только болезнь проникала в жилище, ею были охвачены все, "даже животные". В Падую болезнь принес чужестранец, и за короткое время от нее пострадал весь город. В Сиене, по словам современного летописца ди Тура, чума началась в апреле и продолжалась до октября 1348 года. Все, кто мог, бежали из пораженного города. В мае, июле и августе умерло так много людей, что ни положение, ни деньги не позволяли нанять носильщиков, чтобы те несли умерших в общественные ямы. "И я, Аньоло ди Тура, - пишет этот автор, - своими руками отнес к яме пятерых своих маленьких сыновей; и то же самое сделали многие другие". Все ожидали смерти, и люди, как правило, говорили и верили, что конец света непременно наступит. В Сиене и ее [p027] окрестностях, по словам ди Тура, за эти семь месяцев умерло около 80 000 человек[28].

В Орвието чума началась в мае. Около 500 человек умерли за очень короткий промежуток времени, многие из них внезапно; магазины оставались закрытыми, дела и работа застопорились. Здесь она продолжалась обычные пять месяцев и закончилась в сентябре, когда многие семьи были признаны вымершими.[29] В Римини было замечено, что бедняки первыми подверглись нападению и стали главными страдальцами. Болезнь впервые проявилась 15 мая 1348 года и угасла только в декабре следующего года, когда, по подсчетам летописца, двое из трех жителей были сметены с лица земли[30].

Анонимный современный итальянский писатель описывает болезнь как "быструю и острую лихорадку, с отхаркиванием крови, карбункулами или свищами". Лишь немногие, по его словам, выздоравливали после того, как их поражала эта болезнь. Больные заметно заражали своей порчей здоровых, даже разговаривая с ними; от этого простого общения с больными умерло и похоронено бесконечное число мужчин и женщин. "И здесь, - говорит писатель, - я могу дать свое свидетельство. Один человек пустил мне кровь, и стекающая кровь коснулась его лица. В тот же день он заболел, а на следующий умер; по милости Божьей я спасся". Я отмечаю это потому, что, поскольку при простом общении с больными чума смертельно заражала здоровых, отец впоследствии избегал своего больного сына, брат - брата, жена - мужа, и так в каждом случае здоровый человек старательно избегал больных. Священники и врачи даже бежали в страхе от больных, и все избегали мертвых. Во многих местах и [p028] домах, когда умирал один из заключенных, остальные быстро, один за другим, уходили из жизни. И так велико было подавляющее число умерших, что пришлось открывать новые кладбища в каждом месте. В Венеции было почти 100 000 мертвецов, и так велико было множество трупов повсюду, что мало кто присутствовал на похоронах или траурных церемониях. . . . Этот мор не прекращался в стране с февраля до праздника Всех Святых (1 ноября 1348 года), и заупокойные службы пелись только голосами мальчиков, которые, не учась, а только заучивая, пели их, проходя по улицам". Далее писатель отмечает всеобщую распущенность, наступившую после болезни, и ее влияние на снижение уровня честности и нравственности[31].

К ужасным рассказам де Мусси о состоянии охваченных чумой Генуи и Пьяченцы и Боккаччо о разрушительных действиях моровой язвы во Флоренции можно добавить красноречивые письма поэта Петрарки, в которых он оплакивает всепоглощающую катастрофу, пережитую им в городе Парма. Здесь, как и во многих других местах, жители тщетно пытались

предотвратить проникновение болезни, запрещая все сношения со страдающими городами - Флоренцией, Венецией, Генуей и Пизой. Принятые меры по изоляции Пармы, по-видимому, были успешными, по крайней мере, на время, так как страшная чума не появлялась до начала июня 1348 г. [32] Но за шесть месяцев, в течение которых она продолжалась, она опустошила все окрестности. В Парме и Реджио от нее погибли многие тысячи людей, по приблизительным подсчетам, 40 000. [33] Петрарка в это время был каноником Пармского собора и познакомился в Авиньоне с Лаурой, которая быстро стала предметом его восхищения как типичная христианская мать семейства и подходящая тема для вдохновения его поэтической музыки. Лаура умерла в Авиньоне, одна из [p029] многих, кто стал жертвой великой моровой язвы, бушевавшей тогда в этом городе. Письмо, написанное другом по имени Луи, чтобы сообщить Петрарке об этой смерти, нашло его в Парме 19 мая 1348 года. [34] Месяц спустя поэт написал в Авиньон в самых сердечных выражениях своему брату, священнику в Монрье, единственному оставшемуся в живых из пяти-тридцати женских монастырей. [35] "Мой брат! Мой брат! Мой брат", - писал он. "Новое начало письма, хотя и использованное Марком Туллием четырнадцать сотен лет назад. Увы! Мой возлюбленный брат, что мне сказать? Как мне начать? Куда мне обратиться? Со всех сторон - печаль; повсюду - страх. Я хотел бы, брат мой, чтобы я никогда не родился или, по крайней мере, умер до этих времен. Разве потомки поверят, что было время, когда без небесных молний и земных пожаров, без войн и других видимых убийств не та или иная часть земли, а почти весь земной шар оставался без жителей.

"Когда-либо слышали или видели подобное; в каких летописях читали, что дома оставались пустыми, города опустевшими, страны заброшенными, поля слишком малыми для мертвых, а над всей землей царило страшное и всеобщее одиночество? Обратитесь к историкам - они молчат; спросите врачей - они молчат; обратитесь за ответом к философам - они пожимают плечами, хмурятся и, приложив палец к губам, просят вас замолчать.

"Поверят ли потомки в эти вещи, когда мы, видящие, едва ли можем им верить? Мы должны были бы думать, что видим сон, если бы, выйдя за город, не увидели своими глазами город в трауре и похоронах, а вернувшись в свой дом, не обнаружили бы его пустым, и таким образом не узнали бы, что то, о чем мы сетуем, реально.

"О, счастливые люди будущего, которые не знали этих страданий и, возможно, отнесут наше свидетельство к [p030] басням. Мы, действительно, заслужили эти (наказания) и даже больше; но наши предки также заслужили их, и пусть наши потомки не заслуживают того же".

Затем, сказав, что всеобщего несчастья достаточно, чтобы подумать, что Бог перестал заботиться о своих созданиях, и отбросив эту мысль как богохульство, писатель продолжает: "Но каковы бы ни были причины и как бы они ни были скрыты, последствия очевидны. Перейдем от общественных печалей к личным; прошла первая половина второго года с тех пор, как я вернулся в Италию. Я не прошу вас оглядываться назад; отсчитайте эти несколько дней и подумайте, чем мы были и чем мы стали. Где теперь наши приятные друзья? Где любимые лица? Где их ободряющие слова? Где их милые и нежные разговоры? Мы были окружены толпой близких людей, а теперь мы почти одни".

Рассказывая об одном из своих друзей, Паганине Миланском, Петрарка пишет: "Вечером его внезапно охватила морская болезнь. После ужина с друзьями он провел некоторое время в беседе со мной, наслаждаясь нашей общей дружбой и обсуждая наши дела. Он

мужественно провел ночь в последней агонии, а утром был унесен быстрой смертью. И, чтобы не было ужаса, через три дня его сыновья и вся семья последовали за ним в могилу"[36].

В других городах Италии та же трагедия, рассказанная словами Боккаччо и Петрарки, разыгрывалась ранней весной и в летние месяцы 1348 года. В Венеции, где мор рано закрепился и положение которой делало ее особенно восприимчивой к заразе, смертность была столь велика, что ее представляли круглыми цифрами в 100 000 душ[37].

Исследования синьора Чеккетти по истории медицинского факультета в Венеции в этот период содержат много [p031] интересных подробностей о распространении болезни.[38] Хотя хирургам по закону не разрешалось заниматься медициной, во время распространения страшной смертности потребность в ней была так велика, что одному хирургу, Андреа ди Падова, было разрешено спасти жизнь более чем ста человек благодаря своей своевременной помощи.[39] В XIV веке Венеция страдала от чумы около пятнадцати раз, но 1348 год стал "великой эпидемией" - "ужасной смертностью" - для летописцев того времени. В течение долгого времени после этого государственные и другие документы служили оправданием всевозможных нарушений.[40] В грамотах, которые власти Венеции вручали врачам, остававшимся верными своему посту, говорится о том, что смерть наступала после первого заражения в течение очень короткого времени. Город настолько обезлюдил, что в нем, можно сказать, никого не осталось. Многие врачи бежали, другие закрылись в своих домах. Ремесленники и даже молодежь брали на себя обязанности лекарей и помогали выздоравливающим[41].

В воскресенье, 30 марта 1348 года, Большой совет Венеции избрал комиссию из трех человек для наблюдения за общественной безопасностью. Через несколько дней они приказали сделать на одном из островов глубокие ямы, чтобы принимать тела умерших в больницах и бедняков, и доставлять их туда; для этого были назначены корабли, которые всегда должны были ждать.

Богачи бежали из этих мест; чиновников невозможно было найти, а Великий совет настолько сократился, что не мог собраться в нужном количестве для ведения дел. Нотариусы умирали в огромных количествах, а тюрьмы были открыты.[42] Когда эпидемия прекратилась, сенату с большим трудом удалось найти трех врачей для города. 12 января 1349 года Марко Леон, способный врач, уроженец Венеции, который практиковал в Перудже, предложил вернуться в свой город, "поскольку, - как он говорит, - Богу было угодно ужасной смертностью оставить наше родное [p032] место настолько лишенным честных и способных врачей, что можно сказать, что не осталось ни одного"[43].

Подобные подробности можно было бы привести из современных итальянских записей. Однако то, что здесь приведено, позволит читателю составить некоторое представление о природе страшной болезни и масштабах всеобщего опустошения Итальянского полуострова. Летописи рассказывают, что в каждом городе, замке и поселке царили смерть и запустение. В большинстве мест, как, например, в Пизе, закон и порядок отошли в прошлое, отправление правосудия стало невозможным, преступники всех мастей творили, что хотели,[44] и еще долгое время после окончания чумы суды были заняты спорами об имуществе умерших. Когда волна моровой язвы докатилась до других земель, вслед за ней пришли голод и всеобщее бедствие в Италии, но странным образом сопровождавшиеся щедрыми расходами тех, кто считал, что там, где умерло столько людей, должно хватить и мирских благ для тех, кто остался. Земля лежала необработанной, а урожай не был собран. Провизия и другие жизненно необходимые вещи стали дорогими. Рынки перестали

проводиться, а города и поселки, лишённые жителей, являли собой зрелище упадка и запустения. Говорят, и, похоже, нет оснований сомневаться в этом утверждении, учитывая многочисленные свидетельства современников о бедствии, что по меньшей мере половина населения Италии была уничтожена этим бедствием. Этот рассказ об ужасах 1348 года в Италии можно завершить рассказом некоторых студентов из Богемии, которые в это время возвращались в свою страну из Болоньи.

"В это время, - говорится в пражской хронике, - некоторые студенты, приехав из Болоньи в Богемию, увидели, что в большинстве городов и замков, через которые они проезжали, мало кто остался в живых, а в некоторых все были мертвы. Во многих домах [p033] также те, кто спасся, были настолько ослаблены болезнью, что один не мог дать другому ни глотка воды, ни чем-либо помочь ему, и так проводили время в великих страданиях и бедах. Священники, совершавшие таинства и подававшие больным лекарства, тоже заражались и умирали, и многие уходили из этой жизни без исповеди и таинств Церкви, так как священники были мертвы. Обычно делались большие, широкие и глубокие ямы, в которых хоронили тела умерших. Во многих местах воздух был заражен и более смертоносен, чем отравленная пища, от тления трупов, так как некому было их хоронить. Из вышеупомянутых студентов в Богемию вернулся только один, а все его спутники умерли в пути"[45].

[45] FOOTNOTES:

[23] Sismondi, *Histoire des Républiques Italiennes du Moyen Age*, vi, p. 11.

[24] "Декамерон", Введение.

[25] Muratori, *Scriptores*, xiv, coll. 11-15.

[26] Muratori, *Scriptores*, xv. 1021.

[27] *Ibid.*, xii, 926.

[28] *Ibid.* xv, 123. В этот период население Сиены превышало 100 000 человек, и было решено приступить к строительству огромного собора по проекту Ландо Орефиче. Работы едва успели начаться, как в городе разразилась чума 1348 года. Работы были приостановлены, а деньги, собранные для этой цели, были направлены на необходимые общественные работы (G. Gigli, *Diario Sanese*, ii, 428).

[29] Muratori, *Scriptores* xv, 653.

[30] *Ibid.*, 902.

[31] *Ibid.*, xvi, 286.

[32] A. Pezzana, *Storia della città di Parma*, vol. i, p. 12.

[33] *Historiæ Parmensis Fragmenta*, in Muratori, *Scriptores*, xii, 746.

[34] T. Michelet, *Histoire de France*, iv, p. 238.

[35] A. Phillippe, *Histoire de la Peste Noire* (Paris, 1853), p. 103.

[36] *Epistolæ Familiares* (Ed. 1601), lib. viii, pp. 290-303.

[37] Muratori, *Scriptores*, xii, 926.

[38] См. его статью *La Medicina in Venezia nel 1300* в *Archivio Veneto*, tom. xxv, p. 361, seqq.

[39] p. 369.

[40] *Ibid.*, 377.

[41] *Ibid.*

[42] *Ibid.*, p. 378.

[43] *Ibid.*, p. 379.

[44] Roncioni, *Istorie Pisane in Archivio Storico Italiano*, iv, 808.

[45] *Chronicon Pragense*, ed. Loserth in *Fontes rerum Austriacarum, Scriptores*, vol. i, p. 395.

ТОС [p034]

ГЛАВА III. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЧУМЫ ВО ФРАНЦИИ.

Почти одновременно с появлением чумы в Италии она закрепились на юге Франции. Согласно современному рассказу, написанному в Авиньоне в 1348 году, болезнь была завезена в Марсель на одном из трех генуэзских кораблей, которые были вынуждены покинуть порт Генуи, когда жители обнаружили, что по их вине страшная чума уже начала свирепствовать в их городе. Таким образом, наиболее вероятно, что смертность в Марселе началась где-то в первых числах января 1348 г., хотя по одним данным, болезнь началась еще в День всех святых (1 ноября) 1347 г. [46] Число умерших в этом великом южном порту Франции полностью сравнялось со смертностью в густонаселенных городах Италии. Говорят, что за месяц болезнь унесла 57 000 жителей Марселя и его окрестностей [47]. В одной хронике говорится, что "епископ со всей кафедрой собора, почти все монахи, проповедники и минориты, а также две трети жителей погибли" в это время; и добавляется, что на море можно было увидеть корабли, груженные товарами, которые волнами носило туда-сюда, а рулевой и все матросы были унесены болезнью. [48] Другой, говоря о Марселе после того, как мор прошел, говорит, что "умерло так много людей, что он [p035] остался как необитаемое место." [49] Интересно отметить, что среди выживших был английский врач Уильям Гризант из Мертон-колледжа в Оксфорде. Он изучал медицину в знаменитой в то время школе Монпелье и занимался практикой в Марселе во время визита великой чумы 1348 года, а умер два года спустя, в 1350 году [50].

В Монпелье бедствия были, если можно так выразиться, еще сильнее. Из двенадцати магистратов, или консулов, умерло десять, а в многочисленных монастырях не пощадили почти ни одного священника. Доминиканцы здесь были очень многочисленны, их насчитывалось около 140 членов, и только семь из них, как говорят, остались в живых. [51] Симон де Ковино, врач из Парижа, который, вероятно, был свидетелем течения болезни в Монпелье, написал в 1350 году отчет о своих переживаниях в поэтической форме. Мораль его стихов та же, что и у Боккаччо, а главный интерес заключается в том, что, как и итальянский поэт, Ковино был очевидцем того, о чем он рассказывает, а его медицинское образование делает его свидетельство о главных характеристиках болезни особенно важным. Он называет болезнь *pestis inguinaria*, или бубонная чума Востока. Он описывает жгучую боль, начинающуюся под мышками или в паху и распространяющуюся на область сердца. Затем смертельная лихорадка распространяется на жизненно важные части тела; в первую очередь страдают сердце, легкие и дыхательные пути, силы быстро падают, и человек, пораженный этой болезнью, не в состоянии долго бороться с ядом.

Автор отмечает одно очень необычное последствие болезни: "Чума, - утверждает он, - наложила свою печать на [p036] все население. Лица становились бледными, а на лбу появлялась надпись об обреченности, которая грозила людям. Достаточно было взглянуть на лица мужчин и женщин, чтобы прочитать там запись об ударе, который вот-вот должен был обрушиться; заметная бледность возвещала о приближении врага, и перед роковым днем смертный приговор был безошибочно написан на лице жертвы. Оказалось, что ни один климат не влияет на странный недуг. Оказалось, что его не останавливает ни жара, ни холод. Высокие и здоровые места были подвержены ей в той же степени, что и сырые и низкие. В холодное время года зимой болезнь распространялась так же быстро, как и в жару в летние месяцы".

Заразный характер эпидемии не вызывал сомнений. "Было доказано, - писал Ковино, - что, когда она однажды проникла в дом, едва ли кто-то из живущих в нем спасся". Зараза была настолько велика, что один больной человек, так сказать, "заражал весь мир". "Прикосновения, даже дыхания было достаточно, чтобы передать болезнь". Жертвами становились и те, кто был обязан оказывать обычную помощь больным. "Случалось, что священники, эти святые врачи душ, были поражены чумой во время оказания духовной помощи; и часто от одного прикосновения или дыхания больного чумой они погибали еще до того, как заболел человек, которому они пришли помочь". Одежду справедливо считали зараженной, и даже мебель в домах, подвергшихся нападению, была под подозрением. В Монпелье во время визита, по словам писателя, было больше врачей, чем в других местах, но едва ли кто-то избежал заражения, и это при том, что было признано, что медицинские навыки малоэффективны или вообще бесполезны.

Согласно опыту этого врача из Монпелье, наибольшая смертность наблюдалась среди бедняков, поскольку их тяжелая жизнь и бедность делали их более восприимчивыми к смертельной инфекции, а их состояние не позволяло им бороться с ней с теми шансами на успех, которыми обладали зажиточные слои населения. Что касается масштабов [p037] смертности, он говорит, "что число унесенных с лица земли было больше, чем оставшихся в живых; города сейчас (*то есть* в 1350 году) обезлюдели, тысячи домов заперты, тысячи стоят с открытыми дверями, их владельцы и те, кто в них жил, были сметены". Наконец, этот автор свидетельствует о пагубном влиянии бедствия на нравственность тех, кого удалось спасти. По его мнению, такие визиты всегда должны оказывать самое пагубное влияние на общую добродетель в мире[52].

Из Марселя эпидемия быстро распространилась на север по долине Роны и в западном направлении по Лангедоку. Монпелье тоже быстро передал инфекцию. В Нарбонне она началась в первую неделю Великого поста 1348 года и, как говорят, унесла 30 000 жителей. Действительно, это нашествие было настолько страшным, что этот древний город, как сообщается, никогда не оправится от опустошения, которое оно вызвало[53].

В Арле, который подвергся нападению вскоре после того, как болезнь закрепилась на французской земле, погибло большинство жителей.[54] Уже в январе 1348 года болезнь добралась до Авиньона. В этом городе папа Климент VI, находившийся тогда на шестом году своего понтификата, держал свой двор. Прежде чем прибытие страшного визитера было публично признано, шестьдесят шесть верующих из монастыря кармелитов были унесены, а за первые три дня, как сообщается, погибло 1800 человек. За семь месяцев, в течение которых длилось бедствие, число умерших на территории Авиньона достигло 150 000 человек, среди которых была и подруга Петрарки, Лаура де Новес, умершая в Страстную пятницу 27 марта 1348 г.[55] Даже в Англии того времени отмечали и обращали внимание на чрезмерную смертность в Авиньоне [p038].[56] Говорят, что огромное количество евреев

было унесено из-за антисанитарных условий, в которых они жили, и столь же большое количество испанцев, проживавших в городе, чья склонность к хорошей жизни делала их наиболее восприимчивыми к инфекции[57].

Тревожная смертность быстро вызвала панику. "Ибо такой ужас, - пишет автор жития пап в Авиньоне, - овладевал почти всеми, что, как только на ком-нибудь появлялась язва или фурункул, его покидали все, независимо от того, насколько близкими родственниками он был. Ибо отец оставлял сына, сын - отца на больничной койке. В любом доме, когда человек заболел недугом и умирал, на него нападали все остальные и быстро следовали за ним в могилу; да, даже животные в доме, такие как собаки, кошки, петухи и куры, тоже умирали. Поэтому те, у кого были силы, бежали от страха перед случившимся, и, как следствие, многие, кто в иных обстоятельствах мог бы поправиться, погибли из-за отсутствия ухода. Многие из тех, кто был охвачен болезнью, считая себя уверенными в смерти и не надеясь на выздоровление, сразу же уносили в яму и закапывали. И таким образом многие были погребены заживо".

Тот же автор отмечает милосердие Папы в это ужасное время, побудившего врачей посещать и помогать больным беднякам. "А поскольку обычных кладбищ не хватало для хранения тел умерших, папа купил большое поле и распорядился освятить его как кладбище, где могли быть похоронены все желающие. И здесь было погребено бесконечное число людей"[58] [p039].

Однако самый важный и конкретный рассказ о моровой язве в Авиньоне принадлежит некоему канонику из Низких стран, который писал в то время из города своим друзьям в Брюгге. Он находился в поезде кардинала, совершавшего визит в Римскую курию, когда разразилась чума. "Болезнь, - пишет он, - трояка по своему заражению; то есть, во-первых, страдают легкие и дыхание, и те, у кого они повреждены или даже слегка поражены, ни в коем случае не могут спастись и прожить более двух дней. Во многих городах Италии, а также в Авиньоне по приказу папы римского были проведены обследования, чтобы выяснить происхождение этой болезни. Многие трупы были вскрыты и препарированы, и выяснилось, что все умершие таким образом внезапно имели зараженные легкие и отхаркивали кровь. Заразный характер этой болезни - поистине самый страшный из всех ужасов (того времени), ибо когда умирает тот, кто заражен ею, все, кто видит его в болезни, или посещает его, или ведет с ним какие-либо дела, или даже несет его в могилу, быстро следуют за ним, и нет никаких известных средств защиты.

"Есть, однако, и другая форма этой болезни, которая в настоящее время протекает одновременно с первой; так, под обеими руками появляются апостимы, и от них люди также быстро умирают. Третья форма болезни, как и две предыдущие, протекающая одновременно с ними, - это та, от которой люди обоих полов страдают от апостигм в паху. Она также быстро приводит к летальному исходу. Болезнь уже достигла таких размеров, что, боясь заразиться, ни один врач не посетит больного, даже если больной с радостью отдаст ему все, что у него есть; ни отец не навестит своего сына, ни мать свою дочь, ни брат своего брата, ни сын своего отца, ни друг своего друга, ни знакомый своего знакомого, ни, вообще, никто не пойдет к другому, как бы близко он ни был связан с ним по крови, если только он не готов умереть вместе с ним или [p040] быстро последовать за ним. Тем не менее, большое количество людей умерло только из-за своей привязанности к другим; ведь они могли бы спастись, если бы, движимые благочестием и христианским милосердием, не посетили в это время больного.

"Если говорить коротко, то половина или даже больше половины жителей Авиньона уже мертвы. В стенах города сейчас заперто более 7000 домов; в них никто не живет, и все, кто в них жил, ушли; в пригородах почти нет людей. Поле возле "Богоматери Чудес" было куплено Папой и освящено как кладбище. На нем, начиная с 13 марта[59], было захоронено 11 000 трупов. В это число не входят те, кто погребен на кладбище госпиталя Святого Антония, на кладбищах, принадлежащих религиозным организациям, и на многих других, существующих в Авиньоне. Я не могу умолчать и о соседних частях, ибо в Марселе все ворота города, за исключением двух маленьких, сейчас закрыты, ибо там четыре пятых жителей мертвы.

"Подобный отчет я могу дать обо всех городах и поселках Прованса. Болезнь уже перешла Рону и опустошила многие города и деревни вплоть до Тулузы, и по мере распространения она все более усиливается. Из-за этой огромной смертности существует такой страх смерти, что люди не осмеливаются даже разговаривать с кем-либо, чей родственник умер, потому что часто замечают, что в семье, где умирает один человек, почти все родственники следуют за ним, и в это принято верить среди людей. Не обслуживают больных и их родственники, разве что как собак; возле кровати ставят еду, чтобы они ели и пили, а потом те, кто еще здоров, улетают и покидают дом. Когда человек умирает, в дом приходят грубые деревенские люди, называемые *гавоти*, и, получив достаточно большое вознаграждение, несут труп в могилу. Ни родственники, ни друзья не приходят к больным, священники даже не выслушивают их [p041] исповеди и не дают им таинств; но каждый, пока он здоров, заботится о себе сам. Ежедневно случается, что какого-нибудь умирающего богача эти грубияны несут в могилу без света, и за ним не идет ни одна душа, кроме этих наемных погорельцев. Когда несут труп, все разбегаются по улицам и забираются в свои дома. Не спасаются от них и эти несчастные *гавоти*, как бы ни были они сильны; но большинство из них через некоторое время заражаются этой заразой и умирают. Все бедняки, которые имели обыкновение получать хлеб от богатых, умерли; то есть, если в обычное время ежедневно раздавалось шестьдесят четыре меры пшеницы для хлеба, из каждой меры делалось пятьдесят хлебов, то теперь раздается только одна мера, а иногда и половины оказывается достаточно.

"Говорят, что в общей сложности за три месяца, то есть с 25 января по сегодняшний день (27 апреля), в Авиньоне было похоронено 62 000 тел. Папа, однако, около середины марта прошлого года, после зрелого размышления, дал пленарное отпущение грехов до Пасхи, насколько распространяются ключи Церкви, всем тем, кто, исповедавшись и раскаявшись, случайно умрет от болезни. Он приказал также совершать благочестивые процессии с пением ектений в определенные дни каждой недели, и на них, как говорят, из соседних районов иногда приходит до двух тысяч человек; среди них многие обою пола босые, некоторые в мешковине, некоторые в пепле, ходят со слезами, рвут на себе волосы и бьют себя бичами до крови. Папа Римский лично присутствовал на некоторых из этих шествий, но тогда они проходили в пределах его дворца. Чем все это закончится или откуда все это началось, одному Богу известно. . . .

"Некоторые несчастные были пойманы с какой-то пылью, и, справедливо или несправедливо, одному Богу известно, их обвиняют в том, что они отравили воду, и люди в страхе не пьют воду из колодцев; за это многих сжигали и ежедневно сжигают". [p042]

"Рыбу, даже морскую, обычно не едят, так как люди говорят, что она заразилась от плохого воздуха. Кроме того, люди не едят и даже не прикасаются к пряностям, которые не хранились год, так как боятся, что они могли недавно прибыть на вышеупомянутых кораблях. И действительно, не раз бывало, что те, кто ел эти новые специи и даже некоторые виды морской рыбы, внезапно заболевали.

"Я пишу это вам, друзья мои, чтобы вы знали, в какой опасности мы живем. И если вы хотите сохранить себя, то лучший совет - есть и пить умеренно, избегать холода, не совершать излишеств и, прежде всего, мало общаться с другими, в это время особенно, за исключением тех немногих, чье дыхание сладко. Но лучше всего оставаться дома, пока эпидемия не пройдет. . . .

"Знайте также, что Папа недавно покинул Авиньон, как сообщают, и отправился в замок под названием Стелла, недалеко от Валанса на Роне, в двух лье от него, чтобы оставаться там, пока не изменятся времена. Курия, однако, предпочла остаться в Авиньоне, (но) были объявлены каникулы до праздника святого Михаила. Все аудиторы, адвокаты и прокураторы либо уехали, либо собираются уехать немедленно, либо умерли. Я нахожусь в руках Бога, которому отдаю себя в руки. Мой господин последует за папой, так говорят, и я с ним, ибо есть несколько замков у воздушных гор, где смертность еще не проявилась, и считается, что там наилучший шанс. Выбирать и делать то, что лучше, да дарует нам всем Всемогуший и Милосердный Бог. Аминь." [60]

Из другого источника можно получить некоторое подтверждение смертности, описанной автором этого письма. 11 000 человек, которые, по словам анонимного каноника, были похоронены на новом кладбище Папы с 13 марта по 27 апреля, могут показаться чрезмерными; еще больше - 62 000 человек, умерших за три месяца между [p043] первой вспышкой, 25 января, и датой написания этого письма. Однако заявления писателя настолько косвенны и так подробно изложены, что, учитывая тенденцию всех подобных катастроф преувеличивать, а не преуменьшать число жертв, можно с большой долей вероятности утверждать, что его оценка ужасного разрушения жизни в Авиньоне и его окрестностях в значительной степени точна. Написав в воскресенье после Пасхи 1348 года, он, очевидно, указывает на время Великого поста как на период, когда эпидемия достигла своего апогея. Это подтверждается сообщением в немецкой хронике, где говорится: "В Венеции, во всей Италии и Провансе, особенно в городах на морском побережье, умерло несметное количество людей. А в Авиньоне, где тогда находилась Римская курия, за первые три дня после середины Великого поста было похоронено 1400 человек" [61] Середина Великого поста в 1348 году пришлась на 30 марта, и, следовательно, согласно этому авторитету, в последний день марта и первые два дня апреля число умерших превышало 450 человек в день.

Ни один рассказ о чуме в Авиньоне не будет полным без упоминания о Ги де Шольяке и некоторых цитат из оставленных им потомкам трудов об этой конкретной вспышке болезни. Де Шольяк был врачом папы Климента VI. Во время эпидемии он посвятил себя обслуживанию больных, и, хотя сам заразился, его жизнь была счастливо сохранена для служения другим и для того, чтобы он мог написать отчет об этой болезни. Смертность, по его словам, началась в январе 1348 года и продолжалась в течение семи месяцев. "Она была двух видов; первая длилась два месяца, с постоянной лихорадкой и кровохарканьем, и от нее люди умирали через три дня.

"Второй продолжался все остальное время. При нем, наряду с постоянной лихорадкой, появлялись наружные карбункулы, или бубоны, под мышками или в паху, и [p044] болезнь проходила за пять дней. Зараза была так велика (особенно когда плевались кровью), что люди не только оставались (с больными), но даже смотрели (на них) и, казалось, заражались; настолько, что многие умирали без прислуги и были похоронены без священников, чтобы помолиться над их могилами.

"Отец не посещал своего сына, а сын - своего отца. Благотворительность была мертва. Смертность была столь велика, что от населения осталась едва ли четвертая часть. Даже врачи не осмеливались посещать больных из страха заразиться, а если и посещали, то не пытались их вылечить, и поэтому почти все заболевшие умирали, за исключением конца эпидемии, когда немногие выздоравливали".

"Что касается меня, то, чтобы избежать позора, я не осмеливался отлучаться, но все равно находился в постоянном страхе". Под конец болезни де Шольяк заразился и в течение шести недель находился в большой опасности, но в конце концов выздоровел[62].

По совету этого же Ги де Шолиака папа Климент VI изолировался и держал в своих апартаментах большие костры, как это делал папа Николай IV во время предыдущей эпидемии. Во всем округе Прованса смертность, судя по всему, была очень велика. В Великий пост 1348 года, как говорят, умерло не менее 358 доминиканцев.[63] Даже к концу ноября этого года ужас того времени не покинул Авиньон и папский двор. В письме королю Людовика Венгерскому от 23 числа того же месяца папа оправдывался, что не послал раньше, "поскольку смертоносная чума, опустошившая эти и другие части света неизвестной и ужасной смертностью, не только, по воле Божьей, унесла некоторых из наших братьев, но и заставила других бежать из Римской курии, чтобы избежать смерти"[64] [p045].

В начале лета того же 1348 года, как раз когда чума ослабевала в Авиньоне, Папа обратился с письмом к Генеральному капитулу Братьев Миноров, проходившему в то время в Вероне. Он сетует на несчастья, в которые погрузился мир, главным образом "из-за смертельной болезни, которая уносит от нас старых и молодых, богатых и бедных, в одной общей, внезапной и непредвиденной смерти". Он призывает их объединиться в молитве, чтобы чума прекратилась, и дарует особые индульгенции "тем из вас, кто во время этого капитула или возвращаясь в свои дома, может случайно умереть"[65] Говорят, что только в Италии 30 000 францисканцев умерли от этой болезни.

С момента своего первого проникновения во Францию в начале 1348 года чума распространялась все шире и шире. В уже приведенном письме из Авиньона говорится об опустошительном действии этой заразы во всем Провансе, а также о том, что еще до конца апреля она достигла Тулузы на своем пути на запад. В августе этого года (1348) Бордо, очевидно, страдал от этой болезни, поскольку в том же месяце в этом городе внезапно умерла принцесса Жанна, дочь Эдуарда III, которая направлялась на свадьбу с Педро, сыном короля Кастилии.

В северном направлении эпидемия распространялась с не меньшей силой. В Лионе о моровой язве свидетельствует надпись, хранящаяся в городском музее. В ней говорится о строительстве в 1352 году горожанином Михаилом Панксусом часовни, в которой должна быть отслужена месса за души нескольких членов его семьи, "умерших во время моровой язвы 1348 года"[66] Анонимный клирик из Брюгге, сохранивший Авиньонское письмо, писавший, вероятно, в то время, дает следующий отчет о ее развитии: "В год Господа нашего 1348, та чума, эпидемия и смертность, о которой мы упоминали ранее, по воле Божьей [p046] не прекратилась, но изо дня в день растет и опускается на другие части. Ибо в Бургундии, Нормандии и других местах она уничтожила и продолжает уничтожать многие тысячи людей, животных и овец"[67].

Он прибыл в Нормандию, вероятно, около праздника святого Иакова (25 июля) 1348 года. Современная запись в рукописи, которая, несомненно, поступила из аббатства Фукармон, дает следующий отчет: "В год благодати 1348, около праздника святого Иакова, великая смертность вошла в Нормандию. И она пришла в Гасконь, и Пуату, и Бретань, а затем

перешла в Пикардию. И была она столь ужасна, что в городах, на которые она нападала, умирало более двух третей населения. И отец не осмеливался навестить сына, брат - сестру, и люди не могли найти друг друга, чтобы ухаживать, потому что, когда человек вдыхал дыхание другого, он не мог спастись. Доходило до того, что никого не могли найти даже для того, чтобы отнести трупы (в могилу). Люди говорили, что наступил конец света"[68]. В другой рукописи М. Делисле обнаружил еще одну запись или часть записи, в которой говорится об ужасном характере этой болезни в Нормандии. Она никогда не проникала в город или поселок, не унося большую часть жителей. "И в то время смертность среди жителей Нормандии была столь велика, что жители Пикардии насмехались над ними"[69].

Париж, конечно же, посетила болезнь. Судя по всему, она впервые проявилась в начале лета 1348 года. В хронике Сен-Дени записано, что "в год благодати 1348 упомянутая смертность началась в королевстве Франция и продолжалась около полутора лет, больше или меньше. Так в Париже умерло, один день за другим, 800 человек... . За эти полтора года, как утверждают некоторые, число умерших в Париже превысило 50 000 человек, а [p047] в городе Сен-Дени - 16 000"[70] В хронике кармелитов из Реймса общее число умерших в Париже составляет более 80 000 человек,[71] среди которых были две королевы, Жанна Наваррская, дочь Людовика X., и Жанна Бургундская, жена короля Филиппа Валуа.

Наиболее подробный рассказ о чуме во Франции в момент нападения на столицу приводится в продолжении хроники Вильгельма Нангисского, написанной, вероятно, до 1368 года. "В том же году" (1348), говорится в ней, "как в Париже в королевстве Франция, так и не менее, как сообщается, в разных частях света, а также в следующем году, была столь велика смертность людей обоего пола, причем скорее молодых, чем старых, что их едва могли похоронить. Болели они не более двух-трех дней, а некоторые часто умирали внезапно, так что человека, который сегодня был в добром здравии, завтра несли в могилу трупом. Под мышками или в паху внезапно появлялись шишки, и их появление было безошибочным признаком смерти. Эту болезнь, или мор, врачи называли эпидемией. И множество людей, умерших в 1348 и 1349 годах, было столь велико, что ничего подобного не было слышно, читано или засвидетельствовано в прошлые века. А упомянутые смерти и болезни часто происходили от воображения или от общества и (как следствие) заражения другого, ибо здоровый человек, посетивший больного, едва ли избежал смерти. Поэтому во многих городах, малых и больших, священники уходили в отставку из-за страха, оставляя совершение таинств религиозным людям, которые были более смелыми. Короче говоря, во многих местах из каждых двадцати человек в живых не оставалось и двух.

"Так велика была смертность в парижском Обители-Дьё, что в течение долгого времени более пятидесяти трупов каждый день увозили [p048] из нее на телегах, чтобы похоронить.[72] А благочестивые сестры Обители-Дьё, не боясь смерти, трудились благочестиво и смиренно, не заботясь ни о каких мирских почестях. Многие из этих сестер очень часто были призваны смертью к своей награде и покоятся в мире со Христом, как благочестиво полагают".

Рассказав о том, что чума прошла через Гасконь и Испанию, летописец говорит о том, что она переходила "из города в город, из деревни в деревню, из дома в дом и даже от человека к человеку; и, придя в страну Францию, перешла в Германию, где, однако, была менее сильной, чем у нас".

"Это продолжалось во Франции, - говорит писатель, - большую часть 1348 и 1349 годов, и после этого можно было видеть многие города, сельские местности и дома в хороших городах, остававшиеся пустыми и без жителей".

В заключение писатель заявляет, что природа вскоре начала восполнять потери. "Но, увы, мир от этого обновления изменился не в лучшую сторону. Ибо люди стали еще более скупыми и алчными, даже когда обладали большим количеством благ этого мира, чем прежде. Они были более жадными, досаждали себе ссорами, раздорами и судебными тяжбами". Более того, все вещи стали намного дороже: мебель, еда, товары всех видов подорожали вдвое, а слуги работали только за большую плату. "Благотворительность тоже с того времени стала остывать, а нечестие с сопутствующим ему невежеством свирепствовало, и мало находилось тех, кто мог или хотел учить детей зачаткам грамматики в домах, городах или деревнях"[73] [p049].

Во время разгара чумы король Филипп VI обратился к медицинскому факультету Парижа с просьбой провести совместную консультацию и сообщить о наилучших методах борьбы со смертоносным характером болезни. Результат их консультации был опубликован, вероятно, в июне 1348 г.[74] К сожалению, строго придерживаясь текста адресованного им вопроса, их ответ не содержит никаких исторических подробностей. Они в общих чертах излагают свои взгляды на вероятное происхождение эпидемии и ограничиваются предложениями по ее лечению и способам, с помощью которых можно избежать заражения. Они четко указывают на инфекционную природу болезни и настоятельно рекомендуют всем, кто в состоянии, не иметь ничего общего с больными. "В основном умирают жители одного дома, и прежде всего члены одной семьи, которые находятся рядом друг с другом, - говорят они, - потому что они всегда находятся рядом с больными. Мы советуем им уходить, потому что именно таким образом огромное количество людей заразилось чумой"[75].

Тем временем эпидемия распространялась на север. В Амьене, где, как говорят, 17 000 человек были унесены болезнью, кажется вероятным, что болезнь достигла своего апогея не ранее лета следующего, 1349 года. Волна моровой язвы из Парижа, похоже, разделилась. Один поток пронесся через Нормандию к побережью, которого он, вероятно, достиг в районе Кале примерно в июле или августе 1348 года. Другой поток, заторможенный, вероятно, осенью и зимой, медленнее продвигался к Бельгии и Голландии.

В июне 1349 года король удовлетворил прошение мэра Амьена о строительстве нового кладбища. В документе говорится, что чума в городе была тогда настолько страшной, что кладбища переполнились, и больше ни один труп не мог быть безопасно похоронен на них. "Смертность в упомянутом городе, - говорится в письме короля, - столь поразительно велика [p050] что люди умирают там внезапно, так быстро, как от одного вечера до следующего утра, а часто даже быстрее, чем это"[76] Это было в июне 1349 года, а уже в сентябре того же года власти были призваны разобраться с объединением рабочих на кожевенном заводе, которые добивались для себя чрезмерной зарплаты "к большому ущербу для всего народа". Оперативность действий мэра и тон прокламации, устанавливающей размер заработной платы, являются достаточным доказательством того, что кризис считался серьезным.[77] Эта проблема в Амьене является свидетельством трудностей, которые, как мы увидим, существовали и в других частях Франции, Германии и Англии и были вызваны нехваткой рабочих рук после того, как прошел бич.

Рассказ об опустошительных действиях этого великого мора во Франции, а также о его течении в городе Турнэ, где он начался в августе 1349 года, хорошо изложен в хронике Жиля ли Муизиса, аббата монастыря Святого Мартина в Турнэ, который был современником описываемых им событий. "Невозможно, - говорит он, - оценить смертность во всей стране. Путешественники, купцы, паломники и другие люди, прошедшие через нее, рассказывают, что находили скот, бродящий без пастухов по полям, городам и пустырям; что видели амбары и винные погреба, стоящие нараспашку, дома пустые, а людей почти нигде не было.

Настолько, что во многих городах, поселках и деревнях, где прежде было 20 000 человек, осталось едва ли 2 000; а во многих городах и селениях, где было 1 500 человек, осталось едва ли 100. И во многих разных землях (*multis climatibus*) и земли, и поля лежат необработанными. Я слышал это от некоего рыцаря, хорошо сведущего в законах, который был одним из членов Парижского парламента. Вместе с неким епископом он был послан Филиппом, самым [p051] прославленным королем Франции, к королю Арагона, и на обратном пути проезжал через Авиньон. И там, и в Париже, как он мне рассказывал, ему сообщали о вышеописанных вещах многие достойные доверия люди".

Рассказав о свидетельствах паломника в Сантьяго, Ли Муйсис переходит к рассказу о своих собственных впечатлениях, полученных в Турнэ летом 1349 года. Это он делает в стихах и прозе. В поэме, после слов о проявлении Божьего гнева, описывается чума, начавшаяся на Востоке и прошедшая через Францию во Фландрию. Как и другие писатели, Ли Муйсис заявляет, что не решается рассказать о том, что видел и слышал, потому что потомки вряд ли поверят тому, что он расскажет. [78] Сообщения всех путешественников и купцов об ужасном состоянии страны в целом дают одну и ту же печальную историю о всеобщей смерти и бедствиях. Подробности о чуме в Турнэ, родном городе писателя, лучше всего узнать из его прозаического рассказа.

Джон де Пратис, епископ Турне, был одним из первых, кого унесла болезнь. Он уехал подышать воздухом, а в день Тела Христова, 11 июня 1349 года, нес благословенное Таинство в процессии в Аррасе. На следующий день он отправился из этого города в Камбрей, но на следующий день почти внезапно умер [79]. Его похоронили в Турнэ; и "время шло", говорит наш автор, до начала августа, до которого в Турнэ не умерло больше ни одно авторитетное лицо. Но после праздника святого Иоанна началась чума в приходе Сен-Пиат, в квартале Мерденшор, а затем и в других приходах. Каждый день в церкви несли тела умерших, то пять, то десять, то пятнадцать, а в приходе Сен-Брис иногда двадцать или тридцать. Во всех приходских церквях викарии, приходские дьячки и пономари, чтобы получить свою плату, [p052] звонили утром, вечером и ночью в переходящие колокола, и от этого все жители города, как мужчины, так и женщины, стали наполняться страхом.

Вследствие этого городские власти, видя, что декан и капитул, а также духовенство в целом не заботятся о том, чтобы исправить это дело, поскольку в их интересах, чтобы оно продолжалось, так как они извлекают из него прибыль, собрав совет, издали определенные распоряжения. Мужчинам и женщинам, которые, не будучи женатыми, жили вместе как муж и жена, было велено либо жениться, либо немедленно разойтись. Тела умерших должны были быть немедленно похоронены в могилах глубиной не менее шести футов. На похоронах нельзя было звонить в колокол. Труп не выносили в церковь, а во время службы на землю расстилали только покров, а после службы не собирались в домах усопших. Кроме того, запрещалась любая работа после полудня по субботам и в течение всего воскресенья, а также игра в кости и произнесение нецензурных клятв.

Эти постановления продержались некоторое время, а болезнь все усиливалась, и в День святого Матфея (24 сентября) было объявлено, что больше не должно быть звона колоколов, что на похороны должны собираться не более двух человек и что никто не должен одеваться в черное. Эти действия городских властей, по словам писателя, оказались весьма благотворными. По его собственным сведениям, многие, кто до сих пор жил в гражданском браке, вступили в брак, практика сквернословия заметно уменьшилась, а игральные кости стали использоваться так мало, что производители превратили "кости квадратной формы" в "круглые предметы, на которых люди рассказывали свои *Pater Nosters*".

Я попытался, говорит наш автор, написать то, что знаю, "и дать будущим поколениям поверить, что в Турнэ существовала чудесная смертность". На Рождество я слышал от многих, кто утверждал, что знает это как факт, что в Турнэ умерло более 25 000 человек, и было странно [p053] что смертность была особенно велика среди главных людей и богачей. Из тех, кто употреблял вино, держался подальше от испорченного воздуха и посещал больных, умерли немногие или вообще никто. Но те, кто посещал дома больных и часто бывал в них, либо тяжело заболели, либо умирали. На рынках и бедных узких улочках смертей было больше, чем на более просторных и широких площадях. И всякий раз, когда в каком-либо доме умирали один или два человека, сразу или, по крайней мере, в течение короткого промежутка времени, остальные члены семьи уходили из дома. Настолько, что очень часто в одном доме заканчивали свою жизнь десять и более человек, а во многих домах умирали собаки и даже кошки. Поэтому никто, будь то богатый, умеренный или бедный, не был в безопасности, но каждый изо дня в день ожидал воли Господа. И, конечно же, умерло огромное количество викариев и капелланов, выслушивающих исповеди и совершающих Таинства, и даже приходских священников, посещающих вместе с ними больных".

В приходах за рекой смертность была столь же велика, как и в самом Турнэ. Хотя смерть, как правило, наступала так внезапно, люди в большинстве своем все же успевали принять Таинства. О быстротечности болезни, отмеченной Петраркой и Боккаччо в Италии, в тех же выражениях говорит и аббат Сент-Мартинс. Люди, которых видели внешне здоровыми и с которыми разговаривали в один вечер, на следующий день оказывались мертвыми. Он особо отмечает смертность среди духовенства, посещающего больных[80], и говорит о создании двух новых кладбищ за стенами города. Одно из них находилось в поле рядом с домом прокаженных *де Валле*, а другое - в религиозном доме монахов-крестоносцев. Как ни странно, Ли Муйсис рассказывает о том, с каким пренебрежением относились к этой необходимой мере предосторожности - созданию новых могильных ям. Люди, по его словам, роптали из-за того, что им больше не [p054] разрешалось быть похороненными в собственных семейных склепах. Однако городские власти были непреклонны, и по мере усиления моровой язвы в этих двух общих местах захоронения были вырыты глубокие ямы, в которые постоянно сбрасывали множество тел и засыпали их небольшим слоем земли[81].

Многие полагают, что рассказы современных авторов о высокой смертности в странах Европы сильно преувеличены и что население в середине XIV века было недостаточно многочисленным, чтобы обеспечить такое количество смертей. С одной стороны, очевидно, что в большинстве случаев приведенные круглые цифры могут быть не более чем грубым приближением к реальным смертям, и что естественная тенденция тех, кто был свидетелем такой великой и всеобщей катастрофы, как чума 1348 года и последующих лет, заключается в том, чтобы преувеличить, а не преуменьшить бедствие. С другой стороны, допуская, что в большинстве случаев фактические цифры - это не более чем догадки об истине, и их можно воспринимать только как свидетельство убежденности эпохи в масштабах смертности, следует признать, что Италия, Франция и другие страны Европы в то время были более многочисленны, чем, возможно, принято считать.

М. Симеон Люс провел специальное исследование условий французской народной жизни в этот период.[82] и выводы, к которым он пришел, могут быть кратко изложены здесь. Трудami французских антикваров было доказано, что общая численность населения Франции до великого мора 1348-1349 годов и Столетней войны с Англией была равна той, что существует в нынешнем столетии. По всей стране были разбросаны многочисленные деревни, все следы которых теперь исчезли. Дома, или скорее хижины, в которых жило [p055] население

сельской Франции, очень редко были сложены из какой-либо каменной кладки, а в основном представляли собой четыре глинобитные или глиняные стены, иногда плетни, обшитые сеном и соломой, а промежутки между ними заполнены. Как правило, они были одноэтажными, хотя некоторые, в основном таверны и заведения подобного класса, имели верхний этаж. Крыша была соломенной или покрытой деревом или камнем; окна были исключением, а там, где они имелись, это были просто щели в глиняных стенах, закрытые деревянными ставнями. Даже грубое непрозрачное стекло, которое тогда производилось, было не по карману простому крестьянину и фермеру, а как раз в это время даже богатый буржуа из Парижа рекомендовал заделывать окна вошеной тканью или пергаментом. Двери закрывались на деревянные засовы, а над ними, в соответствии с общим порядком, крепилась деревянная ставня, которую обычно оставляли открытой для доступа воздуха, света и для того, чтобы дым от хвороста выходил из гостиной. Легко понять, что условия жизни в таких домах не могли служить препятствием для распространения эпидемии в сельской местности; если же такие дома пустовали хотя бы короткое время, они легко приходили в упадок и представляли собой зрелище разрухи и запустения, о которых так много писателей того времени говорили как о причине великого моровой язвы.

Мебель в этих домах была простой, но очень похожей на ту, что есть сейчас в небольших загородных домах. Инвентаризация того времени показывает, что в большинстве домов были сосуды из меди, олова и стекла, и мало кто не владел некоторыми изделиями из серебра. Люди в большинстве своем жили на супе из хлеба и муки, но даже к XIV веку белый хлеб был далеко не безызвестен. Основным мясом была свинина, которую откармливали в лесах, но в большинстве коттеджей имелся вертел, на котором иногда жаривали птицу, предварительно намазанную салом. Из приправ главной была горчица, и ее использовали часто, если не повсеместно. Даже в самых скромных домах во время еды на [p056] столе расстилалась скатерть. Напитками служило местное вино, а в Нормандии в изобилии был сидр. К напитку, особенно в тавернах, которых было великое множество, обычно примешивали немного имбиря. В одежде широко использовались меха различных видов, а к моменту эпидемии во Франции льняная рубашка стала почти повсеместным нижним бельем. Спальные места представляли собой темные, безвоздушные помещения, в которых люди, сбросив с себя всю одежду, лежали на соломенных матрасах, а иногда и на пуховых перинах. Вопреки мнению авторитетных людей, есть свидетельства того, что купание было обычным и широко распространенным явлением, особенно среди низших слоев населения, и что даже в небольших деревнях были свои общественные бани.

Этот очерк об эпидемии в этих регионах можно завершить одним или двумя примерами аграрных трудностей, которые последовали за ней. 16 августа 1349 года император Карл IV издал приказ арендаторам аббатства Сен-Тронд в епархии Льежа вернуться к послушанию. В документе говорится, что владельцы земель аббатства и другие зависимые лица теперь требуют своих условий и претендуют на свободу делать все, что им заблагорассудится, в результате чего аббат и монастырь так бедствуют в мирских делах, что надвигается абсолютное разорение.^[83] Второй пример - аббатство Святого Иоанна в Лаоне. В документе, адресованном французским королем Карлом аббату и монастырю, говорится, что монастырь настолько обветшал в доходах, что не в состоянии поддерживать подобающие и надлежащие церковные службы. И хотя письмо было написано почти в конце века - в 1392-3 годах, - причиной этой бедности и упадка называют "великую смертность, случившуюся в 1349 году", в результате которой десятина и другие доходы были уничтожены.

Приведем еще один пример: "5 июля 1600 [p057] 1352 года жителям города Аррас была предоставлена помощь, потому что из-за войн и смертности, которая была повсеместной в

мире, упомянутый город так сильно обветшал, как в отношении зданий и людей, так и в отношении доходов и мирских благ, что он находится на высоком пути к (абсолютному) запустению"[84].

ССЫЛКИ:

[46] Labbe, *Nova Bibliotheca Manuscriptorum*, i, p. 343.

[47] C. Anglada, *Étude sur les Maladies Éteintes*, p. 432.

[48] Matthias Nuewenburgensis in Boehmer, *Fontes rerum Germanicarum*, iv, p. 261.

[49] Henricus Rebdorfensis, *Ibid.*, p. 560. В другом рассказе говорится о том, что Марсель после этого почти "обезлюдел" и "тысячи людей умирали в прилегающих городах" (*Chronicon Pragense*, in *Fontes rerum Austriacarum, Scriptores*, i, p. 395).

[50] J. Astruc, *Histoire de la Faculté de Médecine de Montpellier* (Montpellier, 1862), p. 184.

[51] Anglada, *ut supra*, p. 432.

[52] *Opusculé relatif à la peste de 1348, composé par un contemporain* in *Bibliothèque de l'École des Chartes*, 1e Sér., ii, pp. 201-243.

[53] Martin, *Histoire de France* (4th ed.), v, p. 109.

[54] Phillippe, *Histoire de la Peste Noire*, p. 103.

[55] Anglada, *Maladies Éteintes*, p. 431.

[56] Higden, *Polychronicon* (ed. Rolls Series), viii, p. 344.

[57] L. Michon, *Documents inédits sur la grande peste de 1348* (Paris, 1860), p. 22.

[58] Baluze, *Vitæ Papparum Avenionensium*, i, p. 254. Во втором житии Климента VII. (p. 274) говорится, что на общественном кладбище были вырыты огромные ямы, в которых хоронили умерших "ut pecora gregatim".

[59] Автор отправлял свое письмо 27 апреля 1348 года, так что этот период должен был составить около шести недель.

[60] *Breve Chronicon clerici anonymi*, in De Smet, *Recueil des Chroniques de Flandre*, iii, pp. 14-18.

[61] Henricus Rebdorfensis, в Boehmer, *Fontes*, iv, p. 560.

[62] Anglada, *Maladies Éteintes*, pp. 413-14.

[63] Barnes, *History of Edward III.*, p. 435.

[64] Thiener, *Monumenta Historica Hungariæ*, i, p. 767.

[65] Wadding, *Annales Minorum*, viii, p. 25 (ed. 1723).

[66] Olivier de la Haye, *Poëme sur la grande peste de 1348*. Introduction par G. Guigue, p. xviii, note.

[67] *Breve Chronicon* в De Smet, *Recueil des Chroniques de Flandre*, iii, p. 19.

[68] Delisle, *Cabinet des Manuscrits*, i, p. 532.

[69] *Ibid.* На этом примечание резко обрывается.

[70] H. Martin, *Histoire de France*, v, p. 111.

[71] Marlot, *Histoire de Ville de Reims*, iv, p. 63.

[72] Все копии этой хроники дают "*quingente*", и обычно утверждается, что число похороненных таким образом каждый день составляло 500 человек. М. Жеро, который редактировал эту работу для Общества истории Франции, предполагает, что это ошибка в 50, и цитирует два MSS, в которых на полях есть следующая запись: "L corps par jour a l'Hostel-Dieu de Paris". Поскольку это чтение более вероятно, оно было принято выше.

[73] *Continuatio Chronici Guillelmi di Nangiaci*, éd. for la Société de l'Histoire de France par H. Géraud, ii, pp. 211-217.

[74] В документе говорится о "17-м числе следующего месяца июля".

[75] Michon, *Documents inédits sur la Peste Noire*, p. 22.

[76] Thierry, *Recueil des Monuments inédits de l'Histoire du Tiers Etat*, i, p. 544.

[77] *Ibid.*, p. 546.

[78]

"Certe dicere timeo

Quæ vidi et quæ video

De ista pestilentia."

[79] Gams, *Series Episcoporum*, называет 13 июня 1349 года днем его смерти.

[80]

"Quia de sacerdotibus

Infirmos visitantibus

Quamplurimi defecerunt."

[81] *Chronicon majus Ægidii Li Muisis, abbatis Sti. Martini Tornacensis*, in De Smet, *Receuil des Chroniques de Flandre*, ii, pp. 279-281 and 361-382.

[82] S. Luce, *Bertrand du Guesclin*, i, ch. 3.

[83] Piot, *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Trond*, i, 507.

[84] Lechner, *Das grosse Sterben in Deutschland*, p. 93.

TOC [p058]

ГЛАВА IV. ЧУМА В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ.

Следуя за великим мором по Европе, в соответствии с исторической последовательностью событий, теперь следует описать его течение в Англии. Однако, поскольку история опустошений, причиненных болезнью в Англии, будет рассказана более подробно, ее удобно оставить до последнего. Здесь можно вкратце рассказать о смертности в других европейских странах, хотя это и отвлечет читателя от 1351 года.

С Сицилии, Сардинии и Корсики чума была занесена на Балеарские острова. Три потока инфекции встретились с разрушительной силой на Майорке. Историк Зурита утверждает, что менее чем за месяц на острове погибло 15 000 человек. Другой автор оценивает общие потери во время эпидемии в два раза больше, а в некоторых древних записях говорится, что на острове умерли восемь из каждых десяти человек, что, конечно, преувеличено, но достаточно, чтобы показать местную традицию о масштабах несчастья. В монастырях и обителях, по словам этого авторитета, не осталось ни одного религиозного деятеля, а доминиканцы, как говорят, были вынуждены пополнять свои ряды за счет совсем маленьких детей[85].

Бич обрушился на Испанию в начале 1348 года. Предполагается, что впервые она появилась в Альмейре, а в Барселоне целые кварталы города были обезлюдены и опустошены ею. В мае 1348 года болезнь уже свирепствовала в Валенсии, а к середине лета, как сообщается, в городе хоронили по 300 человек в день. В [p059] Сарагоссе, где в то время находился Педро IV, болезнь достигла своего апогея в сентябре. Люди здесь, как и в других местах, ожесточились, и милосердие угасло в присутствии ужасов смерти. Они бежали от больных, оставляя их умирать в одиночестве, и бросали трупы умерших на улицах. Большинство городов и деревень Испании пострадали в большей или меньшей степени, и, похоже, болезнь затянулась здесь дольше, чем в большинстве других стран. Новая королева Арагона стала одной из первых жертв, Альфонс XI - одной из последних. В марте 1350 года он осаждал Гибралтар, когда чума внезапно вспыхнула с большой силой среди его войск. Он отказался отступить, как того хотели его офицеры, и пал жертвой эпидемии в Страстную пятницу, 26 марта 1350 года[86].

Интересный рассказ о Северной Испании во время чумы содержится в хронике Ли Муизиса, аббата монастыря Святого Мартина в Турнэ, из которой многое было приведено в предыдущей главе. Автор говорит, что узнал подробности от "паломника, который, направляясь в Сент-Джеймс (Компостелла), прошел мимо Нотр-Дам-де-Рок-Амадур[87] и Тулузы, поскольку из-за войн он не мог ехать обычным путем". Следовательно, этот паломник в Компостеллу в середине XIV века должен был пересечь Пиренеи по одному из перевалов в Наварру и таким образом проследовать по северу Испании в Сантьяго. Совершив свое паломничество, Ли Муисис сообщает нам, что он вернулся через Галисию и "вместе со своим спутником достиг города по имени Сальватерра", вероятно, того места, которое сейчас называется Сальватиерра, расположенного под Пиренеями и чуть выше Сьерра-дела-Пена. Этот город, как сообщает путешественник, "был настолько обезлюдел от смертности, что в живых не осталось ни одного человека из десяти". Сам город был довольно большим. Упомянутый паломник рассказал, - говорит Ли Муйсис, - что, поужинав с хозяином (который с двумя дочерьми и [p060] одним слугой один остался в живых из всей своей семьи и который в то время не признавал, что его мучает какая-либо болезнь), он рассчитался с ним за свои развлечения, намереваясь отправиться в путь на рассвете, и лег спать. Встав на следующее утро и желая узнать что-нибудь от тех, с кем они ужинали, путники не могли никого услышать. Тогда они узнали от старухи, которую нашли в постели, что хозяин, две его дочери и слуга умерли ночью. Услышав это, паломники поспешили покинуть это место"[88].

Из Северной Италии мор вскоре распространился на страну по другую сторону Адриатики, если, конечно, она еще не была заражена самостоятельно, что представляется более чем вероятным, кораблями с Востока. Порт Рагузы в Далмации, как утверждается, подвергся нападению уже 13 января 1348 года, и более 7000 человек, как сообщается, были сметены с лица земли. В письме, отправленном в апреле властям, "выражается соболезнование по поводу ужасной смертности, от которой население так сильно сократилось"[89]. 22 марта 1348 года в Спалатро от болезни умер архиепископ Доминик де Лукарис, и известно, что она свирепствовала в городе в течение нескольких месяцев. Анонимный летописец Спалатро XV века, который утверждал, что черпает сведения об этом периоде из древних записей, заявляет, что невозможно представить "ужасы и страдания этих несчастных дней". К ужасу ситуации, по его словам, добавились волки и другие дикие животные, которые спустились с гор, обрушились на охваченный чумой город и смело напали на оставшихся в живых. Тот же автор отмечает быстроту, с которой болезнь уносила тех, на кого нападала. По его словам, когда на любой части тела появлялись опухоли или карбункулы, все надежды на спасение жизни больного отпадали. Как правило, заболевшие умирали через три, максимум четыре дня, а общая смертность была настолько велика, что тела оставались лежать непогребенными [p061] на улицах, потому что некому было отнести их в могилу[90].

Весной того же 1348 года нападению подвергся Себенико, через посредничество которого, вполне возможно, чума была занесена в Венгрию. К 8 мая граф Себенико написал описание жалкого состояния города, вызванного большой смертностью в тех краях, где он остался почти без жителей.[91] 27 августа 1348 года в венецианской государственной газете Истрия была объявлена сильно пострадавшей. Оставшихся людей, особенно в городе Пола, было очень мало, так как многие были уничтожены "поздней моровой язвой"[92].

Из Венеции эпидемия распространилась на север, в Австрию и Венгрию. Напав по пути на Падую и Верону, она прошла вверх по долине Этша и 2 июня 1348 года уже была в Тренте. Затем она быстро распространилась через Ботцен вверх по Бреннерскому перевалу в Тирольских Альпах и 29 июня 1348 года была в Мюльдорфе на Инне в Баварии.[93] Здесь она, по-видимому, продолжалась значительное время. Один летописец, пишущий о следующем, 1349 годе, сообщает, "что с праздника святого Михаила 1348 года в Мюльдорфе погибло 1400 жителей лучшего сословия"[94] Другой, говоря о чуме в целом, сообщает, "что она свирепствовала в Каринтии, Австрии и Баварии так ужасно, что многие города обезлюдели, а в некоторых городах, которые она посетила, многие семьи были уничтожены так полностью, что не нашлось ни одного выжившего члена"[95].

В ноябре того же 1348 года эпидемия отмечается в Штирии, в Нойберге, в долине реки Мюрц. [p062] Нойбергская хроника, рассказывая о ней, говорит: "Поскольку этот смертельный мор свирепствовал повсюду, опустели города, которые до этого были многолюдными. Их жители были сметены в таком количестве, что те, кто остался, с закрытыми воротами напряженно следили, чтобы никто не украл имущество ушедших". Рассказав о Венеции, он продолжает: "Вредитель в своих скитаниях добрался до Каринтии, а затем так полностью завладел Штирией, что люди, доведенные до отчаяния, ходили как сумасшедшие".

"От многих больных исходили язвенные запахи, заражая тех, кто их посещал и обслуживал, и очень часто случалось так, что когда в доме умирал один человек, все, один за другим, уносились прочь. Это было настолько несомненно, что никто не мог остановиться в домах больных, а отношения, как бы естественный ход событий, казалось, умирали все вместе. Вследствие этого ошеломляющего визита скот оставался бродить по полям без опекунов, потому что никто не думал беспокоиться о будущем; а волки, спускавшиеся с гор, чтобы напасть на них, вопреки инстинктам и словно напуганные чем-то невиданным, быстро

убегали в дикие земли. Имущество, как движимое, так и недвижимое, которое больные оставляют по завещанию, все тщательно избегают, как будто оно непременно будет заражено. Болезнь... пошла на убыль к празднику святого Мартина (11 ноября) 1348 года, а в Нойберге она унесла многих монахов и жителей"[96].

Необходимо еще раз вернуться в Северную Италию, откуда в Швейцарию докатилась очередная волна моровой язвы. Современный, но не очень точный нотариус Новары Петр Азарий говорит о том, что чума была в Момо, Галларете, Варезе и Беллинцоне, на[97] великом пути через Альпы через перевал Сен-Готард, и все это в непосредственной близости от его дома. [p063] Интересен рассказ Азария из личного опыта об этом ужасном времени. Он покинул свой дом в Новаре, опасаясь болезни, и, отдохнув некоторое время в городе Тортоне, занялся философскими размышлениями о несчастьях, обрушившихся на Ломбардию, и странное нехристианское пренебрежение к больным, которое он не мог не заметить. "Я видел, - говорит он, - как погибал богатый человек, который, даже предложив огромную сумму денег, не мог заставить никого помочь ему. Из-за страха заразиться я видел, как отец не заботился о своем сыне, а сын - об отце, брат - о брате, друг - о друге, сосед - о соседе. И что еще хуже, я видел, как семья, хотя и занимающая высокое положение, несчастно погибала, не имея возможности получить никакой помощи или содействия. Лекарства были бесполезны, сильные и молодые, мужчины и женщины, погибли в одно мгновение, а всех зараженных так сторонились, что никто не смел даже войти в их дома"[98].

От перевала Сен-Готард эпидемия пошла вниз по долине Рейна и к концу 1348 года оказалась в окрестностях Диссентиса; к маю 1349 года заражению подвергся район вокруг монастыря Пфедферс, расположенного на полпути между перевалом Сен-Готард и Боденским озером. Вскоре после этого сильно пострадали и окрестности знаменитого аббатства Санкт-Галл[99].

Тем временем другая волна моровой язвы пришла в Швейцарию со стороны Франции. Авиньон подвергся нападению, как уже было показано, в начале 1348 года, а затем инфекция была перенесена вверх по долине Роны к Женевскому озеру. Затем один поток прошел в северо-восточном направлении через Швейцарию, а второй последовал по течению реки Роны. К 17 марта 1349 года чума была в Русвиле, в окрестностях Люцерны, пройдя по пути через Берн.[100] Только в Люцерне, как говорят, от этой [p064] болезни умерло 3 000 человек. Должно быть, в окрестностях этого озера болезнь сохранялась в течение нескольких месяцев, так как только в сентябре 1349 года она проявила свое присутствие в высокой и здоровой долине Энгельберга. "В этом году (1349), - пишет летописец аббатства Энгельберг, - мор или смертность были велики, и, по правде говоря, наиболее велики, в этой долине, так что более двадцати домов оставались пустыми без обитателей. В том же году с праздника Рождества Богородицы, 8 сентября, до праздника Богоявления в обители умерло 116 наших монахинь. Одной из первых умерла настоятельница Екатерина; около середины (эпидемии) скончалась досточтимая матушка Беатрикс, графиня Арбергская, бывшая настоятельница; а в день Святых Иннокентиев скончалась Мехтильда Вольфеншиссенская, новая настоятельница. А из наших (умерли) два священника и пять ученых"[101]. Базель подвергся нападению и, как говорят, потерял около 14 000 человек примерно в середине года; Цюрих - 11 сентября; Констанц - зимой.

Нет необходимости подробно рассказывать о странствиях великой смертности по Европе. Летописи почти всех стран неопровержимо доказывают, что эпидемия поочередно посетила большинство мест и в большей или меньшей степени обезлюдела. К 4 апреля 1349 года в Венеции сообщили, что мор свирепствует в Венгрии, а к 7 июня король мог заявить, "что по Божественной милости он прекратился в нашем королевстве". Следовательно, мор начался

в этой стране в начале года, хотя есть свидетельства, что в октябре того же года его еще можно было обнаружить в некоторых частях. Польша подверглась нападению примерно в то же время, что и Венгрия. Говорят, что здесь погибло много дворян. Казалось, не было никакой помощи от ежедневных несчастий. Болезни привели в запустение не только многочисленные дома, но даже города и деревни.[\[102\]](#) [\[p065\]](#)

Уже отмечалось, что мор достиг Нойберга в Штирии к осени 1348 года. И только на следующий год, в праздник святого Иоанна Крестителя, 24 июня 1349 года, в Вене разразилась такая чума, какой еще никогда не было ни слышно, ни видно.

Она началась, по-видимому, около Пасхи и продолжалась до дня святого Михаила, и третья часть населения была унесена ею.[\[103\]](#) Каждый день умирало 500 или 600 человек, а однажды 960.[\[104\]](#) Умерших хоронили в траншеях, каждая из которых, согласно одной хронике, содержала около 6 000 трупов. Приход Святого Стефана во время эпидемии лишился 54 священнослужителей, а когда она прошла, оказалось, что около 70 семей полностью вымерли, а имущество многих других перешло в руки очень дальних родственников.

В другом отчете говорится, что в городе и окрестностях уцелела едва ли треть населения. "Из-за запаха и ужаса, внушаемого мертвыми телами, захоронения на церковных кладбищах не разрешались; но как только жизнь угасала, трупы выносили из города на общее место погребения (называемое "Божий акр"). Там глубокие и широкие ямы быстро заполнялись мертвецами доверху. И длилась эта чума от Пятидесятницы до дня святого Михаила; и не только в Вене, но и в окрестностях она свирепствовала с великой яростью. Не пощадила она ни монахов, ни монахинь, ибо в (цистерцианском аббатстве) Хайлигенкройц одновременно ушли из жизни 53 монаха"[\[105\]](#).

В Богемии зимние холода, очевидно, положили конец болезни в самом ее начале. "В Богемии началась сильная смертность, но недавние холода и снег остановили ее". Однако "в 1350 году чума снова [\[p066\]](#) опустошила различные страны, и тогда она была обнаружена и в Богемии"[\[106\]](#).

Волна чумы, прошедшая по долине Рейна и атаковавшая Базель, докатилась до Кольмара и появилась в Страсбурге в июле 1349 г.[\[107\]](#) В конце того же года, около 18 декабря, она достигла Кельна. "В первый год правления архиепископа Вильгельма фон Геннепа (который вступил на престол этого города в указанную дату) в Кельне и его окрестностях был, - говорится в хронике, - сильный мор"[\[108\]](#).

Тем временем волна прокатилась ниже по долине Рейна, так как летом 1349 года чума свирепствовала во Франкфурте. "В тот год, - пишет Каспар Каменц, - с праздника святой Марии Магдалины (22 июня) до следующего за ним праздника Сретения (2 февраля 1350 года) во Франкфурте свирепствовала всеобщая чума. За 72 дня умерло более 2 000 человек. Каждый второй час их хоронили без колокола, священника и свечей. В один день за один раз похоронили 35 человек"[\[109\]](#).

В 1349 и 1350 годах мор свирепствовал в городах и сельской местности Пруссии. В последний год она напала на Бремен на крайнем севере, и в следующем году власти города провели перепись населения, которое было унесено ею. "В год Господа нашего 1350, - говорится в отчете, - чума обошла весь мир и посетила Бремен, и совет решил подсчитать число умерших, и оказалось, что из известных и названных людей было (внесено в список) в приходе св. Марии - 1 816; в приходе св. Мартина - 1 415; в приходе св. Аншара - 1 922; в

приходе св. Стефана - 1 813; кроме того, множество людей умерло в полях за [p067] стенами и на кладбищах, число которых, как известно и описано, достигло почти 7 000"[110].

Из Фландрии, где мор был в Турнэ в декабре 1349 года, как уже сообщалось, эпидемия распространилась в Голландию. Здесь в следующем году ее распространение было отмечено такой же большой смертностью, особенно среди тех, кто жил вместе в монастырях и монастырях. "В это время, - пишет летописец, - чума свирепствовала в Голландии так яростно, как никогда не было. Люди умирали, гуляя по улицам. В монастыре Флерхамп умерло 80 человек, среди которых были монахи и братья-миряне. В аббатстве Фосверт, которое было двойным монастырем для мужчин и женщин, умерло 207 человек, включая монахов, монахинь, братьев-мирян и сестер-мирянок"[111].

Этого краткого обзора развития чумы в Европе будет достаточно, чтобы показать, что смертность и связанные с ней бедствия были всеобщими. Северные страны - Дания, Норвегия и Швеция - получили инфекцию из Англии. Как будет показано далее, северные районы Англии были охвачены эпидемией в конце лета и осенью 1349 года, и либо из порта на восточном побережье, либо из Лондона чума была завезена на кораблях. Лагербринг, известный шведский историк, рассказывает, что корабль с грузом шерстяных тканей отплыл из лондонского порта в начале лета 1349 г.[112] Чума была очень сильна в английской столице, и вся команда умерла, пока корабль находился в море. Подгоняемый ветрами и течениями, роковой барк был выброшен на берег в Бергене, в Норвегии. Эпидемия быстро распространилась по всей стране. Архиепископ Дронхеймский и все его капитулы, за одним-единственным исключением, умерли, а оставшийся в живых был назначен архиепископом. Большинство его суффраганов также были [p068] унесены.[113] Несколько семей, бежавших из Бергена, чтобы избежать заражения, умерли в горах, куда они удалились.

Другой шведский историк утверждает, что только в стране Вест-Готландия чума унесла 466 священников. В этом округе тогда было около 479 церквей, многие из которых обслуживались несколькими священниками, так что приведенное число не может быть совсем уж невероятным.[114] Утверждается, что в Норвегии долгое время существовали так называемые *Финд-дале - дикие земли*, в которых были заметны следы земледелия, а после чумы появились свидетельства истощения и недостатка жителей, продолжавшегося в течение нескольких поколений, так что на месте церквей и деревень выросли леса.

Некоторые интересные сведения можно почерпнуть о городе Висби на острове Готланд. В анналах францисканского монастыря отмечается, что в 1350 году там свирепствовала чума. В некрологии того же дома записаны имена большого числа монахов и многих послушников, умерших в этот роковой год, и сравнение одной части некрологии с другой, в которой имена собраны в группы, показывает, что самое тяжелое время в Висби пришлось на июль, август и сентябрь 1350 г.[115] Всего двадцать четыре монаха, очень большая часть монастыря, похоже, были унесены эпидемией. В [p069] соборе Висби сохранилось пять могильных плит с датой 1350 года, а из тех памятников, что избежали разрушения, не осталось ни одного, относящегося к какому-либо другому году.

Король Швеции Магнус II в 1350 году обратился к своему народу с жалованной грамотой, в которой говорит, что "Бог за грехи человеческие поразил мир этим великим наказанием - внезапной смертью. От нее погибло большинство людей в землях к западу от нашей страны (т.е. Норвегии). Сейчас она свирепствует в Норвегии и Голландии и приближается к нашему королевству Швеции". Поэтому король призывает их воздерживаться в каждую пятницу от всякой пищи, кроме хлеба и воды, или "в крайнем случае принимать только хлеб и эль",

ходить с босыми ногами в свои приходские церкви и обходить крестным ходом прилегающие к ним кладбища, неся с собой святыне мощи.

В столице Швеции, когда на страну обрушилась чума, говорится, что "улицы были усеяны трупами", а среди жертв названы Хакон и Кнут, два брата короля.

Дания и Шлезвиг-Гольштейн пострадали от моровой язвы одновременно с Норвегией и Швецией. В одной хронике она названа "тяжелейшей чумой бубонов"; в другой говорится, что в 1350 году "свирепствовала великая чума и внезапная смерть как среди людей, так и среди скота"[116]. Записи епископства Роскильд на острове Зеландия, сделанные около 1370 года, или через двадцать лет после того, как прошла эта чума, показывают состояние всеобщего запустения, в которое пришла страна. Земли описываются как пустующие и невозделанные, деревни и дома - заброшенными и необитаемыми. Имущество, которое раньше приносило четыре марки, или 48 "пунд", теперь приносит только 18 "пунд". Одна и та же история повторяется почти на каждой странице этих длинных повествований[117].

Несколько слов следует сказать о запустении [p070], которое повсюду в Европе было естественным следствием великого мора. О Северной Италии Иоанн Пармский пишет, что "в то время (1348) нельзя было найти рабочих, и урожай оставался на полях, поскольку некому было его собрать." [118] Через двадцать лет после моровой язвы, в 1372 году, в Майенсе говорится, что "неоспоримо и общеизвестно, что из-за ужасного характера моровой язвы и смертности, внезапно охватившей рабочих, переписчиков (*parciarios*) и фермеров, даже самых крепких, рабочих сегодня мало и они редки, по этой причине многие поля остаются необработанными и пустынными." [119] И снова, в 1359 году, Генрих, епископ Констанца, присвоил монастырю St. Галла в Швейцарии, церковь Марбаха и другие, чтобы аббатство могло "поддерживать гостеприимство, раздавать милостыню и выполнять другие свои обязанности", и в качестве причины, по которой оно теперь не может этого делать, он называет то, что "из-за эпидемии или смертности людей, которая по попущению Божьему существует в этих краях, число крестьян и других служителей обоих полов этого аббатства, принадлежащих по закону службы к упомянутому монастырю, которые отошли из этой жизни к Господу (было столь велико), что многие владения этого монастыря остались, по причине упомянутой смерти, невозделанными, и от них не поступает должного дохода." [120]

ССЫЛКИ:

[85] Phillippe, *Histoire de la Peste Noire*, p. 54.

[86] *Ibid.*, pp. 54-56.

[87] Это было место паломничества на реке Амадур, недалеко от Тулузы.

[88] *Chronicon majus Ægidii Li Muisis*, ii, 280.

[89] Lechner, *Das grosse Sterben in Deutschland*, p. 21.

[90] Farlati, *Illyricum Sacrum*, iii, p. 324.

[91] Lechner, *ut sup.*, p. 22.

[92] *Ibid.*

[93] *Ibid.*, p. 23.

[94] *Annales Matscenses in Mon. Germ.*, ix, 829.

- [95] *Annales Mellicenses*, *Ibid.*, p. 313.
- [96] *Continuatio Novimontensis*, *Ibid.*, p. 675.
- [97] *Chronicon*, in Muratori, xvi, 361. Он относит это событие к 1347 году.
- [98] *Ibid.*, 298.
- [99] Lechner, *ut sup.*, p. 27.
- [100] *Ibid.*
- [101] *Annales Engelbergenses*, in *Mon. Germ.*, xvii, 281.
- [102] Dlugoss, *Historia Polonica*, in Philippe, *ut sup.*, p. 94.
- [103] *Kalendarium Zwetlense*, in *Mon. Germ.*, ix, 692.
- [104] *Annales Matscenses*, *Ibid.*, 829.
- [105] *Continuatio Novimontensis*, *Ibid.*, 675.
- [106] *Chronicon Pragense*, ed. Loserth (in *Fontes rerum Austriacarum, Scriptores*, t. viii) p. 603.
- [107] Lechner, *ut sup.*, p. 35.
- [108] *Ibid.*, p. 38.
- [109] Boehmer, *Fontes rerum Germ.*, iv, 434.
- [110] Hoeniger (R.), *Der schwarze Tod in Deutschland* (Berlin, 1882), p. 26.
- [111] Philippe, *ut sup.*, p. 124.
- [112] *Historia*, iii, 406.
- [113] Финн Йонссон, *Hist. eccl. Islandiæ*, ii, p. 198, говорит, что большинство епископов умерло, а Ормус, епископ Холара в Исландии, который в то время находился в Норвегии, *solus fere evasit*. Похоже, что архиепископство Нидарос, или Дронтхейм, в то время состояло из семи кафедр. В шести из них, включая Дронтхейм и Берген, в это время происходят изменения; а о Соломоне, епископе Осло, говорится, что "он был единственным епископом, пережившим чуму" (Gams, *Series Episcoporum*, 336). Тот же рассказ приводится в монастырских хрониках Исландии (*Ftateyjarbok*, iii, p. 562).
- [114] Henric Jacob Sirers, *Historisk Beskrifning om then Pesten*, p. 23.
- [115] Langebeck, *Scriptores rerum Danicarum*, vi, 564. Во всем, что касается чумы на севере Европы, я обязан д-ру Линдстрому из Риксмузея в Стокгольме за большую помощь. Он любезно осмотрел для меня оригинал францисканской некрологии в Висби.
- [116] Langebeck, *ut sup.*, i, 307, 395.
- [117] *Ibid.*, vii, p. 2, *et seqq.*
- [118] Pezzana, *Storia di Parma*, i, 52.
- [119] Henricus de Hervordia, *Chronicon* ed. Potthast, 274.
- [120] Lechner, *ut sup.*, p. 73.

ГЛАВА V. ЧУМА ДОСТИГАЕТ АНГЛИИ.

Чума впервые напала на Англию осенью 1348 года. Уже отмечалось, что летом того года Северная Франция страдала от этого бедствия, а в августе мор посетил Нормандию и был обнаружен в Кале, находившемся тогда во владении англичан. Вероятно, в это же время Джерси и Гернси, с которыми Англия поддерживала постоянное сообщение, были опустошены болезнью. Эти острова пострадали настолько сильно, что налоги короля, обычно взимаемые с рыболовных промыслов, не могли быть взысканы. "По причине, - пишет английский король Джон Маутраверсу, губернатору, - смертности среди жителей и рыбаков этих островов, которая здесь, как и в других местах, была столь велика, наша рента за рыбную ловлю, которая ежегодно выплачивалась нам, теперь не может быть получена без обнищания и чрезмерного угнетения тех рыбаков, которые еще остались"[121].

Слухи о грядущем бедствии достигли Англии в начале лета. 17 августа 1348 года епископ Бата и Уэллса Ральф Шрусберийский разослал по своей епархии письма, предписывающие "каждую пятницу в каждой коллегиальной, регулярной и приходской церкви проводить процессии и посты, умоляя Бога защитить народ от моровой язвы, пришедшей с Востока в соседнее королевство", и предоставляя индульгенцию на сорок дней всем, кто, находясь в состоянии благодати, должен раздавать милостыню, поститься или молиться, чтобы, если возможно, отвратить гнев Божий[122].

Под "соседним королевством", о котором говорит епископ [p072] в своем письме, почти наверняка подразумевается Франция. Вероятно, из Кале мор был завезен в Англию на некоторых кораблях, перевозивших тех, кто стремился спастись от него. Большинство современных свидетельств сходятся в том, что первым местом заражения было названо побережье Дорсетшира. Так, Гальфрид ле Бейкер, современник, говорит, что "сначала болезнь пришла в морской порт в Дорсетшире, а затем в страну, которую она почти лишила жителей, и оттуда перешла в Девон и Сомерсет до Бристоля"[123] Две или три хроники, также более конкретные, чем остальные, называют Мелкомб-Реджис памятным местом, где эпидемия впервые проявилась в Англии. "В год Господа нашего 1348, около праздника Перевода святого Фомы (7 июля), - пишет автор хроники, известной под названием *Eulogium Historiarum*, который в это время был монахом в Мальмсбери, - жестокий мор, страшный для всех будущих веков, пришел из-за моря на южное побережье Англии, в порт под названием Мелкомб, в Дорсетшире. Эта (чума), пронесшаяся по южным районам, уничтожила множество людей в Дорсете, Девоне и Сомерсете"[124] Так же и в продолжении хроники Тривета, доведенной до смерти Эдуарда III каноником Бридлингтона, который, вероятно, был современником этого события, говорится, что "великая чума пришла в Англию в южные районы, начав с того, что некоторые (корабли) зашли с моря в город под названием Мелкомб"[125].

Мелкомб-Реджис, или Уэймут, был в то время портом значительной важности. Например, в 1347-8 гг. он предоставил Эдуарду III для осады Кале 20 кораблей и 264 моряка; в то время как Бристоль отправил только 22 корабля и 608 моряков, и даже Лондон - 25 судов и 662 человека.[126] [p073] Этот факт представляет интерес не только как свидетельство важности Мелкомб-Реджиса как порта на южном побережье, но и как доказательство фактической связи этого места в этот период с Кале и, несомненно, с другими городами на побережье Франции. Не исключено, что в результате возвращения некоторых лодок из Мелкомба из

Кале эпидемия могла попасть в город. О смертности в самом порту ничего не известно, но о влиянии болезни на окрестности можно судить по последующему периоду. Через три года после того, как чума прошла, король своей жалованной грамотой запретил всем жителям острова Портленд покидать свои дома или, более того, продавать урожай из этого района, "потому что, - говорит он, - как нам стало известно, остров Портленд в графстве Дорсет настолько обезлюдел во время недавнего мора, что оставшиеся жители недостаточно многочисленны, чтобы защитить его от наших иностранных врагов"[127].

Фактическая дата, когда мор впервые проявился в Дорсетшире, считается несколько сомнительной. Самым ранним днем считается день, указанный монахом Мальмсбери в его "*Исторической книге*" (*Eulogium Historiarum*), который называет 7 июля (1348 г.) как время, когда болезнь началась в Мелкомб-Реджис. Самой поздней датой является дата, указанная Найтоном, каноником Лестера, который в целом упоминает, что она началась осенью 1348 года. В одной хронике указано 25 июля, в двух других - 1 августа, а в другой просто назван месяц август. При таких обстоятельствах, а также учитывая тот факт, что о его появлении в Англии, очевидно, не знал епископ Бата и Уэллса, находившийся тогда в своей епархии, в середине августа, представляется более чем вероятным, что страшный бич дал о себе знать на западе Англии не ранее середины этого месяца и не позднее его конца. [p074]

О раннем начале болезни свидетельствует документ, хранящийся в архиве декана и капитула Кентерберийского собора. Архиепископ Страффорд умер в канун дня святого Варфоломея, 23 августа 1348 года, и еще до конца сентября приор Кентерберийский, действуя с архиепископской властью на время вакансии, направил епископу Лондонскому, как декану Коллегии епископов, поручение дать указания суффраганам Кентерберийским провести публичные процессии в своих епархиях, чтобы молить Бога о помощи против "смертности", которая уже принимала угрожающие размеры[128].

Лето и осень 1348 года выдались в Англии аномально влажными, и хроники фиксируют, что с Дня святого Иоанна Крестителя (24 июня) до Рождества дождь шел либо ночью, либо днем без исключения. В такой сезон, естественно, нездоровый, болезнь, по своей природе самая смертоносная, нашла все условия для своего быстрого развития.

Начавшись из Мелкомб-Реджиса, волна заразы очень быстро распространилась по Дорсету, Девону и Сомерсету, а остальные графства вошли в состав епархий Солсбери, Эксетера и Уэллса. "Она переходила, - пишет Роберт Эйвсберийский, современный регистратор Кентерберийского суда, - стремительно от места к месту, быстро убивая до середины дня тех, кто утром был здоров, и без уважения к людям (за исключением нескольких богатых людей), не позволяя тем, кому суждено было умереть, прожить более трех или, самое большее, четырех дней. В один и тот же день в одной могиле оказывалось двадцать, сорок, шестьдесят, а нередко и больше трупов"[129] В самом деле, на западе Англии поздней осенью 1348 года и в первые месяцы следующего года слова старой пьесы, должно быть, имели слишком верное применение -

"Одна новость сразу же сменялась другой

О смерти, и смерти, и смерти". [p075]

При работе с подобными случаями первой задачей является контроль, насколько это возможно, с помощью определенной статистики, общих и расплывчатых заявлений летописцев и других современных писателей; в то время как в отсутствии такой статистики кроется одна из больших трудностей в работе с историей Средних веков. Отчасти из-за сложной и запутанной природы предмета, а также из-за бедности материала и присущей

таким вопросам сухости, современные авторы мало продвинулись к более правильному знанию о населении европейских стран в те века. Однако многое можно было бы сделать. Как обычно, церковные документы составляют самую надежную основу для любых расчетов, а епископальные регистры позволяют нам получить реальные цифры. Соответственно, в данном исследовании эти регистры имеют первостепенное значение, и к ним необходимо постоянно возвращаться, поскольку они являются единственным средством получения адекватного представления о доле населения, уничтоженного чумой. Возможно, смертность среди церковников была выше, чем среди мирян; но только на основании количества священнослужителей, унесенных эпидемией, можно оценить число умерших мирян. Поэтому в ходе данной работы систематически исследуется смертность духовенства.

Чтобы понять природу и ценность представленных таким образом доказательств масштабов смертности, необходимо сделать несколько пояснений. В каждой епархии епископский регистратор вел список всех учреждений, созданных епископом для вакантных бенефиций. Как правило, в нем не только указывалось название места, имя уходящего и приходящего благочинного с указанием даты, но и причина вакансии, будь то смерть, обмен или отставка. Таким образом, эти списки за роковой период, или осень 1348 и 1349 годов, дают возможность оценить масштабы смертности среди духовенства. Однако следует помнить, что в этих реестрах регистрируются только институты настоящих [p076] служителей, и не учитывается более многочисленная группа викариев и капелланов, не говоря уже о монахах, канониках и монашествующих епархии. Недавний автор подсчитал, что духовенство, не получавшее пособия, более чем равно по численности обладателям благодеяний, и что общее число учреждений епархии может быть справедливо удвоено при оценке смертности духовенства во время этой эпидемии[130]. Кроме того, эти Книги учреждений, предоставляя даты назначений на различные должности, дают возможность определить, по крайней мере приблизительно, время, когда чума свирепствовала в округе, и даже, с поправкой на любую задержку в заполнении благодеяний, в любом данном месте.

Помимо специального реестра каждой епархии, серия официальных государственных документов, называемых *Патентными списками*, содержит множество свидетельств разрушительной силы болезни. В этих списках, среди всевозможных государственных документов, записаны королевские гранты, лицензии и представления, выданные государем на вакантные церковные места, которые в то время находились в королевском дару. Это были ординарные

(1) Бенефиции, патроном которых король являлся по праву.

(2) Те, которые он представлял в качестве опекуна сыновей арендаторов *in capite* во время их несовершеннолетия, и

(3) Ливинги, на которые епископы и аббаты соборов и монастырей, в то время вакантных, обычно представлялись. В этот период, в 1348-9 годах, кроме того, королевские пожалования были значительно увеличены за счет патронажа чужих религиозных домов, существовавших в Англии, владение которыми, "по причине войны с Францией", как гласит официальная фраза, "король захватил в свои руки".

Свидетельства смертности среди духовенства во время великого мора, подтвержденные записями в патентных списках, можно кратко суммировать. В 1348 году, в период с января по май, король пожаловал [p077] 42 ливинга, а в последующие четыре месяца - 36; таким образом, за восемь месяцев, непосредственно предшествовавших приходу чумы в Англию, среднее число презентаций в месяц было меньше десяти, а в предыдущий год - едва ли больше ста. Список, в который заносятся пожалования и представления с сентября до конца

года, убедительно доказывает, что в последние четыре месяца 1348 года смерть была занята среди тех, кто имел королевские привилегии. За это время государь должен был восполнить еще восемьдесят один ливент.

Патенты за 1349 год, таким же образом, занимают три части, или свитка. В первой части записаны пожалования с 25 января по конец мая. Этот большой свиток представляет собой курьез, так как очень большая часть пергаментной записи посвящена записи королевских пожалований на свободные ливреи, их записано не менее 249 против 42 за тот же период предыдущего года. Во второй части регистрируются ливреи, заполненные королем Эдуардом с июня до середины сентября 1349 года, когда их число достигает необычайной цифры в 440, против 36 за соответствующий период 1348 года.

Третий период, заканчивающийся 24 января 1350 года, показывает снижение числа, хотя оно все еще составляет значительную сумму в 205. В целом, таким образом, с 25 января 1349 года по ту же дату 1350 года король в одиночку подарил 894 жильца, которые стали вакантными. Сравнивая полученные таким образом цифры с обычным периодом 1348 года, можно приблизительно сказать, что из 1053 податей, сделанных королем Эдуардом за эти два года, по меньшей мере 800 должны были быть вызваны смертностью, вызванной великой чумой. Эта цифра покажется достаточно ужасной, если вспомнить, что, даже если учесть большое количество презентаций, находившихся тогда в руках короля, они составили бы лишь очень малую часть от общего числа учреждений, освобождавших жилые помещения в этот период.

Весь вопрос статистики в деталях, а также [p078] особые указания на последствия, последовавшие за опустошением от чумы, будут рассмотрены в последующих главах, чтобы как можно меньше вмешиваться в последовательный рассказ о самом посещении. Среди представлений, сделанных королем осенью этого года, часто упоминаются вакансии в епархии Сарум, в которой находится графство Дорсет. С 8 октября 1348 года по 10 января 1349 года, то есть в течение трех месяцев, корона подарила не менее 30 жильцов в епархии. Большинство из них находилось в графстве Дорсет, а аббатство Эбботсбери, которое, очевидно, стало первым монастырем, подвергшимся нападению, и ректорский дом Бинкомб, который Эдуард III подарил 8 октября 1348 года, располагались недалеко от Мелкомб-Реджис, где чума начала свое опустошение.

Если судить только по нескольким королевским подаркам, то любопытно наблюдать, насколько тесно эпидемия в этой стране примыкала к рекам и водотокам. Например, окрестности Блэндфорда, должно быть, сильно пострадали в ноябре и декабре 1348 года: два Винтерборна и Спеттисбери, а также Блэндфорд - все четыре близ реки Стоур - потеряли своих настоятелей. В Спеттисбери король пожаловал трижды за очень короткий промежуток времени. Еще до того, как Джон ле Спенсер из Гримсби, которому 7 декабря было даровано житие, был введен в должность кюре, - фактически, вероятно, даже до того, как было сделано пожалование, - он был мертв, поскольку 10 декабря, всего три дня спустя, после смерти Спенсера Адаму де Карлетону был выдан другой жалованный патент. Адам, в свою очередь, продержался в бенефиции недолго, и 4 января 1349 года на его место был назначен Роберт де Ховеден. Это не единственные случаи, даже среди тех немногих представлений, которые зафиксированы в патентных списках, когда в последние месяцы 1348 г. дорсетские инкубенты быстро сменяли друг друга.

Если посмотреть на количество учреждений в каждом месяце этого периода и учесть тот факт, что вакансия [p079], вероятно, появилась за некоторое время до ее заполнения, то становится очевидным, что эпидемия была распространена в графстве Дорсет с октября

1348 года по февраль 1349 года, а смертность была самой высокой в декабре и январе.^[131] Существование эпидемии начинает проявляться в учреждениях за октябрь 1348 года. До этого в течение года было зарегистрировано только двенадцать случаев. Вест Чикерелл, расположенный недалеко от Уэймута, получил нового инкубента 14 октября, в то время как в Бинкомбе, расположенном неподалеку, который в то время был вакантным, о чем свидетельствует представление короля 8 числа, новый инкубент не был принят до 4 ноября. Уормвелл и Комб-Кейнс, расположенные немного восточнее, получили новых приходских священников 9 и 19 октября, а Дорчестер, столица, подвергся нападению, очевидно, примерно в то же время.

Если следовать указаниям епископских регистров, то опустошение от моровой язвы становится очевидным на побережье в начале ноября, когда в прибрежных городах начинают появляться многочисленные вакансии. Бридпорт, Ист-Лулворт, Тайнхэм, Лэнгтон и Уэрхэм к этому времени уже были посещены, а к концу месяца эпидемия пересекла графство и появилась в Шафтсбери. 3 декабря два викариатства на юге, расположенные довольно близко друг к другу, Эбботсбери и Портешем, получили новых слугителей.

В Шафтсбери назначения были сделаны в Сент-Лоуренс 29 ноября, в Сент-Мартин 10 декабря, в Сент-Джонс 6 января 1349 года, а в [p080] Сент-Лоуренс снова 12 мая. В Уэрхэме небольшой чужой приорский монастырь стал вакантным до 4 ноября, поскольку в этот день король назначил преемника Майкла де Молиса, недавно умершего,^[132] и 8 декабря были произведены назначения в приорство святого Мартина в Уэрхэме, 22 декабря - в приорство святого Петра, 29 мая - в приорство святого Иоанна, 17 июня - в приорство святого Михаила. Три изменения были зарегистрированы в Винтерборн-Сент-Николас в период с 27 декабря по 3 мая. Насколько можно судить по датам этих учреждений, похоже, что новая вспышка особого насилия произошла в конце апреля.

Записи Бридпортской корпорации показывают, что в 1349 году из-за моровой язвы на службе находились четыре судебных пристава вместо обычных двух.^[133] Как и большинство других мест в стране, Пул, имевший в то время достаточно большое значение, чтобы быть призванным предоставить четыре корабля и 94 человека для осады Кале, сильно пострадал от моровой язвы и значительно подорвал свое благосостояние. "В Пуле, - пишет Хатчинс, - место на выступающем клочке земли, известное как *Баутер*, до сих пор указывают как место захоронения жертв"^[134] И тот же автор добавляет, что страна не оправилась полностью в течение следующих 150 лет; поскольку в правление Генриха VIII "Пул и другие города в Дорсетшире" были включены в тот многочисленный список мест, чьи опустевшие здания было приказано восстановить.

К концу 1348 года мор распространился далеко по западным графствам Англии. Епархии Бата и Уэллса и Эксетера, первая из которых граничит с графством Сомерсет, а вторая включает в себя графства Девон и Корнуолл, были заражены поздней осенью того года, и по всему западу, как повествует старая хроника, болезнь "самым плачевным образом уничтожила бесчисленное множество людей". [p081]

Действительно, бедствие настолько ужасно отразилось на духовенстве Сомерсета, что уже 17 января 1349 года епископ Бата и Уэллса был вынужден обратиться к своей пастве с напутственным письмом. Этот документ представляет такой интерес, как свидетельство того, в каком бедственном положении оказалась епархия в то раннее время из-за чрезмерной смертности, и как совет, который в нем содержится, что мы приводим его здесь в значительном объеме, поскольку он доказывает глубину деградации, до которой вся религиозная жизнь была доведена ужасом, навеванным болезнью. Все узы были ослаблены, а

все обычные церковные правила и положения отменены, потому что теперь их нельзя было исполнять или, более того, соблюдать. "Заразный характер нынешней моровой язвы, которая постоянно распространяется далеко и широко, - пишет епископ, - привел к тому, что многие приходские церкви и другие лечебницы, а следовательно, и население нашей епархии, остались без vikariev[135] и священников. И поскольку не удастся найти священников, готовых из рвения, преданности или за вознаграждение взять на себя заботу о вышеупомянутых местах, посещать больных и совершать над ними Таинства Церкви (возможно, из-за страха перед инфекцией и заразой), многие, как мы понимаем, умирают без Таинства Покаяния. Они также не знают, что следует делать в такой необходимости, и считают, что никакое исповедание грехов, даже в случае такой нужды, не является полезным или достойным, если оно не сделано священнику, имеющему ключи Церкви. Поэтому, желая, как мы обязаны делать, спасения душ и постоянно заботясь о том, чтобы вернуть блуждающих с кривых путей заблуждения, мы, по послушанию, в котором вы нам поклялись, настоятельно предписываем и повелеваем вам - ректорам, vikariyam и приходским священникам во всех ваших церквях, и вам, деканы, в тех местах ваших деканатов, которые лишены утешения священников, чтобы вы немедленно и публично наставляли и убеждали, сами или через кого-то другого, всех, кто болен нынешним [p082] недугом или кому случится заболеть, что *in articulo mortis*, если они не могут найти священника, они должны исповедовать свои грехи (по учению апостола) даже мирянину, а если мужчины нет под рукой, то женщине. Настоящими письмами мы увещеваем вас, в недрах Иисуса Христа, сделать это и публично объявить в вышеупомянутых местах, что такая исповедь, сделанная мирянину в предполагаемом случае, может быть наиболее спасительной и выгодной для них для отпущения их грехов, согласно учению и священным канонам Церкви. И из опасения, что кто-либо, вообразив, что эти миряне-исповедники могут обнародовать сделанные им исповеди, будет колебаться исповедоваться таким образом в случае необходимости, мы сообщаем всем вообще и тем в частности, кто уже слышал эти исповеди или может услышать их в будущем, что они обязаны по предписаниям Церкви скрывать и хранить их в тайне; и что, согласно постановлению священных канонов, им запрещено предавать такие исповеди словом, знаком и любым другим способом, если только исповедующиеся не пожелают этого. И (далее) если они поступят иначе, пусть такие предатели знают, что они тяжко грешат и навлекают на себя негодование Всемогущего Бога и всей Церкви". И далее, чтобы возбудить рвение как духовенства, так и мирян к этому делу, епископ дарует широкие индульгенции тем, кто последует данному здесь совету.

"А поскольку запоздалое покаяние, - говорит он, - (когда, например, болезнь вынуждает, а страх наказания пугает) часто обманывает многих, мы даруем всем нашим подданным, которые во время моровой язвы придут на исповедь к священникам, имеющим ключи Церкви и власть связывать и развязывать, прежде чем они заболеют, и которые не будут медлить до дня необходимости, сорок дней индульгенции. Каждому священнику, который побудит людей к этому и выслушает исповедь тех, кого привели на исповедь, пока они здоровы, мы даруем то же самое по милости Всемогущего Бога, уповая на заслуги и молитвы [p083] его славной Матери, блаженных Петра, Павла и Андрея Апостолов, наших покровителей, и всех святых".

"Далее вы должны объявить, - добавляет он, - всем исповедующимся таким образом мирянам в случае необходимости, что если они выздоровеют, то обязаны снова исповедовать те же грехи своему собственному приходскому священнику". Таинство Евхаристии, когда нет священника, может совершать дьякон. Если же нет священника для совершения Таинства Чрезвычайного Елеосвящения, то, как и в других вопросах, для совершения Таинства достаточно веры"[136].

К этим большим отступлениям от обычной церковной практики, хотя и согласующимся с христианским милосердием и учением Церкви, прибегают только в случаях крайней нужды, и циркулярное письмо епископа Бата и Уэллса свидетельствует о крайней серьезности ситуации, сложившейся во всей епархии уже в январе 1349 года. Уже тогда, как явствует из слов епископа, нехватка духовенства давала о себе знать, и люди умирали в графстве Сомерсет, не имея возможности получить духовную помощь в свои последние часы, и не находилось священников, которые могли бы занять места тех, кто уже пал жертвой болезни. Список учреждений, приведенный в реестре епископа Ральфа Шрусберийского, показывает, что смертность в этом графстве была значительной уже в ноябре предыдущего, 1348 года.

Если взять институты епархии в качестве ориентира для определения времени, когда чума была наиболее сильной, и принять во внимание, что смерть должна была произойти за некоторое время до института, и что, согласно письму епископа, была неизбежна некоторая задержка в заполнении благотворительных фондов, то месяцами, когда мор был в самом разгаре в графстве Сомерсет, будут декабрь 1348 года, январь и февраль 1349 года, хотя количество институтов в каждом месяце остается высоким до июня. Смертность [p084], по-видимому, была самой высокой около Рождества 1348 года[137].

Епископ Бата и Уэллса оставался в своем поместье Уивелискомб, пока худшее не было позади в мае 1349 года. Туда прибыла длинная процессия священников, чтобы получить грамоты на вакантные бенефиции. День за днем в течение почти шести месяцев эта работа продолжалась, почти не прекращаясь. По одиночке или по двое и по трое, часто по четверо и по пятеро, а однажды, по крайней мере, по десять человек вместе, священнослужители приходили, чтобы быть посвященными в те места, которые болезнь оставила без священника.

Как эпидемия проникла в графство и как она протекала, сейчас невозможно, даже если бы это было выгодно, выяснить. В декабре она, похоже, закрепились в большинстве районов графства. В Эверкриче он появился около 19 ноября, а примерно через две недели - в Каслкэри и Алмсфорде, в тех же окрестностях. Тот факт, что Бриджуотер, Кливдон, Уэстон-супер-Мэр, Портисхед и Бристоль были одними из самых ранних мест в графстве, подвергшихся нападению, почти заставляет предположить, что заразу в эти прибрежные города занесло судно, проплывавшее по Бристольскому каналу. Более того, это предположение, как будет показано далее, в некоторой степени подтверждается тем фактом, что города Северного Девона подверглись нападению болезни почти одновременно с городами на южном побережье, а также примерно в то же время, что и города Северного Сомерсета.

Бат пострадал от этого бедствия в начале января 1349 года. 9 и 10 числа того месяца было зарегистрировано несколько [p085] учреждений, в которых жили люди, как в городе, так и в его окрестностях. В том же месяце она распространилась на аббатство Киншэм, расположенное на дороге между Батом и Бристолем, и ее путь можно проследить почти вдоль линии сообщения между Батом и Уэллсом. Таким образом, деревни Фрешфорд, Твертон, Хардингтон, Холкомб, Клофорд, Килмерсдон, Бабингтон, Комптон и Доултинг, а также несколько бенефиций в самом Уэллсе стали вакантными в это время.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в этой епархии жертвами болезни стала половина духовенства, имеющего бенефиции. Многие приходы становились вакантными по два и три раза за время болезни, а в немалом числе за эти несколько месяцев сменилось четыре прихода. В Батхэмптоне, например, за это время сменилось четыре парсона. В Хардингтоне, недалеко от Фрома, с января 1349 года до середины марта из-за

болезни сменилось три, а возможно, и четыре священника; а в Йовиле, с 15 декабря 1348 года по 4 февраля 1349 года, три священника сменяли друг друга.

О религиозных домах графства в это время практически ничего не известно. Ательни и Мучелни потеряли своих аббатов, а также, вероятно, и многих своих прихожан. Тот факт, что великое аббатство Гластонбери, которое ранее содержало в своих стенах общину из 80 монахов, в 1377 году *н.э.* насчитывало 44 монаха, говорит о том, что оно понесло очень серьезные потери в результате эпидемии.

В Бате в 1344 году, всего за пять лет до начала болезни, община при приорате состояла из тридцати исповедуемых монахов под руководством приора Джона де Форда.^[138] Список в списке сомерсетского духовенства, с которого взималась субсидия на духовенство в конце правления Эдуарда Третьего, в 1377 году, показывает, что их число сократилось до шестнадцати,^[139] ^[p086] и в таком количестве они, очевидно, оставались до момента окончательного роспуска дома в XVI веке.^[140]

Нетрудно понять, что чума должна была свирепствовать с особой жестокостью в крупных городах, где в те времена самые элементарные понятия о санитарии были почти неизвестны. На западе Бристоль, конечно же, сильно пострадал. "Там, - пишет современный писатель Найтон, - умерла, внезапно пораженная смертью, почти вся сила города, ибо мало кто болел дольше трех дней, или двух дней, или даже половины дня". Это не должно вызывать удивления, когда, согласно описанию современного писателя, говорящего о городе именно в этот период, улицы были очень узкими; в самых оживленных местах земля была усеяна погребями для хранения вина, соли и других товаров, а мусор стекал в центральную канаву. Расстояние между домами было так мало, что по улицам не ездили машины, а все товары перевозились на вьючных лошадях или носильщиками - обычай, который даже в XVII веке вызывал удивление Сэмюэля Пеписа^[141].

"Здесь, в Бристоле, - пишет местный историк Сейер, цитируя старый календарь города, - в 1348 году чума свирепствовала до такой степени, что живые едва успевали хоронить мертвых. Глостерширцы не позволяли бристольцам иметь к ним доступ. В конце концов чума достигла Глостера, Оксфорда и Лондона; едва ли десятый человек остался в живых, будь то мужчина или женщина. В это время на Хай-стрит и Брод-стрит выросла трава высотой в несколько дюймов; поначалу она бушевала в основном в центре города. Этот мор пришел из-за границы, и в первую очередь пострадали жители приморских районов Дорсетшира и Девоншира"^[142]. В связи с массовым уничтожением населения этого западного порта те же власти объясняют снижение королевского налога на город с 245 до 158 фунтов стерлингов.^[p087]

Наконец, в Бристоле, как, несомненно, и в большинстве других мест, кладбища долго не могли справиться со множеством умерших. Этому есть пример в Патентных списках. Пастор церкви Святого Креста де ла Темпл вскоре столкнулся с необходимостью расширить свое кладбище. Для этой цели он получил пол-акра земли, примыкающей к старому кладбищу, и столь велика и настоятельна была потребность в этом новом помещении, что оно было построено без требуемой королевской лицензии, за что впоследствии пришлось просить у короля помилования^[143].

Епархия Эксетера, включающая два графства - Девон и Корнуолл, была поражена болезнью, по-видимому, примерно в то же время, что и графство Сомерсет.^[144] За восемь лет до 1348 года среднее число жильцов, ежегодно остававшихся вакантными в епархии, составляло тридцать шесть,^[145] в то время как за один только январь 1349 года епископ учредил около тридцати жильцов, что показывает, что смерть уже была занята среди духовенства.

Количество институтов в каждом месяце года позволяет сделать вывод, что в этих графствах болезнь продержалась несколько дольше, чем в других. Только к концу сентября наблюдается значительное уменьшение числа вакансий, и хотя, вероятно, все началось в декабре, разгар чумы был достигнут только в марте, апреле и мае.^[146] [p088]

Пребендарий Хингстон-Рэндольф так описывает состояние епископских регистров Эксетера в этот период: "В регистре епископа Грандиссона очень мало прямой информации о Черной смерти, но очень много косвенной. *Registrum Commune*, который удивительно полон до и после рокового года, почти ничего не фиксирует в течение самого года. Обычная работа епархии, похоже, была приостановлена, за единственным исключением. Реестр учреждений - отдельный том - представляет собой запись непрекращающейся и самой мучительной работы. Сам его внешний вид в этот период говорит о горе. Записи сделаны торопливо и грубо, что разительно контрастирует с аккуратностью и регулярностью остальной части реестра. Они группируются уже не по годам, как раньше, а по месяцам, и изменения в каждом месяце превышают изменения за весь обычный год, когда не было моровой язвы. Переписчик опускает обычное "вакантно *per mortem*", как будто боится написать это роковое слово. Духовенство, должно быть, пало оптом; очевидно, они были верны и, ради своих пасомых, встретили врага не дрогнув. И, когда каждый из них падал, другой был готов по призыву епископа бесстрашно занять освободившееся место. Некоторые должности длились всего несколько недель. А когда все закончилось, оставшихся в живых было, сравнительно, так мало, что заполнение многих последующих вакантных мест было сопряжено с немалыми трудностями; этот результат болезни можно проследить еще некоторое время после прекращения смертности.

"Епископ никогда не покидал свою епархию, и постоянное присутствие столь сильного, искреннего и преданного прелата должно было быть несказанным утешением и помощью для его тяжело страдающей паствы."

Изучение институтов епархии в связи со временем, когда чума посетила различные ее части, показывает, что она началась почти одновременно на севере и юге. В Северном Девоне она была обнаружена в Нортэме и Алвердискоте 7 [p089] ноября, во Фремингтоне в том же округе - 8-го, а в Барнстапле - 23 декабря. В ноябре его находят в деревнях на реке Эксе, и, возможно, он также достиг Эксетера до конца месяца. На юге страны факт близкого расположения первой зараженной части к Дорсетширу объясняет ход эпидемии; но ранняя вспышка в прибрежных деревнях в устье реки, ведущей в Барнстапл, позволяет сделать вывод, что инфекция была принесена кораблем, проходящим по Бристольскому каналу, который впоследствии заразил другие города на сомерсетском берегу прохода.

Интересно также отметить, насколько сильно пострадали прибрежные города, поскольку заразу, скорее всего, переносили с одного места на другое рыбацкие лодки. В некоторых эстуариях, похоже, можно проследить распространение болезни по датам учреждений. Так, например, в марте 1349 года в устье реки Фоуи в Корнуолле появляется учреждение для живущих, через неделю - другое учреждение в викариатстве святого Винноу выше, а 22 марта болезнь достигла Бодмина, расположенного на небольшом расстоянии от реки, и места, с которым, по всей вероятности, проход вверх по устью Фоуи был обычным и привычным средством связи.

О результатах болезни в религиозных домах епархии известно несколько подробностей. В монастыре Святого Николая в Эксетере настоятель умер в марте 1349 года; его преемник, Джон де Вай, был принят 26 числа того же месяца, но почти сразу же скончался. Следующий приор был назначен только 7 июня, и дом был признан находящимся в плачевном

состоянии.^[147] Так же и в приорстве Пилтон два настоятеля умерли в течение нескольких недель один за другим. В чужеземном приорстве Минстер, Корнуолл, Уильям де Хума, приор, скончался от болезни 26 апреля 1349 года, и дом настолько обеднел из-за смерти арендаторов [p090] и рабочих, что не мог содержать ни своих членов, ни капеллана, которого они должны были найти для выполнения приходских работ, поскольку ни приор, ни его братья не говорили по-английски, "или скорее по-корнуолльски"^[148].

В цистерцианском аббатстве Ньюэнхем в реестре записано, что "во время этой смертности или моровой язвы в этом доме умерло двадцать монахов и три брата-мирянина, чьи имена записаны в других книгах. А Уолтер, аббат, и два монаха остались там в живых после болезни"^[149].

В августинском аббатстве Хартленд умер аббат Роджер де Ралеге, а объявление об избрании его преемника датировано 18 марта 1349 года. В бенедиктинском Тавистокке также умер аббат, а его преемник, Ричард де Эссе, заболел после конфирмации и, "задержанный столь тяжелой болезнью", не смог отправиться к королю, который 17 октября поручил епископу Грандиссону принять его верность^[150].

В Бодмине, согласно записи, сделанной Уильямом Вустерским из реестра в церкви Братьев Миноров, от этой болезни умерло 1500 человек^[151], среди которых был викарий, чей преемник был назначен 8 апреля 1349 года. Августинский приор в городе почти обезлюдел. Настоятель, Джон де Килкхэмптон, и все его братья, кроме двух, были унесены болезнью. Двое оставшихся в живых 17 марта написали епископу, что они "остались как сироты", и просили, чтобы он немедленно предоставил старшего [p091] для их дома. На следующий день, 18 марта 1349 года, по распоряжению принца Уэльского была проведена инквизиция. Жюри установило, что приорство свободно и что последний настоятель умер "в пятницу, следующую после праздника святого Петра на кафедре в прошлом году" (27 февраля)^[152].

19 марта епископ Грандиссон написал настоятелю Лонсестона, изложив факты, и назначил на эту должность члена этого дома. Через три дня был выдан мандат на его вступление в должность, в надежде, что "благодаря его внимательному наблюдению указанный приор сможет оправиться от бедствия"^[153].

Положение, в котором оказались августинцы из Бодмина из-за болезни, в конце концов, типично для многих религиозных домов по всей стране. Тем временем, однако, эпидемия не ограничилась западными графствами, а продолжала распространять опустошение во всех направлениях, как волна моровой язвы, прокатившаяся по всей стране.

ССЫЛКИ:

^[121] *Originalia Roll*, 24 Ed. III., m. 2.

^[122] B. Mus., Harl. MS. 6965, f. 132.

^[123] *Chronicon Galfridi le Baker*, ed. E. M. Thompson, p. 98.

^[124] *Eulogium Historiarum* (ed. Rolls series), iii, p. 213. Не кажется совсем невероятным, что этот рассказ был написан в то время, когда чума все еще была распространена на западе Англии.

^[125] Harl. MS. 688, f. 361.

^[126] Hutchins, *History of Dorset* (3rd ed.), ii, p. 422.

[127] Rot. Pat., 26 Ed. III., pars 3, m. 5.

[128] *Historical Manuscripts Commission, Eighth Report*, App., p. 338.

[129] *De Gestis Edwardi III.* (ed. Rolls series), p. 406.

[130] Как будет показано в дальнейшем, эта оценка д-ра Джессоппа, безусловно, слишком занижена, и, вероятно, правильнее предположить, что духовенство, не имеющее бенефиций, включая под этим началом религиозных, было в четыре раза многочисленнее тех, кто имел бенефиции.

[131] Следующая таблица покажет фактическое количество учреждений в Дорсетшире за несколько месяцев:...

1348.			1349.			
окт.	нояб.	Дек.	январ.	фев.	Март.	Апрель.
5	15	17	16	14	10	4

[132] *Originalia Roll*, 22 Ed. III., m. 4.

[133] *Hist. MSS. Comm., Sixth Report*, p. 475.

[134] *History of Dorset*, i, p. 5.

[135] *Curates* здесь и в других местах используется для обозначения ректоров или викариев, которые фактически занимались лечением душ.

[136] Wilkins, *Concilia*, ii, pp. 735-6.

[137] Ниже приводится таблица учреждений в Сомерсетшире за несколько месяцев.

1348.			1349.		
ноябрь.	Дек.	январ.	фев.	Март.	
9	32	47	43	36	
			Апрель.	Май.	Июнь.
			40	21	7

[138] Bath Chartulary (Lincoln's Inn MS.), p. 119. В настоящее время он редактируется для *Общества записи Сомерсета*, и список приводится на с. 73 издания г-на Ханта.

[139] R. O. Clerical Subsidy (Somerset), 4/2.

[140] См. список, приведенный в *отчете заместителя хранителя*, vii, p. 280.

[141] W. Hunt, *Historic Towns, Bristol*, p. 77.

[142] S. Seyer, *Memoirs of Bristol* (Bristol, 1823) ii, p. 143.

[143] Rot. Pat., 23 Ed. III., pars 3, m. 4.

[144] За информацию об учреждениях этой епархии и другие вопросы, касающиеся Девона и Корнуолла, я обязан любезности преподобного пребендария Хингестона-Рэндольфа.

[145] Любопытно, что в 1891 году число институтов составляло 36.

[146] Следующая таблица дает представление о количестве учреждений в Девоне и Корнуолле в каждом месяце:.

1348.		1349.				
ноябрь.	Дек.	янв.	Фев.	Мар.	Апрель.	Май.
10	6	30	34	60	53	47
		Июнь.	Июль.	авг.	сент.	
		45	37	16	23	

[147] Настоятель Сент-Джеймс, Эксетер, также умер: "postea tempore pestilencie subito mortuus est." (Reg. Grand., i, fol. 27b).

[148] Rot. Pat., 29 Ed. III., pars 2, m. 19.

[149] B. Mus., Arund. MS. 17, fol. 55b. Оливер (*Monasticon Dioecesis Exoniensis*, p. 359) добавляет: "И не менее 88 человек, живущих в воротах аббатства". В "*Истории монастыря и собора Вустера*" Ноакса, стр. 94, говорится, что о силе чумы 1349 года можно судить "по тому факту, что в аббатстве Ньюэнхем, на западе Англии, из ста одиннадцати обитателей выжили только аббат и два монаха". Эти авторы не приводят никаких авторитетов.

[150] Reg. Grandisson, i, 26b.

[151] *Itinerarum*, ed. J. Nasmith, p. 112.

[152] Sir J. Maclean, *Deanery of Trigg Minor*, i, p. 128.

[153] Reg. Grandisson, i, 26b.

ТОС [p092]

ГЛАВА VI. РАСПРОСТРАНЕНИЕ БОЛЕЗНИ В ЛОНДОНЕ И НА ЮГЕ.

Некоторое время жители Глостера пытались, но тщетно, защитить свой город, запретив все сношения с охваченным чумой Бристолем. Зараза переходила из одного района в другой, из города в город, из деревни в деревню, и вскоре вся земля была охвачена одним общим несчастьем. "Не было ни города, ни поселка, ни деревушки, ни даже, за исключением редких случаев, дома, - пишет английский современник, - в котором эта чума не унесла бы всех или большую часть жителей". И так велико было уничтожение жизни, "что живых едва хватало, чтобы ухаживать за больными и хоронить мертвых". . . . В некоторых местах из-за нехватки кладбищ епископ освятил новые места для захоронений.

"В то время четверть пшеницы продавалась за 12 д., четверть ячменя за 9 д., четверть бобов за 8 д., четверть овса за 6 д., большой вол за 40 д., хорошая лошадь за шесть шиллингов, которая раньше стоила 40 шиллингов, хорошая корова за два шиллинга и даже за восемнадцать пенсов. И даже по такой цене покупатели находились крайне редко. И этот мор продолжался два года и более, прежде чем Англия освободилась от него".

"Когда, по милости Божьей, она прекратилась, возникла такая нехватка рабочих рук, что их нельзя было использовать для сельскохозяйственных нужд. Из-за этой нехватки женщин и даже маленьких детей можно было увидеть за плугом и ведущими повозки"[154].

Быстрота, с которой зараза распространялась от места к месту, не позволяет теперь с [p093] точностью проследить ее ход; тем более что, по-видимому, многие города на южном и западном побережьях стали новыми отправными точками для болезни. Лондон, находившийся в постоянном сообщении с другими портами, по словам одного современника, подвергся нападению уже 29 сентября 1348 г. [155], в то время как другие авторитеты фиксируют, самое позднее, день Всех Святых - 1 ноября - как дату, когда эпидемия заявила о себе в Лондоне. Она продолжалась в городе и его окрестностях примерно до праздника Пятидесятницы, следующего за ним, и, по словам современника Роберта Эйвсберийского, наиболее сильной она была в течение двух месяцев со 2 февраля до Пасхи. В это время, по его словам, "почти каждый день на новом кладбище, устроенном тогда в Смитфилде, хоронили более 200 тел умерших, сверх тех, что были похоронены на других городских кладбищах"[156].

Парламент, который должен был собраться в Вестминстере в январе 1349 года, в начале месяца был отложен, поскольку, как говорит король, "в указанном месте и его окрестностях внезапно разразилась смертельная чума, которая с каждым днем усиливалась, так что возникали серьезные опасения за безопасность тех, кто приезжал туда в это время"[157]. О кладбище в Смитфилде, упомянутом в уже приведенной цитате из Роберта Эйвсберийского, историк Стоу рассказывает следующее: "В 1348 году (23 года Эдуарда III.) начался первый в его время великий мор, который усилился настолько, что из-за нехватки места в церковных дворах для погребения умерших в городе и пригородах, некий Джон Кори, клерк, выкупил у Николаса, настоятеля Святой Троицы в Олдгейте, один сосок земли рядом с Восточным Смитфилдом для погребения умерших, с условием, что он будет называться "церковным двором Святой Троицы";', которую он, с помощью [p094] разных благочестивых граждан, обнес каменной стеной. Роберт Элсинг, сын Уильяма Элсинга, дал на это пять фунтов; и это было посвящено Ральфом Стратфордом, епископом Лондонским, где впоследствии были похоронены бесчисленные тела умерших, и на том же месте была построена часовня в честь Бога". Впоследствии Эдуард III основал там монастырь цистерцианских монахов, посвященный Богородице Милостивой[158].

Тот же автор рассказывает о создании более известного нового кладбища, где впоследствии был основан Чартерхаус. "Церковных дворов, - пишет он об этом времени, - было недостаточно, чтобы принять мертвых, и люди были вынуждены выбирать определенные поля для захоронений. Тогда Ральф Стратфорд, епископ Лондонский, в 1348 году купил участок земли, называемый "ничейной землей", который он обнес кирпичной стеной и выделил для погребения мертвых, построив там соответствующую часовню, которая теперь (т.е. в 1598 году) расширена и превращена в жилой дом; и этот участок для погребения превратился в прекрасный сад, сохранивший старое название "Пардонский церковный двор".

"После этого, в 1349 году, упомянутый сэра Уолтер Мэнни, в связи с опасностью, которая могла постигнуть его в это время столь сильной чумы и заразы, купил тринадцать акров и один руд земли, примыкающей к упомянутой "Ничейной земле" и лежащей в месте, называемом "Спитл Крофт", поскольку оно принадлежало больнице святого Варфоломея (с тех пор она называется "Нью Черч Хоу"), и заставил упомянутого епископа Лондона освятить его для использования в качестве погребения.

"На этом участке земли было похоронено (в тот год) более 50 000 человек, как я читал в хартиях Эдуарда Третьего.

"Также я видел и читал надпись, выбитую на каменном кресте, стоявшем когда-то в том же церковном дворе, и содержащую следующие слова: *Anno Domini 1349. Regnante, &c.* То есть по-английски: "В год [p095] Господа нашего 1349, когда свирепствовала великая чума, был освящен этот церковный двор; в нем и в пределах нынешнего монастыря было погребено более 50 000 тел умерших, а также многие другие с тех пор и по сей день, чьи души Бог миловал. Аминь"[159].

Хотя вполне возможно, и даже вероятно, что число 50 000, названное Стоу, похороненных на одном церковном дворе, является преувеличенной оценкой, с другой стороны, более чем вероятно, что мор нашел санитарное состояние Лондона того периода очень благоприятным для своего быстрого развития. Узкие и плохо очищенные улицы, низкие, непрветриваемые и не проветриваемые дома, общее состояние жизни в то время - все это благоприятствовало распространению такой заразной болезни, как та, что посетила город в середине четырнадцатого века. Небольшое представление о состоянии улиц в это время дает документ, выданный королем мэру и шерифам, когда в 1361 году второе посещение грозило стать столь же разрушительным для человеческой жизни, как и в 1349 году. "Поскольку, - говорится в королевской грамоте, - в результате убийства крупных зверей, чья гнилая кровь течет по улицам, а кишки выбрасываются в Темзу, воздух в городе сильно испорчен и заражен, откуда исходит отвратительный и самый грязный смрад, болезни и многие другие беды случались с теми, кто жил в упомянутом городе или прибегал в него; и есть опасения, что в будущем возникнут большие опасности, если в настоящее время не будут приняты меры против этого; мы, желая предотвратить такие опасности, постановляем, с согласия нынешнего парламента, чтобы все "быки, волю, свиньи и другие грубые существа" убивались либо в Стратфорде, либо в Найтсбридже." [160] [p096]

Действительно, есть много признаков того, что число умерших в городе было очень велико[161]. Чрезвычайное увеличение числа завещаний, доказанных в "Суде по обыскам", дает некоторое представление об этом. В течение трех предыдущих лет среднее число завещаний в этом суде составляло двадцать два. В 1349 году их число достигло 222; а сами завещания служат еще одним доказательством того, как быстро члены одной семьи сходили в могилу друг за другом. В одном случае сын, назначенный исполнителем завещания отца, умер до получения завещания, и его собственное завещание прошло через суд вместе с завещанием отца.[162] Количество завещаний, выданных в каждом месяце, позволяет судить о том, в какое время смертность была наиболее высокой. Наибольшее количество приходится на май (121) и июль (51), при этом любопытно отметить, что большое количество в мае объясняется тем, что в апреле не было доказано ни одного завещания[163]. Можно предположить, что это произошло из-за полного паралича всех дел в апреле в связи с болезнью; [p097] это мнение подкрепляется тем, что не проводилось пасхальных заседаний суда судей.

Болезнь тяжело отразилась на Вестминстере. 10 марта 1349 года, во второй раз созывая парламент, король заявил, что чума распространилась в Вестминстере и Лондоне сильнее, чем когда-либо.[164] Несколько недель спустя нападению подвергся великий монастырь; в начале мая умер аббат Бирчестон, и в это же время 27 его монахов были сведены в общую могилу в южной части монастыря. Для облегчения насущных нужд дома и его обитателей были собраны драгоценности и другие украшения на сумму 315 фунтов 13 шиллингов. 8d. - большая сумма по тем временам - были проданы во время визита из монастырской казны[165].

В Вестминстере госпиталь святого Иакова тоже остался без обитателей. "Тогдашний опекун и все остальные братья и сестры, кроме одной, умерли, и в мае 1349 года оставшийся в живых Уильям де Вестон был назначен опекуном. Обвиненный в ветхости, он был смещен в 1351 году, но в 1353 году дом все еще оставался без обитателей[166].

То, что произошло в Сент-Олбансе, было записано Уолсингемом в "*Gesta Abbatum*". Говоря об аббате Майкле Ментморе, он пишет: "Мор, который унес почти половину всего человечества, придя в Сент-Олбанс, поразил его преждевременной смертью, будучи тронут общей бедой среди первых из его монахов, которых унесла смертельная болезнь. И хотя в Маунди Четверг (*то есть* четверг на Страстной неделе) он почувствовал начало болезни, все же из преданности празднику и в память о смирении Господа нашего он торжественно отслужил Высокую мессу, а после, перед обедом, смиренно и благоговейно омыл ноги нищим. Затем, после принятия пищи, он омыл и поцеловал [p098] ноги всем братьям. И все дела этого дня он совершал один и без посторонней помощи.

"На следующий день, когда болезнь усилилась, он лег в постель и, как истинный католик, с сокрушенным сердцем, искренне исповедавшись, принял Таинство Чрезвычайного Елеосвящения. И так в печали и унынии он пролежал до полудня дня Пасхи.

"И поскольку чума тогда свирепствовала, и воздух был испорчен, и монахи умирали день ото дня", его похоронили как можно скорее. "И умерло в то время сорок семь монахов" сверх тех, кто был унесен в большом количестве, в (монастырях, которые являются) кельями (Сент-Олбанса)"[167].

В другом месте тот же автор добавляет: "По Божьему попущению пришла моровая язва, которая унесла такое количество людей. Среди аббатов был благочестивой памяти Дом Майкл, аббат Сент-Олбанса. В это же время умер настоятель монастыря Николай и иподьякон этого места. Поэтому по совету сведущих в законах людей монастырь избрал настоятелем дона Томаса де Рисбурга, профессора Священного Писания"[168].

Из даты смерти аббата Сент-Олбанса, 12 апреля 1349 года, следует, что эпидемия в этой части Хартфордшира была в самом разгаре. Однако данные по части графства, относящейся к епархии Линкольна, показывают, что эпидемия, во всяком случае в северной части, продолжалась до конца лета[169].

"В поместьях Хартфордшира, - пишет мистер Торольд Роджерс, - где она (*т. е.* великая чума 1349 года) была особенно [p099] разрушительной, в течение тридцати лет было принято в начале расходной ведомости перечислять погибших и освободившиеся после 1348 года владения"[170].

Соседние графства Бедфордшир, Бакингемшир и Беркшир пострадали точно так же. Хотя в хрониках нет особых упоминаний о разрушительных последствиях эпидемии в этих графствах, из других источников информации следует, что в первой половине 1349 года смертность в этом округе была столь же велика, как и в большинстве других частей страны. Таким образом, общее состояние страны после того, как чума прошла, можно проиллюстрировать на примере ряда документов, известных как *посмертные инквизиции* (*Inquisitiones post mortem*). Теоретически, по крайней мере, вся страна принадлежала государю; фактические владельцы владели землей как арендаторы короны, так же как мелкие фермеры и крестьяне - как арендаторы *in capite*. Поэтому после смерти землевладельцев корона осуществляла определенные права и требовала определенные пошлины, которые взимались с поместий, а королевские чиновники удерживали их до тех пор, пока права государя на будущего наследника не были удовлетворены. Для обеспечения

этого в каждом графстве назначался чиновник, известный как эскейтор, в обязанности которого входило после смерти любого землевладельца, в ответ на предписание короля, созывать присяжных, обязанных под присягой исследовать и засвидетельствовать объем и стоимость земли, принадлежавшей умершему. Запись их вердикта под присягой известна как *Inquisitio post mortem*.

Эти отчеты, поступившие в Канцелярский суд короля, даже в том виде, в каком они существуют сейчас, - многие из них были утеряны или исчезли иным образом, - свидетельствуют о значительном увеличении их числа в 1349 году. Среднее число этих инквизиций за два года - 1346 и 1347 - составляет менее 120; в 1348 году их было уже 130, а в 1349 году все еще существует 311 таких записей. О том, что их количество было значительно [p100] больше, свидетельствует запись о предписаниях различным эсквайрам в "Originalia Roll" за 1349 год. Из этого источника можно сделать вывод, что число ордеров, выданных королем после получения информации о смерти землевладельцев, составило 619. Иногда несколько таких предписаний одновременно направлялись эсквайру для расследования многих случаев смерти в одном и том же месте[171].

Эти записи свидетельствуют о количестве землевладельцев, уничтоженных эпидемией, но их особая ценность заключается в том, что они дают представление о состоянии различных поместий и владений, изученных на предмет их стоимости после того, как чума утихла. Мелкие арендаторы, платившие ренту или выполнявшие земельные работы, конечно, были главным элементом стоимости поместья, и особенно там, где земля была общей, как это обычно бывало, пустые фермы и коттеджи означали пропорциональное уменьшение годовой стоимости.

Приведем несколько примеров свидетельств эпидемии в этом районе. В поместье Сладен в Бакингемшире, недалеко от Беркхемпстеда, присяжные в начале августа 1349 года под присягой заявили, что мельница не представляет никакой ценности, поскольку мельник умер, а арендаторов не осталось, чтобы не нуждаться в кукурузной земле, "из-за смертности". До сих пор рента, получаемая от свободных арендаторов, местных жителей и дачников, составляла 12 фунтов стерлингов в год, теперь же объявлено, что арендаторов нет вовсе, а земля лежит необработанной и бесполезной. Во всем поместье один маленький коттедж с полоской земли, принадлежащий некоему Джону Робинсу на правах служебной ренты стоимостью семь шиллингов в год, был, по-видимому, всем, что считалось хоть сколько-нибудь стоящим. В другом месте того же поместья все арендаторы и коттеджи, кроме одного, были мертвы, а в третьем не осталось в живых ни одного[172].

[p101] В Бедфордшире к концу мая 1349 года рассказывают ту же историю. Суконная мельница в поместье Сторингтон, как говорят, простаивает и ничего не стоит, и причина в том, что "она стоит пустая из-за смертности от чумы, и нет никого, кто хотел бы использовать ее или сдать в аренду по той же причине". Земля также описывается как лежащая без обработки, а лес не может быть продан, потому что некому купить[173].

В Беркшире в июле 1349 года в поместье, принадлежащем семье Хьюзи, рента и услуги уроженцев земли, "ныне умерших", которые раньше стоили тридцать два шиллинга в год, объявляются вообще не имеющими никакой ценности, поскольку, как говорит инквизиция, "нет желающих купить или нанять землю указанных умерших арендаторов", а поскольку земля была общей, она не могла быть обработана и, следовательно, была бесполезной.[174] Точно так же в поместье Крокхэм, принадлежавшем Екатерине, жене графа Солсбери, еще 23 апреля этого года свободные арендаторы и другие держатели, платившие ежегодно 13 фунтов стерлингов, все умерли, и не нашлось ни одного арендатора, который бы занял их

земли.[175] В других местах нет ни судебных пошлин, ни услуг, ни мельниц, потому что все на земле умерли; дома и ренты тоже в руках, а арендная плата везде либо снижена, либо вообще отсутствует, потому что некоторые или все, кто владел землями и коттеджами, были сметены[176].

В документах по графству Букингем указано, что в 1349 году[177] было произведено восемьдесят три назначения на свободные жилые помещения. Это чуть меньше половины общего числа бенефиций в графстве, которое, судя по всему, составляло 180. Судя по датированным назначениям, [p102] кажется вероятным, что болезнь была наиболее сильной в графстве в месяцы с мая по сентябрь 1349 года[178].

По другую сторону от Лондона Кентерберийская и Рочестерская епархии разделили между собой графство Кент. Архиепископ обладал юрисдикцией над юго-восточной частью с длинной линией побережья, протянувшейся от Медузы до границ Сассекса. Епархия Рочестера включала в себя западную часть Кента, расположенную на южном берегу Темзы от Лондона до Шернесса. Кентерберийская епархия во многих отношениях была особенно подвержена риску заражения. В ней находились Дувр и Сэндвич, два главных пункта сообщения с портами Франции, а через город Кентербери проходила главная линия дороги между побережьем и Лондоном.

Трижды в течение нескольких месяцев архиепископский престол лишался своего правителя в результате смерти; по крайней мере, один из них, а скорее всего, два, умер от преобладающей болезни. Реестр настоятеля и монастыря Крайстчерча (Кентербери), который велся в период вакансий, показывает, что учреждения для проживания в епархии следовали одно за другим в быстрой последовательности, и что смерть должна была произойти в значительной части благотворительных учреждений этой части Англии.[179] "В год Господа нашего, 1348, сразу после Рождества Христова, - пишет Стивен Бирчингтон в своей истории архиепископов Кентерберийских, - пришла общая смерть всех людей; и она продолжалась непрерывно до конца месяца мая, в 1349 году. От этого мора в живых осталась едва ли третья часть человечества. Тогда же возникла такая нехватка и недостаток священников, что [p103] приходские церкви почти не обслуживались, а бенефицианты, опасаясь смерти, оставили попечение о бенефициях, не зная, куда себя деть"[180].

В самом Кентербери есть некоторые свидетельства эпидемии. Настоятель монастыря Святого Августина умер от болезни в Авиньоне; но о том, что происходило в самом монастыре, сведений не сохранилось, хотя тот факт, что аббат Томас просил и получил от папы Климента VI послабления "по причине дефектов рождения" для шести монахов, которых он хотел рукоположить в это время, делает более чем вероятным, что мор унес многих членов общины, чьи места необходимо было заполнить.

В Крайстчерче в то время умерло только четверо из общины, и эту сравнительную неувязимость приписывают прекрасному водоснабжению монастыря, полученному за столетие до этого с холмов.[181] Однако позже летом, когда новый аббат Сент-Олбанса отдыхал в Кентербери, направляясь к Папе в Авиньон, один из двух сопровождавших его спутников умер там от болезни.[182] В городе также два мастера были назначены в госпиталь Истбриджа, один быстро за другим. Умерли настоятельница монастыря Святого Гроба Господня и настоятельница монастыря Святого Григория; но мы можем только подозревать, что происходило в общинах в это тревожное время и среди людей в целом. В Сэндвиче в июне 1349 года все еще свирепствовала чума. Старое кладбище было переполнено, и суффраганскому епископу было поручено отправиться туда и освятить новый участок земли, предоставленный для этой цели графом Хантингдоном[183].

Здесь можно привести один пример того, с какой быстротой во время великой болезни члены семьи [p104] следовали друг за другом в могилу. Сэр Томас Ден из Оспринга, расположенного в трех милях от Фавершема, в северной части епархии Рочестера, умер 18 мая 1349 года. На момент смерти у него было четыре дочери - Бенедикта, пяти лет, Маргарет, четырех лет, и Марта и Джоан, еще младше. К 8 июля Марта, жена сэра Томаса, тоже умерла, а из допроса, проведенного в понедельник, 3 августа 1349 года, следует, что двое младших детей тоже умерли. Таким образом, из семьи, состоящей из шести человек, болезнь унесла отца, мать и двоих детей[184].

В этой второй половине графства Кент, которая образует епархию Рочестера, болезнь ощущалась так же сильно, как и в Кентерберийской епархии. О том, что здесь произошло, рассказывает Уильям Дене, монах из Рочестера и современник описываемых им событий. "Чума, о которой никогда прежде не было слышно, - пишет он, - опустошила Англию в этом году. Епископ Рочестера из своего небольшого семейства потерял четырех священников, пять джентльменов, десять человек прислуги, семь молодых клерков и шесть пажей, так что не осталось ни одной души, которая могла бы служить ему на какой-либо должности. В Маллинге (бенедиктинском женском монастыре) он благословил двух настоятельниц, но обе быстро умерли, и там остались только четыре исповедующиеся монахини и четыре послушницы. Одной из них епископ поручил управление мирскими, другой - духовными, потому что не нашлось подходящей кандидатуры для настоятельницы".

"Все это время, - пишет писатель в другом месте, - епископ Рочестерский оставался в Халлинге[185] и Троттерсклифе[186] и через определенные промежутки времени давал ордена в обоих местах. Увы, к нашему несчастью, эта смертность унесла такое огромное количество представителей обоих полов, что не нашлось никого, кто бы отнес трупы в могилу. Мужчины и женщины несли своих отпрысков на плечах к церкви [p105] и бросали их в общую яму. От них исходило такое сильное зловоние, что почти никто не осмеливался пересекать кладбища".

Летописец в самых ясных выражениях обращает внимание на факт, упомянутый Бирчингтоном Кентерберийским и затронутый епископом Бата и Уэллса (стр. 81), а именно на то, что страх перед заразой мешал даже священнослужителям выполнять свои обязанности. Это, пожалуй, единственные случаи в Англии, которые напоминают тот ужасный и неконтролируемый страх, который в Италии привел к отказу от всех принципов".

И снова он говорит: "Во время этого моровой язвы многие капелланы и платные клирики отказывались служить, разве что за чрезмерное жалованье. Епископ Рочестерский в мандате, адресованном архидиакону Рочестера 27 июня 1349 года, приказывает всем им под страхом отстранения от службы служить в таких случаях";[187] "а некоторые священники и клирики отказываются от мест, ныне вакантных по закону и факту, - пишет епископ, - потому что их худо-бедно обеспечивают; А некоторые, имея бедные жилые помещения, которые они давно получили, теперь не желают их сохранять, потому что их жалованье, из-за смерти прихожан, так известно, уменьшилось, что они не могут получать средства к существованию и нести бремя своего лечения. Поэтому случалось, что приходы долгое время оставались необслуживаемыми, а прикрепленные к ним кюре были заброшены к большой опасности для душ. Мы, желая исправить это как можно скорее, настоящими письмами разрешаем и предоставляем специальное разрешение всем настоятелям и викариям нашего города и епархии, учрежденным или в будущем учреждаемым в таких небольших благотворительных учреждениях, которые не приносят истинного дохода в десять марок стерлингов в год, получать во время их бедности юбилейную мессу или такое количество месс, которое может довести их жалованье до этой годовой суммы." [188] [p106]

Затем, отметив, что архиепископ Кентерберийский Томас Брэдвардин умер во дворце епископа Рочестерского в Лондоне, Уильям Дене продолжает: "В те времена был столь велик недостаток в рабочих и служащих всех мастей, что более трети земли во всем королевстве оставалось невозделанной. Рабочие и мастеровые были проникнуты таким духом бунтарства, что ни король, ни закон, ни правосудие не могли их обуздать. Весь народ в большей своей части стал еще более развращенным, еще более склонным ко всяким порокам и еще более, чем прежде, склоненным к злу и нечестию, не думая ни о смерти, ни о прошедшей чуме, ни о собственном спасении. . . . А священники, мало считаясь с жертвой сокрушенного духа, устремлялись туда, где они могли получать большее жалованье, чем в своих собственных благотворительных учреждениях. По этой причине многие бенефиции оставались необслуживаемыми, чьи владельцы не хотели останавливаться на правиле своего ординария. Таким образом, день ото дня умножались душевные опасности как среди духовенства, так и среди людей".

"Всю ту зиму и весну епископ Рочестерский, старый и дряхлый человек, оставался в Троттерсклифе, печалась и скорбя о внезапной перемене эпохи. В каждом поместье епископства рушились здания и стены, и в тот год не было ни одного поместья, которое принесло бы хоть сто фунтов. В монастыре Рочестера также был такой дефицит провизии, что община испытывала большую нужду в еде; настолько, что монахи были вынуждены сами молоть себе хлеб". Однако настоятель, добавляет автор, всегда жил в достатке. Уильям Дене также рассказывает о многом, что будет рассмотрено при изучении результатов великого моровой язвы. Здесь же можно отметить, что он говорит о посещении "епископом аббатства Маллинг и монастыря Леснес", когда он нашел их настолько бедными, "что, как полагают, от нынешнего века до Судного дня они никогда не смогут оправиться". Более того, он отмечает, что Симон Айсlep в день своей интронизации [p107] в качестве архиепископа Кентерберийского не стал отмечать праздник, как это было принято, с большим размахом, но, чтобы избежать всех расходов, провел его просто с монахами в их трапезной в Крайстчерче[189].

К этому рассказу о состоянии епархии Рочестера, написанному в то время, необходимо лишь добавить, что число бенефиций в этой части Кента составляло около 230, что послужит некоторым указанием на количество духовенства, унесенного преобладающей болезнью.

Винчестерская епархия включает в себя два графства - Суррей и Хэмпшир, а также остров Уайт. 24 октября 1348 года епископ Эдиндон, занимавший этот престол, обратился к своему духовенству с письмом, предписывающим молиться.[190] На нем лежит печать ужаса, охватившего все умы из-за дошедших до нас сообщений о том, что происходило в других странах. "Уильям, Божественным провидением епископ, - пишет он, - настоятелю и главе нашей Винчестерской церкви, здоровья, благодати и благословения". Голос в Рае был услышан; много плача и рыданий раздалось по разным странам земного шара. Народы, лишенные своих детей в пучине неслыханной чумы, отказываются утешиться, потому что, как ни страшно об этом слышать, города, поселки, замки и деревни, украшенные благородными и красивыми зданиями и привыкшие до сих пор радоваться прославленному народу, его мудрости и советам, его силе, красоте его матрон и девственниц; где также изобиловала всякая радость, и куда издали стекались толпы людей за помощью; все это уже лишилось своего населения из-за бедствий упомянутой моровой язвы, более жестокой, чем любой обоюдоострый меч. И в эти места теперь никто не смеет войти, но бегут от них, как от нор диких зверей. Всякая радость в них прекратилась; приятные [p108] звуки затихли, и всякая нота радости изгнана. Они стали обителью ужаса и пустыней; плодородные места без земледельцев, унесенные таким образом, превратились в пустыни и были оставлены в

бесплодие. И, что самое серьезное, о чем мы сообщаем с глубочайшей тревогой, эта жестокая чума, как мы слышали, уже начала необычайно сильно поражать различные побережья королевства Англия. Мы поражены величайшим страхом, чтобы, не дай Бог, падшая болезнь не опустошила какую-нибудь часть нашего города и епархии. И хотя Бог, дабы доказать наше терпение и справедливо наказать за грехи, нередко подвергает нас болезням, не в силах человека судить о Божественных замыслах. Тем не менее, следует опасаться, что чувственность человека, которая, распространяясь по склонности древнего греха Адама, с юности склоняет всех ко злу, теперь впала в еще большую злобу и справедливо провоцирует Божественный гнев множеством грехов на это наказание.

"Но поскольку Бог любящий и милосердный, терпеливый и превыше всего ненавидящий, мы искренне просим, чтобы вашей преданностью Он отвратил от нас бич, который мы так справедливо заслужили, если мы сейчас смиренно обратимся к Нему всем сердцем. Мы увещеваем вас в Господе и в силу послушания строго предписываем вам являться пред лицо Божие с раскаянием и исповеданием всех ваших грехов, с последующим должным удовлетворением посредством действенных дел спасительного покаяния. Мы приказываем также, чтобы каждое воскресенье и среду все вы, собравшись вместе в хоре вашего монастыря, произносили семь покаянных псалмов и пятнадцать постепенных псалмов, стоя на коленях, смиренно и благочестиво. Также в каждую пятницу, вместе с этими псалмами, мы предписываем вам петь длинную литанию, установленную святыми отцами против язв такого рода, через рыночную площадь нашего города Винчестера, идя в процессии, вместе с духовенством и жителями упомянутого города. Мы желаем, чтобы все были призваны к этим торжественным процессиям и побуждены к другим благочестивым упражнениям, а [p109] предписано следовать за этими процессиями таким образом, чтобы во время их хода они шли со склоненными головами, с босыми ногами и постом; при этом с благочестивым сердцем они повторяли свои молитвы и, отбросив суетные разговоры, как можно чаще произносили молитву "Отче наш" и "Аве Мария". Также пусть они пребывают в искренней молитве до конца мессы, которую по окончании процессии мы желаем, чтобы вы отслужили в вашей церкви". В заключение епископ дарует индульгенции тем, кто приступит к Таинству исповеди и будет в этих публичных молитвах молиться о том, чтобы Бог "остановил тяжесть чумы"[191].

В тот же день, 24 октября 1348 года, епископ Эдиндон издает другие предписания своему духовенству в целом и архидиакону Суррея в частности. Он поручает им проследить за тем, чтобы, ввиду приближающейся страшной чумы, всех увещевали чаще посещать Таинство покаяния и присоединяться к публичным молитвам и процессиям, которые должны совершаться с босыми ногами в городах на рыночных площадях, а в деревнях - на кладбищах вокруг церквей.

17 ноября, при приближении эпидемии, епископ дал разрешение на отпущение грехов во всех особо оговоренных случаях, напоминая своему народу "одобренное учение святых отцов, что болезнь и преждевременная смерть часто происходят от греха; и что исцелением душ этот вид болезни, как известно, прекращается". Чтобы уберечься от возможной опасности того, что монахини останутся после смерти своих капелланов без исповедников, он в то же время послал каждой настоятельнице и настоятелю религиозных женщин в своей епархии разрешение назначить двух или трех подходящих священников, которым он давал полномочия выслушивать исповеди монахинь[192].

Перед Рождеством болезнь уже охватила епархию, хотя все только начиналось. 19 января 1349 года епископ Эдиндон написал своему чиновнику, что у него есть хорошие новости - новости, которые он получил с радостью, - что "святейший отец во Христе, наш господин

Верховный понтифик, в ответ на прошение его самого и его подданных, в связи с надвигающейся большой смертностью, даровал всем людям епархии, религиозным и светским, церковным и мирянам, которые должны исповедовать свои грехи с искренним покаянием любому священнику, которого они могут выбрать, - пленарную индульгенцию в час смерти, если они уйдут из жизни в истинной вере, в единстве со святой Римской Церковью, в послушании и преданности нашему господину Верховному Понтифику и его преемникам римским епископам." Епископ распорядился, чтобы об этой привилегии было сообщено всем как можно скорее[193].

В Винчестере, как и в других местах, вскоре возникли трудности с погребением умерших, которых унесла моровая язва. К январю в городе освободилось множество приходов, и, несомненно, ежедневный список смертей становился все более тревожным. Духовенство по многим причинам стремилось ограничить погребения освященными кладбищами, но часть горожан явно решила, что в такой чрезвычайной ситуации, как нынешняя, обычные правила и законы должны быть отменены. Для того чтобы, видимо, лучше провести в жизнь свои взгляды, они набросились на монаха монастыря Святого Свитхуна, который проводил похороны в обычном месте, и тяжело ранили его. Епископ серьезно отнесся к этому проступку. 21 января 1349 года он направил приказ настоятелю Винчестера и аббату Хайда, предписывающий читать проповеди о католическом учении о воскресении плоти и объявить отлучение [p111] тем, кто наложил руки на брата Ральфа де Стонтонна, монаха Винчестера. "Католическая церковь, распространенная по всему миру, - говорит он, - верит в воскресение тел умерших. Они были освящены принятием таинств, и поэтому их хоронят не в обычных местах, а на специально отгороженных и освященных кладбищах или в церквях, где они с должным благоговением хранятся, подобно мощам святых, до дня воскресения". Винчестер, продолжает он, должен служить примером для всей епархии, и прежде других мест должен отражать яркость католической веры. Однако некоторые люди там, не граждане, слава Богу, и даже не уроженцы города (которые, как правило, выделяются своей честной жизнью и преданностью Вере), но чужаки низкого сословия и вырождающиеся сыны Церкви, недавно напали на брата Ральфа де Стонтонна, когда он хоронил в установленном месте, и, узнав по его привычке и постригу, что он монах, избили его и не позволили ему продолжать хоронить мертвых среди тех, кто там ожидает воскресения. Полагая, таким образом, что может произойти беда в отношении истинной католической веры в воскресение мертвых, он приказывает проповедовать это учение в церквях Винчестера. Из всего этого совершенно очевидно, что кризис вывел на поверхность, как и ранее в Италии, отрицание первых принципов католической веры.

Епископ Эдиндон далее добавляет, что, поскольку "в это время" множество умирающих верующих больше, чем когда-либо прежде, необходимо принять меры, "чтобы жители различных приходов имели возможность быстрого погребения", и что старые кладбища должны быть расширены, а новые - открыты[194].

Однако на этом трудности не закончились. 13 февраля 1349 года король направил письма аббату Хайда, Джону де Хэмптону, Роберту де Попхэму, [p112] и Уильяму де Файфхайду,[195] приказав им выслушать и принять решение по жалобе преподобного отца Уильяма де Эдиндона, епископа Винчестерского, относительно разрушения стен и других границ ограды, на которой ранее стояло аббатство Хайд, примыкающей к кладбищу соборной церкви св. Swithun's, Винчестер, которое было пожаловано приору королем Генрихом I, после удаления аббатства. Из документа следует, что "мэр, бейлифы и горожане вступили на узурпированную часть указанной земли и использовали ее для проведения рынка дважды в неделю и ярмарки дважды в год". Тем самым "тела умерших были незаконно потревожены,

поскольку из-за большой смертности и моровой язвы в последнее время, а также из-за малочисленности приходских мест погребения, епископ, исполняя свои обязанности, освятил указанную землю, и на ней было совершено множество погребений". Комиссарам, или двум или трем из них, предписывается осмотреть указанную территорию, кладбища и закрытые помещения, "назначить присяжных, изучить доказательства и в целом рассмотреть дело"[196].

Если принять даты учреждений для проживания в графстве Хэмпшир[197] в качестве некоторого указания на период [p113], когда смертельные случаи были наиболее частыми, то окажется, что разгар чумы пришелся на февраль, март и апрель 1349 года. В одном из месяцев, мае, количество заполненных бенефиций более чем в два раза превышало среднее значение за все двенадцать месяцев любого из трех предыдущих лет.

В графстве Суррей самыми неблагоприятными месяцами были март, апрель и май; в последнем из названных месяцев число священнослужителей, поставленных на вакантные места, вдвое превышало среднее значение за предыдущий год[198].

Некоторые районы пострадали больше, чем другие. Так, в деканате Бейзингстоук на севере Хэмпшира в то или иное время, и в основном в марте, большая часть благочиний оказывалась вакантной. В западной части графства несколько учреждений были созданы в феврале, а значительное число - в марте. Приорство Айвичерч в Уилтшире, где настоятель умер 2 февраля, а все остальные члены общины, кроме одного, быстро последовали за ним в могилу, расположено недалеко от границ Хэмпшира, и 7 февраля было сделано учреждение для живущих неподалеку. Одной из самых ранних вакансий стало викариатство Фордингбридж, также недалеко от Уилтшира, назначение на которое было произведено 21 декабря 1348 года. Всего два дня спустя в Саутгемптоне, по-видимому, впервые началась чума. Южное побережье графства в районе Портсмута и острова Хейлинг пострадало в основном в апреле и марте, а в последнем месяце были зарегистрированы многочисленные случаи заражения на острове [p114] Уайт и в стране между Саутдауном и морем. 14 января 1349 года епископ Эдиндон назначил в Вандсворт нового викария, "потому что в наши пастырские обязанности входит, - говорит он, - опекать церкви и обеспечивать их нужды и потребности, особенно в то время, как нынешняя смертность среди людей продолжает свирепствовать"[199].

Мистер Ф. Дж. Бейджент, который в течение многих лет занимался изучением епископских регистров и других документов Винчестерской епархии, рассказывая о последствиях этой великой эпидемии, говорит: "У нас нет возможности выяснить, насколько велики были разрушения в религиозных домах этой епархии. ...но в госпитале Сандауна, в Суррее, не осталось ни одного выжившего, а из других религиозных домов епархии (которая состоит всего из двух графств) погибло не менее 28 настоятелей, аббатов, аббатис и приоров".

В Сассексе, соседнем с Хэмпширом графстве, которое граничит с епархией Чичестера, из-за утраты епископских реестров трудно с уверенностью говорить о количестве духовенства, уничтоженного мором, или о его влиянии на религиозные дома. Однако несомненно, что здесь болезнь была не менее свирепой, чем в других местах, о которых имеются точные сведения.

В Уинчелси король в год эпидемии чумы, 1349, пожаловал Джону де Скарлу, пастору, поместье к востоку от кладбища церкви, которое ранее принадлежало Матильде Ликотин, умершей, не оставив наследников. "Из преданности святому Фоме" король отдает этот дом церкви в качестве приходского дома на вечные времена.[200] То, что город сильно пострадал, ясно из того, что в этом 1349 году "девятьюстами четыре места в указанном городе

лежат совершенно пустынными и необитаемыми." [201] [p115] И здесь, и в Рае судебные приставы утверждают, что в 1354 году они не получили 8 фунтов 1 шиллингов из 11 фунтов 17 шиллингов. 5d., причитающихся им за налоги на эти города, потому что там разрушено и стоит безлюдно так много домов" [202].

Кстати, известно, что Джон де Уоринг, аббат Боксгроув, умер за некоторое время до 20 мая, в этот день монахи должны были избрать другого настоятеля. Также из случайной записи в регистрах Эли следует, что 25 июля 1349 года в Уоддоне, в Кембриджшире, был назначен новый викарий по представлению четвертого настоятеля монастыря Льюс, которому была передана эта обитель. Объясняется, что причиной представления четвертого настоятеля было то, что "настоятель, субприор и третий настоятель были мертвы" [203]. Наконец, через год или два после того, как эпидемия прошла, даже аббатство Бэтл, как говорят, находится в большом затруднении и "во многих отношениях обветшало" (*multipliciter dilapidatur*), о чем король приказывает провести расследование [204].

ССЫЛКИ:

[154] *Eulogium Historiarum* (Rolls series), iii, p. 213.

[155] *Annales de Bermundeseia in Annales Monastici* (Rolls series), iii, p. 475.

[156] *De gestis Edwardi III* (Rolls series), p. 406.

[157] Rymer, *Fœdera*, v, p. 655.

[158] *Survey of London* (ed. Strype), ii, p. 13.

[159] Д-р Крейтон, *История эпидемий в Британии*, стр. 128, цитирует Рикмана, *Резюме демографических деклараций 1831 года*, как оценивающего общее количество смертей в Лондоне в 100 000, и считает даже 50 000 совершенно невозможным. На самом деле, он склонен думать, что в 1349 году население Лондона "вероятно, было недалеко от" 44 770 человек.

[160] Brooke Lambert, *London*, i, p. 241.

[161] Д-р Крейтон (*ut sup.*, p. 129) упоминает, что "в хартии о создании Компании катлеров, выданной в 1344 году, восемь человек названы надзирателями, и в примечании говорится, что все они умерли через пять лет после этого, то есть в год Черной смерти, 1349, хотя их смерть не объясняется чумой. Кроме того, в уставе Компании шляпников, который был составлен всего за год до начала чумы (13 декабря 1347 года), в качестве надзирателей названы шесть человек, и все они, согласно тогдашней записке, умерли до 7 июля 1350 года, причем причина смертности снова не упоминается, вероятно, потому, что она была хорошо известна жившим тогда людям. Известно также, что четыре надзирателя Компании Голдсмитов умерли в год Черной смерти".

[162] *Calendar of Wills in the Court of Hustings, London*, ed. R. R. Sharpe, i, p. xxvii.

[163] Ниже приводится таблица с цифрами: -

Янв.	фев.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.
18	42	41	0	121	31	51

[164] Rymer, *Fœdera*, v, p. 658.

[165] B. Mus. Cotton MS. Vitell. E. xiv, f. 129b.

[166] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 25 Ed. III., m. 26.

[167] *Gesta Abbatum S. Albani* (Rolls series), ii, p. 369.

[168] *Ibid.*, p. 381.

[169] Ниже приводится таблица учреждений, приведенных в "Хартфордшире" Клаттербака:.

Июнь.	июль.	авг.	Sept.	окт.	ноябрь.	Дек.
6	8	4	4	0	2	1

[170] *Six Centuries of Work and Wages*, i, p. 225.

[171] Таким образом, около восьми стоящих в списке вместе руководили расследованиями смертей различных землевладельцев в Хорнсибертоне, в Холдернессе. R. O., *Originalia Roll*, 23 Ed. III., m. 17.

[172] R. O., *Chancery Inq. post mortem*, 23 Ed. III., No. 85.

[173] *Ibid.*, No. 75.

[174] *Ibid.*, No. 77.

[175] *Ibid.* (вторые номера), № 58.

[176] Ср. четыре инквизиции в этой стране: *Escheator's Inq. post mortem*, file 103.

[177] См. *Lipscombe's History of Buckinghamshire*.

[178] Ниже приводится таблица датированных учреждений:.

Май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.	ноябрь.
3	10	23	11	13	3	3

[179] *Hist. MSS. Comm., Eighth Report*, p. 336.

[180] Wharton, *Anglia Sacra*, i, p. 42.

[181] J. E. Thorold Rogers, *Six Centuries of Work and Wages*, i, p. 221.

[182] *Gesta Abbatum* (серия Rolls).

[183] *Hist. MSS. Comm., Eighth Report*, p. 336. Копия этого поручения, сделанная Бэттли, находится в B. Mus. Add. MS., 22, 665, fol. 183.

[184] *Escheator's Inq. p.m.*, 23 Edw. III., Kent.

[185] Примерно в шести милях от Рочестера.

[186] Девять миль от Мейдстона.

[187] Wharton, *Anglia Sacra*, i, pp. 375-6. Это выдержка из рассказа Дене в Рочестерском картотеке, B. Mus. Cotton MS., Faust. B. v, ff. 96 и далее. Ср. также Vitell. E. xiv, ff. 375 et seqq.

[188] B. Mus. Faust. B., v, f. 98.

[189] *Ibid.*, fol. 99.

[190] За использование его расшифровок епископского реестра, а также за помощь во всем, что касается Винчестерской епархии, я обязан любезности Ф. Дж. Бейджента, эсквайра, из Винчестера.

[191] Reg. Edyndon, ii, fol. 17.

[192] *Ibid.*, ff. 17b-18.

[193] *Ibid.*, fol. 19. Индальгенция должна была продлиться до Пасхи, но впоследствии срок был продлен до праздника святого Михаила. Об этом продлении было сообщено из Авиньона письмом от 28 апреля 1349 года; здесь же Папа разрешил продление в устной форме. 25 мая епископ Эдиндон разослал объявление о продлении и приказал немедленно огласить его.

[194] Reg. Edyndon, i, fol. 19b.

[195] Любые сомнения относительно моровой язвы, к которой относится это письмо, устраняются датами смерти двух последних названных лиц. Джон де Хэмптон умер 4 августа 1356 года, а Уильям Файфхайд - 18 мая 1361 года.

[196] Архив Винчестерского собора, Книга ii, № 80. В книге i, № 120, находится "Образец записи и разбирательства епископа Винчестерского против мэра и других относительно пределов и границ церковного двора, где когда-то стояло аббатство Хайд, называемого кладбищем Святого Петра", Anno 23 Ed. III. (1349).

[197] Следующая таблица дает сведения об учреждениях в Хантсе:.

1349.

Янв.	Feb.	Март.	Апрель.	Май.
5	8	12	12	23

Июнь.	Июль.	авг.	сент.
6	7	2	5

[198] Таблица учреждений для Суррея:.

1348. 1349.

Дек.	янв.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.
7	12	19	33	46	29

Июнь.	Июль.	авг.	сент.
24	18	11	12

[199] Reg. Edyndon, i, fol. 38.

[200] R. O., Originalia Roll, 23 Ed. III., m. 37.

[201] Pipe Roll, 23 Ed. III., m. 23.

[202] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 28 Ed. III.

[203] B. Mus. Cole MS., 5,824, p. 78 (из Reg. Lisle, fol. 24).

[204] Rot. Pat. 27 Ed. III., pars. 1, m. 4.

ТОС [p116]

ГЛАВА VII. ЭПИДЕМИЯ В ГЛОСТЕРЕ, ВОРЧЕСТЕРЕ, УОРВИКЕ И ОКСФОРДЕ.

В двух последних главах был дан отчет о великой чуме 1349 года в южной части Англии. Здесь же следует несколько менее подробно рассказать о ее опустошительных последствиях в Глостере, Оксфордшире и Мидлендсе. Однако прежде всего здесь следует привести общий рассказ, приведенный в хронике Гальфрида ле Бейкера, который, судя по всему, был уроженцем этого района.

Во всех этих повествованиях, конечно, много повторений. Но именно это абсолютное совпадение, вплоть до использования одних и тех же терминов, у писателей из разных стран или даже из одной страны, которые не могли общаться друг с другом, заставляет задуматься о буквальной реальности утверждений, которые, если читать каждое в отдельности, неизбежно кажутся грубым и невероятным преувеличением. В Бристоле, пишет Ле Бейкер, так свирепствовала болезнь, что жители Глостера отказывали бристольтцам в доступе в свой город, считая, что дыхание умирающих заразительно для живых. Но в конце концов и Глостер, и Оксфорд, и Лондон, и, наконец, вся Англия подверглись столь жестокому нападению, что едва ли десятая часть представителей обоих полов осталась в живых. Кладбищ не хватало, и в качестве мест для захоронения умерших были выбраны поля. Епископ Лондонский купил в Лондоне участок, называемый "Ничейная земля", а сэр Уолтер де Манни - "Новая церковь" (где он основал религиозный дом) для захоронения мертвых. Дела в королевской скамье и в суде общей юрисдикции неизбежно прекращались. Умерло несколько дворян, среди которых был сэр Джон Монтгомери, [p117] капитан Кале и лорд Клистеля (?) в Кале, [205] и они были похоронены у монахов Пресвятой Марии Кармельской в Лондоне. Скончалось бесчисленное множество простых людей и множество религиозных и других священнослужителей. Смерть особенно поражала молодых и сильных и обычно не щадила старых и слабых. Почти никто не осмеливался вступать в контакт с больным человеком; здоровые бежали, оставляя вещи умерших, словно зараженные. Опухоли, внезапно появившиеся в разных частях тела, мучили больных. Они были настолько твердыми и сухими, что при разрезании из них почти не выходило жидкого вещества. От этой формы чумы многие, благодаря разрезанию, после долгих страданий выздоравливали. У других же по всей коже тела распространялись мелкие черные пустулы, от которых лишь немногие, да и то почти никто, возвращались к жизни и силе.

"Этот ужасный мор, начавшийся в Бристоле на праздник Успения Пресвятой Богородицы, а в Лондоне - на праздник святого Михаила, свирепствовал в Англии целый год и более, настолько жестоко, что полностью опустошил многие деревушки от каждого представителя человеческого рода. . . . В следующем году она опустошила Уэльс, а также Англию, а затем, перейдя в Ирландию, убила там английских жителей в огромном количестве, но чистокровных ирландцев, живущих в горах и высоких землях, она почти не тронула до 1357 года н.э., когда неожиданно уничтожила их повсюду" [206].

Упоминание Ле Бейкером Уэльса и Ирландии предполагает краткое изложение того, что известно об опустошительных действиях моровой язвы в этих двух странах. Об Уэльсе почти

ничего не известно наверняка, хотя те немногие сведения, которыми мы располагаем, позволяют с уверенностью утверждать, что заявление Ле Бейкера о том, что мор "опустошил" страну, [p118] не преувеличено. В апреле 1350 года Томас де Клоптон, которому земли покойного графа Пемброка, Лоуренса де Гастингса, были переданы в аренду на время несовершеннолетия наследника, обратился к королю с просьбой уменьшить сумму на 140 фунтов стерлингов из 340, которые он должен был выплатить. Имущество находилось в основном в графстве Пемброк, и проситель утверждал, что "по причине смертельного мора, который в последнее время свирепствовал в тех краях, обычная стоимость" земли не может быть сохранена. По результатам расследования было установлено, что это утверждение соответствует действительности, и 60 фунтов стерлингов задолженности были возвращены, а также 40 фунтов стерлингов в год сняты с арендной платы.[207] Никаких учреждений ни по одному из четырех валлийских диоцезов не представлено; но если предположить, что половина духовенства в княжестве была унесена болезнью, то при том, что в Уэльсе насчитывается около 788 благотворительных организаций, общая смертность среди духовенства составила бы около 400 человек.

Что касается религиозных домов в Уэльсе, то о последствиях моровой язвы известно немного. Приору Абергавенни, чужеземному приору, находившемуся в то время в руках короля, была прощена рента, причитавшаяся королевской казне, поскольку настоятель не смог в это время получить плату за свои земли.[208] А семь с половиной лет спустя малочисленность некоторых довольно крупных религиозных домов вызывает подозрение, что они, как и многие английские монастыри в это время, не восстановили свою обычную силу после понесенных потерь. Так, в цистерцианском аббатстве Уитланд в Кармартене в 1377 году была только община, состоящая из настоятеля и шести монахов; в августинском приорстве в Кармартене было всего пять человек, кроме настоятеля; в премонстратском аббатстве Таллах - только настоятель и пять каноников, а настоятель Кидвелли, кельи Шерборнского аббатства в Дорсете, не имел при себе даже социуса[209].

Некоторое представление о том, что происходило в Ирландии, можно [p119] почерпнуть из воспоминаний монаха Джона Клайна, минорита из Килкенни, который сам, очевидно, погиб во время эпидемии. "Также в этом году (*то есть* в 1349), - пишет он[210], - и особенно в сентябре и октябре, епископы, прелаты, церковники, религиозные, дворяне и прочие, а также все представители обоих полов в целом, пришли из всех частей Ирландии группами и в большом количестве для паломничества и прохождения воды Тот-Молингис. Настолько, что во многие дни можно было увидеть тысячи людей, стекающихся туда, некоторые из набожности, другие (и большинство) из страха перед мором, который тогда был очень распространен. Впервые она началась в окрестностях Дублина, в Хауте[211] и в Дрогеде. Эти города - Дублин и Дрогеда - она почти уничтожила и опустошила от жителей, так что с начала августа до Рождества Господа нашего только в Дублине умерло 14 000 человек".

Рассказав о начале чумы и ее опустошениях в Авиньоне, автор продолжает: "С начала всех времен не было слышно, чтобы столько людей умерло за одинаковое время от моровой язвы, голода или какой-либо болезни в мире; землетрясения, которые ощущались на большом расстоянии, разрушали и поглощали города, поселки и замки. Чума также почти унесла всех жителей из городов, поселков и замков, так что там не осталось ни одной живой души. Чума была настолько заразной, что те, кто прикасался к мертвым или болел ею, сразу же заражались и умирали, а кающегося и исповедника вместе уносили в могилу. От страха и ужаса люди едва осмеливались совершать дела благочестия и милосердия, то есть посещать больных и хоронить мертвых. Ибо многие умирали от нарывов и гнойников,

появлявшихся на [p120] бедрах и под мышками; другие умирали от болезней головы и, как бы в исступлении, третьи - от рвоты кровью.

"Этот год был прекрасен и полон чудес во многих отношениях; он был плодородным и обильным, хотя и болезненным и приводил к большой смертности. В монастыре миноритов Дрогеда 25, а в монастыре Дублина 23 монаха умерли до Рождества.

"В Килкенни мор свирепствовал во время Великого поста, и к 6 марта с Рождества умерло восемь монахов-проповедников. Вряд ли в каком-то доме умирал только один, но обычно муж и жена вместе со своими детьми проходили одним и тем же путем, а именно путем смерти.

"И я, брат Джон Клинтон, из ордена миноритов и монастыря Килкенни, написал эти примечательные вещи, которые произошли в мое время и которые я узнал как достойные веры. И дабы примечательные деяния не погибли со временем и не исчезли из памяти грядущих поколений, видя эти многочисленные беды и то, что мир находится среди зол, я, словно среди мертвых, ожидая, пока придет смерть, изложил в письменном виде правдиво то, что слышал и проверил. И чтобы письмо не погибло вместе с писцом, а работа - с тружеником, я добавляю пергамент, чтобы продолжить ее, если случайно кто-нибудь останется в будущем и кто-нибудь из детей Адама сможет избежать этой язвы и продолжить начатое дело"[212].

Этот рассказ о монахе Клайне подтверждается одним или двумя документами из Патентных списков. Так, в июле 1350 года мэр и судебные приставы Корка в прошении о помощи заявили, что "из-за моровой язвы, свирепствовавшей в тех краях в последнее время, а также из-за разрушения и опустошения земель, домов и имущества нашими ирландскими врагами вокруг упомянутого города" они не в состоянии выплатить налог в 80 марок на [p121] место.[213] Также жители Дублина, умоляя разрешить им прислать 1000 четвертей кукурузы для их помощи, в прошении своего мэра заявили, "что купцы и другие жители города сильно обеднели из-за моровой язвы, недавно случившейся в упомянутой стране, и других многочисленных несчастий, которые там произошли." [214] Наконец, арендаторы королевских поместий в Ирландии просили короля об особой защите. Они утверждали, что "как по причине моровой язвы, недавно свирепствовавшей в упомянутой стране, так и из-за чрезмерно высоких цен на провизию и другие товары, взимаемых с арендаторов некоторыми землевладельцами, они совершенно доведены до состояния нищеты"[215].

После этого краткого отступления о чуме в Уэльсе и Ирландии можно вернуться к Англии. Графство Вустер страдало от этой болезни в основном в летние месяцы 1349 года. Учреждения, занимающиеся жильем в графстве, показывают, что в 67 приходах из 138 в это время сменился причетник. В нескольких случаях зафиксировано более одной смены, так что почти половина общего числа приходов в графстве в то или иное время оставалась вакантной во время болезни. Наибольшее количество назначений на ливреи в графстве за один месяц было в июле, в то время как каждый месяц с мая по ноябрь указывает на какую-то особую причину, приводящую к появлению вакансий. В первые четыре месяца года и в декабре было зарегистрировано только шесть учреждений.[216] В качестве примеров благочиний, которые становились вакантными [p122] более одного раза за этот период, можно привести Грейт-Малверн, где священники были представлены 10 июля и 21 августа; и Повик, близ Вустера, где учреждения были зарегистрированы 15 мая и 10 июля.

В городе Вустер уже в середине апреля трудности с распоряжением телами умерших были предвидены и предусмотрены епископом Вульстаном де Браунсфордом, который сам, будучи старым и немощным человеком, умер 6 августа 1349 года. 18 апреля этого года

епископ написал из Хартлбери своим чиновникам в Вустере следующее: - "Тщательно обдумывая и не без тревоги в сердце часто вспоминая, как опасно и чрезмерно, увы, возросло число погребений на кладбище нашей соборной церкви в Вустере (ибо огромное число умерших в наши дни никогда не было превзойдено); и по этой причине, как для наших братьев в упомянутой церкви, благочестиво служащих Богу и Его Пресветлой Матери, так и для жителей упомянутого города и других людей, живущих в нем, и для всех других, приезжающих в это место, из-за различных опасностей, которые могут подстергать их из-за разложения тел, мы желаем, насколько Бог даст нам, обеспечить лучшее средство. Поразмыслив над этим, мы постановили и постановляем, что место, подходящее и подходящее для этой цели, а именно кладбище госпиталя Святого Освальда в Вустере, должно восполнить недостаток на упомянутом кладбище нашей соборной церкви, возникший по указанной причине". Вследствие этого он приказывает довести до сведения священника, что все погребения могут по его усмотрению "во время этой смертности совершаться на упомянутом кладбище Святого Освальда"[217].

Леланд упоминает это кладбище в своем "Итинерарии", где, говоря о "длинном и красивом субурбе на севере без передних ворот", он говорит, что там была часовня святого Освальда [p123], затем госпиталь; "но в более поздние времена она была превращена в свободную часовню и носит имя Освальда, и здесь было принято хоронить корсы во время моровой язвы, как в публичном кладбище в Вустере"[218].

Об общем состоянии сельской местности в графстве можно судить по рассказу королевского эсквайра в Вустере в это время. Этот чиновник по имени Лео де Пертон был призван, помимо прочих обязанностей, отчитываться о поступлениях из владений епископа Вустерского с момента его смерти в августе до назначения преемника в конце ноября 1349 года. Картина графства в целом, представленная в его ответе, весьма удручающая; арендаторов, по его словам, нельзя было получить ни за какие деньги, мельницы пустовали, кузницы стояли без дела, голубятни были в руинах, а птицы все улетели, остатки людей повсеместно отказывались от своих владений; урожай нельзя было собрать, да и если бы это было возможно, в округе не осталось жителей, которые могли бы купить продукты.

Переходя к конкретному случаю, касающемуся епископских владений, он утверждает, что из 140 фунтов стерлингов, которые должны были быть выплачены при расчете на нормальные годы, 84 фунта стерлингов так и не были получены. Ибо в тот год, 1349, осенние работы всех видов не были выполнены. "В различных поместьях упомянутого епископства они не получили и не могли получить больше, чем им было положено, по причине отсутствия арендаторов, которые должны были платить ренту, и обычных арендаторов, которые обычно выполняли упомянутые работы, но все они умерли во время смертельного мора, который свирепствовал в землях упомянутого епископства во время и до даты упомянутого счета".

В ходе расследования эскейтор представил письмо от [p124] короля,[219] в котором говорилось, что он не желает, чтобы с его чиновника взымали больше, чем он получил. Вследствие этого в страну были посланы две комиссии для рассмотрения этого вопроса с присяжными. Эскейтор представил списки жильцов, от которых он один получал что-либо, и в конце концов присяжные пришли к выводу, что его заявление было верным. Эти списки раскрывают некоторые вопросы, представляющие значительный интерес для настоящего расследования. Например, в поместье Хартлбери было тридцать восемь арендаторов, называемых *виргатами*, поскольку каждый из них обрабатывал виргат земли; тринадцать нокелондов, двадцать один аркмен и четыре коттара, которые оказывали определенные услуги, оцениваемые в 106 шиллингов и 11-1/2 д. в год, включая обычай, называемый "ярдом серебра". Из этих услуг ничего нельзя было получить, "потому что все арендаторы умерли в

смертельной болезни до даты этого счета", и в возвращении присяжных говорится, что на этой земле осталось только четыре арендатора, платящих 2 шиллинга 10 д.[220]. 10д.[220]

То, что это не было просто мимолетным затруднением, становится очевидным, когда несколько лет спустя, в 1354 году, тот же эсквайр просит о помощи в размере 57 фунтов 15 шиллингов. 5-1/4д., которые он тогда не смог получить на те же поместья, вновь оказавшиеся в его руках, в связи с переводом епископа на другой престол. Говоря о работе обычных арендаторов, он говорит: "Что он не получил и не мог получить ничего из этого, потому что остатки упомянутых арендаторов перешли на другие службы, а после чумы они больше не были обязаны выполнять услуги такого рода"[221].

Результаты в соседнем графстве Уорик, естественно, были аналогичными. Вместе с графствами Глостер и Вустер он образовывал древнюю кафедру Вустера. Данные об учреждениях духовенства в графстве, приведенные в "*Истории Уорикшира*" Дагдейла, показывают, что до апреля и после октября было совершено только семь таких [p125] учреждений, так что мор свирепствовал в графстве в летние месяцы 1349 года, причем наибольшее количество учреждений пришлось на два месяца - июнь и июль[222].

В некоторых случаях изменения происходили очень быстро: так, в Дитчфордском монастыре 19 июля сменился настоятель, а 22 августа был назначен его преемник. Кенилворт также трижды оставался вакантным с мая по август. В Ковентри 10 мая умер Джордан Шепи, мэр, "который построил колодец, называемый колодцем Джордана".[223] В июле были убиты архидьякон Ковентри и священник-кантри в Святой Троице. В августе настоятель собора Джон де Данстейбл был избран на вакантное место в приорстве, а вскоре после этого в церкви Троицы появился новый настоятель. В Поллсуорте настоятельница Летиция де Хекстолл умерла, и 13 октября 1349 года была назначена ее преемница.

В Оксфордшире, который во время великого нашествия чумы входил в состав большой епархии Линкольна, число благотворительных приходов, за исключением оксфордских колледжей, составляло около 220. Половина этого числа, следовательно, может быть оценена как число умерших священнослужителей. Болезнь, вероятно, была распространена в графстве примерно в то же время, что и в соседних местах, то есть в весенние и летние месяцы 1349 года. Настоятельница Годстоу, например, умерла примерно до 20 мая, в этот день было дано королевское разрешение на избрание преемника, а настоятель Сент-Фридсвайда, Оксфорд, - примерно в то же время; поскольку 1 июня Николас де Хунгерфорд получил временные полномочия после своего избрания.

Город Оксфорд с его многочисленным населением [p126] студентов, похоже, ужасно пострадал. "Такой моровой язвы, - пишет Вуд, - как в Оксоне, еще не было. Те, у кого были места и дома в деревне, ушли на покой (хотя и там их тоже настигла беда), а те, кто остался, были почти полностью сметены. Двери школ были закрыты, колледжи и залы сданы, и не осталось ни одного человека, который мог бы удержать владения или собрать достаточное количество людей, чтобы похоронить мертвых. Сообщается, что в один день на одно церковное кладбище было отнесено не менее 16 тел для погребения, настолько сильно было буйство." [224] Знаменитый Фиц-Ральф, архиепископ Армагский, который был канцлером университета до этого события, утверждает, что во время его службы в Оксфорде было 30 000 студентов.[225] В этом утверждении его поддерживает Гаскойн, который в своем "*Теологическом словаре*", написанном в царствование Генриха VI, говорит: "До великой чумы в Англии было мало ссор между людьми и судебных дел, так же мало было юристов в королевстве Англия и мало в Оксфорде, когда в Оксфорде было 30 000 ученых, как я видел в списках древних канцлеров, когда я был там канцлером." [226] Это скопление было отвлечено

мором, так как в 1357 году Фиц-Ральф заявляет, что в школах не было и трети от прежнего числа.

В год визита в Оксфорде было не менее трех мэров. Ричард де Селвуд умер 21 апреля этого года, и бургомистры остановили свой выбор на [p127] Ричарде де Кэри. Прежде чем он смог добраться до Лондона, чтобы принести присягу королю, он заболел, и аббат Осни был назначен уполномоченным, чтобы присутствовать в Оксфорде и принести ему присягу. 19 мая аббат подтвердил, что сделал это, но 16 июня в Лондоне были получены письма из Оксфорда, датированные двумя днями ранее, в которых сообщалось о смерти мэра и избрании на его место Джона Дерефорда[227].

Несомненно, в Оксфорде, как и в других городах, была своя чумная яма. Покойный профессор Торольд Роджерс, рассказывая об этой чуме, говорит: "Я не сомневаюсь, что главным местом захоронения жертв Оксфорда была часть сада Нового колледжа, поскольку, когда Уайкхем купил этот участок, он, по-видимому, был ранее густонаселенным, но за тридцать лет до чумы опустел и, очевидно, был превращен в могилу оставшимися в живых после бедствия"[228].

ССЫЛКИ:

[205] На с. 92 печатного издания этой хроники автор описывает вспышку чумы во Франции сразу после взятия Кале англичанами. Он приписывает эпидемии перемирие между французами и англичанами.

[206] *Chronicon Galfridi Le Baker de Swynebroke*, ed. E. M. Thompson, pp. 98-9.

[207] R. O., *Originalia Roll*, 24 Ed. III., m. 8.

[208] R. O., *Rot. Claus.*, 25 Ed. III., m. 9.

[209] R. O., *Clerical Subsidy*, 21/1 (51 Ed. III.)

[210] Автор, похоже, подразумевает, что чума достигла Ирландии в 1348 году. Однако вполне вероятно, что в действительности речь идет о 1349 годе, поскольку в этом году 14 июля умер Александр де Бикнор, архиепископ Дублина, а также епископ Митский в том же месяце (см. Gams, *Series Episcoporum*, 219).

[211] Dalkey на полях.

[212] *Анналы Ирландии* монаха Джона Клайна (изд. Ирландского археологического общества, 1849 г.).

[213] *Rot. Pat.*, 25 Ed. III., pars 2, m. 19.

[214] *Ibid.*, 26 Ed. III., pars 1, m. 11.

[215] R. O., *L. T. R. Memoranda Roll*, 27 Ed. III., Hilary term, m. 7.

[216] Ниже приводится таблица с данными об учреждениях за некоторые месяцы 1349.

Май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.	ноябрь.
5	9	23	11	3	5	8

[217] Nash, *Worcestershire*, i, p. 226.

[218] Грин (*Worcester*, p. 144) говорит о мерах, принятых епископом для общественной безопасности, как об избавлении города "от тревожного зла", и благодаря этому приходам Святого Албана, Святой Елены, Святого Свитуна, Святого Мартина, Святого Николая и Всех Святых, "чи церковные дворы были очень ограниченными и не соответствовали приему приходских усопших, было разрешено воспользоваться теми же преимуществами погребения. . . . Таким образом, на могильнике Святого Освальда скопилось то огромное количество трупов, на которое сейчас не может равнодушно смотреть даже самый беглый зритель."

[219] Датируется 26 октября 1352 года.

[220] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 26 Ed. III.

[221] *Ibid.*, 28 Ed. III., Mich. term, m. 19.

[222] В следующей таблице приведено число институтов в некоторые месяцы:.

Апрель.	май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.
4	13	17	20	15	7	10

[223] Dugdale, *Warwickshire*, (ed. Thomas), p. 147.

[224] Wood, *History and Antiquities of the University of Oxford* (ed. Gutch), p. 449.

[225] Harl. MS., 1900, fol. 2. Перевод Тревизы в "*Propositio coram Papa*" Фиц-Ральфа: "So yt in my tyme, in ye University of Oxenford were thirlyty thousand scolers at one, and now beth unneth six thousand."

[226] Gascoigne, *Loci ex Libro Veritatum*, ed. J. E. Thorold Rogers, p. 202. Редактор по поводу этого отрывка говорит: "Они (*m. e.* студенты) приезжают со всех концов Европы. Их число кажется невероятным, но Оксфордшир, судя по его рейтингу исключительного налогообложения, после Норфолка, который в то время был лучшим в своей промышленности, был самым богатым графством в Англии в значительной пропорции. . . . От этого потока студентов отвлекла великая чума. . . . Я не вижу причин сомневаться в утверждении о чрезмерной населенности Оксфорда в первой половине XIV века".

[227] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 23 Ed. III., Mich.

[228] *Six Centuries of Work and Wages*, i, p. 223.

ТОС [p128]

ГЛАВА VIII. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ В ОСТАЛЬНОЙ АНГЛИИ.

История великого моровой язвы в епархии Норвича, включающей два восточных графства - Норфолк и Саффолк, была наглядно описана доктором Джессопом. [229] Результаты, к которым он пришел путем тщательного изучения епископских регистров епархии и судебных списков различных маноров, могут быть очень кратко изложены здесь. Эпидемия достигла своего апогея на востоке Англии в летние месяцы 1349 года, [230] и смертность в рядах духовенства была очень тревожной. Среднее число учреждений в епархии ежегодно в течение пяти лет до болезни составляло семьдесят семь. За этот год 800 приходов потеряли своих настоятелей, 83 из них дважды, а десять трижды, в течение нескольких месяцев; и к концу года две трети благотворительных учреждений в епархии стали вакантными.

Из семи женских монастырей в этом округе пять лишились своих настоятельниц, а по меньшей мере в двенадцати мужских религиозных домах, включая аббатство Сент-Бенетс-Халм, глава умер. Сколько всего подданных в этих 19 монастырских заведениях было унесено болезнью [p129], мы никогда не узнаем; но, принимая во внимание то, что в то время отмечалось, что болезнь почти никогда не проникает в дом, не унося с собой множество жертв, и то, что мы знаем о других местах, о которых есть точные сведения, можно предположить, что список умерших в религиозных домах Восточной Англии был очень велик. В Хеверингленде настоятель и каноники умерли все до одного, а в Хиклинге в живых остался только один; оба дома никогда не восстанавливались. В колледже Святой Марии-ин-филдс в Норвиче погибли пять из семи пребендариев, а монахи Богоматери в том же городе, как говорят, умерли все. В общей сложности, по подсчетам доктора Джессоппа, за несколько месяцев болезнь унесла около 2 000 священнослужителей епархии.

Из судебных протоколов можно почерпнуть те же доказательства ужасающей смертности среди населения. Доктор Джессопп собрал множество ярких доказательств этого, из которых можно привести один или два примера. В поместье под названием Корнард Парва проживало около 50 арендаторов. 31 марта три мужчины и шесть женщин были зарегистрированы как умершие за два месяца. В течение следующего месяца было унесено 15 мужчин и женщин, семь из которых не имели наследников, а к 3 ноября было зарегистрировано еще 36 смертей, и 13 из них не оставили родственников. Таким образом, за время эпидемии чумы в одном поместье исчезла 21 семья. Священник этого места умер в сентябре[231].

Приведем еще один пример. В Ханстантоне 16 октября 1349 года было обнаружено, что за два месяца унесено 63 мужчины и 15 женщин. В 31 случае наследниками остались только женщины и дети, а в девяти случаях наследники не были известны. В этом небольшом приходе всего за восемь месяцев умерло 172 человека, являвшихся арендаторами поместья. Из них 74 не оставили наследников мужского пола, а 19 вообще не имели кровного родства[232].

К этим примерам можно добавить один, взятый из [p130] судебного списка манора Снеттертон, расположенного примерно в центре графства Норфолк. Суд поместья состоялся в субботу в праздник святого апостола Иакова, то есть 25 июля 1349 года, и назывался он зловеще *Curia pestilencie*, Суд чумы. На этом заседании названы 39 арендаторов поместья, которые умерли, и во многих случаях не нашлось ни одного наследника. Один арендатор особо отмечен как владелец дома и десяти акров при условии, что в приходской церкви будут постоянно гореть три лампы перед Пресвятым Таинством. Он умер и не оставил других родственников, кроме сына 16 лет.

Крупные города Восточной Англии, такие как Норвич и Ярмут, пострадали от всепроникающей чумы не меньше, чем сельские районы. Историк Норфолка оценивает население Норвича до этой катастрофы в 70 000 человек.[233] Это был, несомненно, один из самых процветающих городов Англии, в котором было около 60 приходских церквей, семь монастырских заведений, а также другие церкви в пригородах; на основании старинной записи в Гилдхолле Бломфилд считает, что число унесенных эпидемией составило 57 374 человека. Такое число многие считают совершенно невозможным, но то, что город значительно уменьшился, не вызывает сомнений, если учесть, что к 1368 году исчезли десять приходов, а еще четырнадцать впоследствии были признаны бесполезными. "Руины двадцати из них, - говорит один современный писатель, - можно увидеть и сейчас"[234].

Ярмут в середине XIV века был самым процветающим портом. Когда для помощи в нападении Эдуарда на Кале, за два года до чумы, Лондон предоставил 25 кораблей и 662 моряка, Ярмут, как говорят, отправил 43 корабля и 1 950 моряков.^[235] Уильям Вустерский в своем путеводителе, похвалив город, говорит: "Во время [p131] великого мора здесь умерло 7 000 человек."^[236] Это заявление, вероятно, основано на количестве людей, похороненных на одном церковном кладбище. Ведь в петиции бургомистров Ярмута, поданной Генриху VII в начале XVI века, утверждается, что процветание города было разрушено великой чумой во время правления Эдуарда III. В тридцать первом году этого царствования, говорят они, - вероятно, ошибаясь в годе - 7052 человека были похоронены на церковном дворе, "по причине чего большая часть жилых помещений и населенных пунктов упомянутого города опустела и пришла в полное разорение и упадок, которые в настоящее время представляют собой сады и пустые земли, как это, очевидно, и оказалось".

Более того, несомненно, что церковь Ярмута, какой бы большой она ни казалась в наши дни, до чумы 1349 года была недостаточно вместительной для населения,^[237] и уже велись приготовления к значительному расширению ее нефа. Из-за моровой язвы работы не были завершены. Это не единственный случай в графстве, когда расширение уже огромных церквей стало ненужным из-за уменьшения числа жителей в результате болезни. Невозможно рассмотреть огромные церкви, которыми изобилуют графства Норфолк и Саффолк, и не прийти к выводу, что они были построены для нужд большого населения.

Например, налог на город Данвич был передан королем монастырю Эли; но в 1351 году жители обратились с просьбой о помощи, так как не могли найти денег для королевских сборщиков. Король прибегнул к так называемому "заявлению жителей города Данвич", в котором говорилось, что "упомянутый город, который до этого времени был полностью заселен рыбаками, пришел в запустение из-за смертельной чумы, свирепствовавшей в тех краях, и из-за того, что наши враги французы захватывали и убивали рыбаков в море, и до сих пор остается таким"^[238].

Из Норфолка и Саффолка мы переходим в прилегающее графство Кембридж, которое совпадает с епархией Эли. Епископ этой епархии, Томас де Лисл, находился за границей в то время, когда в графстве разразилась чума. 19 мая он обратился к духовенству своей епархии с письмом Стефана, архиепископа Арля и камергера Папы, о котором уже упоминалось в другом месте. В нем каждому предоставлялось право самому выбирать себе духовника, "поскольку во всех местах сейчас есть или будет эпидемия или смертность людей, которая в настоящее время свирепствует в большинстве частей света"^[239]. Епископ принял меры по управлению своей епархией на время своего отсутствия за границей, но 9 апреля 1349 года он написал из Рима, делая другие распоряжения в связи с чумой. "По причине того, что эпидемия, как ее называют, чудесно разрастается в епархии", как он понял в последнее время от людей оттуда, он, "опасаясь, что его прежние генеральные викарии умрут", увеличивает их число. И далее, "учитывая, как трудно двум людям договориться об одном и том же предложении, он назначает Джона, настоятеля Барнуэлла, единолично распоряжаться всеми вакантными бенефициями, а в случае его смерти или отказа действовать, единолично распоряжаться ими магистру Уолтеру де Пекхэму, LL.D.", а затем еще шестерым по порядку; положение, которое само по себе показывает, насколько малым он считал шанс на жизнь для любого человека. В других вопросах мог действовать любой из его генеральных викариев; а "в случае смерти, которая остановит дела, что было вполне вероятно при такой смертности", любой из присутствующих генеральных викариев должен был действовать до прибытия трех специально назначенных^[240].

Предусмотрительность епископа не была излишней. Начиная с [p133] апреля месяца вакансии быстро следовали одна за другой. За три года до 1349 года среднее число учреждений, зарегистрированных в епископских реестрах, составляло девять, а в 1348 году - только семь. В этот год великой болезни епископские викарии сделали 97 назначений в жилые помещения епархии, а только в июле их было 25.[241] Настоятель Барнуэлла умер в самом начале болезни, вероятно, даже не успев получить поручение епископа действовать вместо него в вопросе о вакантных бенефициях.

В июне есть свидетельства смертности в соборном приорстве Эли. 23 числа канцлер епархии Джон де Ко, действуя как представитель епископа, согласно поручению, назначил в монастырь нового субприора, а 2 июля - келаря и камерира. Неделью спустя, 9 июля 1349 года, "брат Филипп Даллинг, бывший ризничий Эли, умер, и упомянутый брат Паулинус (камерист) тоже умер, и оба они похоронены, он назначил на обе должности, а именно брата Адама де Линстеда ризничим, а брата Джона из Сент-Айвса камеристом"[242] В то же время две пещеры в соборе стали вакантными; одна, называемая "зеленой пещерой", дважды за два месяца.

Количество духовенства, унесенного болезнью в этой епархии, можно оценить по числу вакантных миссий. Если вычесть среднее число ежегодных [p134] учреждений, то можно считать, что в это время умерло 89 священников, владевших бенефициями.[243] Пропорция небенефицированного духовенства к бенефицированному, вероятно, была тогда примерно такой же, как во второй год правления короля Ричарда II. В субсидиях для духовенства за это время указано 140 бенефициантов против 508 небенефициантов, включая различных религиозных служителей.[244] Исходя из этого, в епархии Эли должно было погибнуть по меньшей мере 350 человек из числа духовенства.

Не избежал этого и университетский город Кембридж. 24 мая 1349 года освободилась церковь Святого Гроба Господня, а уже в июле несколько церквей остались без настоятелей. В конце апреля умер мастер госпиталя Святого Иоанна, и на его место был назначен некто Роберт де Спронстон. Через некоторое время после этого он умер, и 24 мая был посвящен некто Роджер де Брум; но в свою очередь Роджер умер, и его место занял другой.

В Кембридже тоже, вероятно, была своя обычная чумная яма. "Несколько лет назад, - пишет покойный профессор Торольд Роджерс, - будучи в Кембридже во время закладки фундамента новой Школы богословия, я увидел, что земля полна скелетов, брошенных без всякой попытки навести порядок, и я решил, что это, должно быть, Кембриджская чумная яма"[245].

Любопытный документ, хранящийся в архиве епископа, показывает, насколько серьезно пострадали некоторые приходы. Это согласие, данное настоятелем и монастырем Эли на предложение епископа объединить два прихода в Кембридже. В нем упоминаются церкви Всех Святых и Святого Джайлса в Кембридже, расположенные неподалеку от замка, и говорится, что прихожане первой большей частью погибли от моровой язвы [p135], а те, кто остался в живых, перешли в приходы других церквей. В нем также говорится, что жители Сент-Джайлса умерли, и, кроме того, неф Всех Святых находится в разрушенном состоянии, "а кости умерших выставлены на съедение зверям". Епископ предлагает объединить эти два древних прихода Кембриджа, и в этом согласии на предложение почти случайно дается представление о запустении, произведенном в университетском городе ужасным бедствием[246].

Примером того, что, вероятно, было характерно для всего графства, может служить список счетов одного из маноров Кембриджшира за этот год. Отмечается значительное снижение

арендной платы, и это неудивительно, поскольку, судя по всему, под рукой находилось 50 рентов и 22 коттеджа, а услуги, которые в противном случае оказывали бы держатели, должны были оплачиваться. На Пасху пустуют 13 домов, а к Пятидесятнице к этому списку добавляется еще 30[247].

Духовенство оказалось в тяжелейшем положении из-за смертей среди прихожан, что привело к пропорциональному уменьшению их доходов. 20 сентября 1349 года викарий епископа направил письмо Джону Линоту, викарию церкви Всех Святых, Джури, Кембридж.[248] "Мы извещены, - пишет он, - вашими частыми жалобами на то, что доля, поступающая к вам в упомянутую церковь, как известно, состоит только из пожертвований прихожан, и что те же прихожане настолько разорены чумой, свирепствующей в этом году, что пожертвований упомянутой церкви не хватает на жизненные нужды, и что вы не можете в другом месте получить помощь, чтобы нести возложенное на вас бремя. В связи с этим вы смиренно просили [p136] нас разрешить вам в течение двух лет совершать юбилейную мессу для вашей необходимой поддержки. Поскольку ваше положение в Церкви Божией не позволяет вам просить милостыню, особенно на еду и одежду, мы даем вам просимое разрешение с условием, что как только плоды и доходы от указанной части будут достаточны для надлежащего обеспечения вас необходимым, вы полностью откажетесь от доходов от этой юбилейной (мессы)."[249] В то же время подобное разрешение было дано Джону Атте Велле, викарию церкви Святого Иоанна "в Мелнстрите", Кембридж.

Прилегающее графство Хантингдон входит в состав большой епархии Линкольна. В нем насчитывалось около 95 бенефиций, что может дать некоторое представление о вероятном количестве смертей в рядах духовенства графства.

Аббат Рэмси умер 10 июня 1349 года, и король не стал, как обычно, требовать временные бенефиции на время вакансии, а разрешил монахам выплачивать меньшую сумму, чем обычно; "и, да будет вам известно, - говорится в документе, разрешающем это, - что из-за упадка упомянутого аббатства из-за нынешней смертельной язвы, свирепствующей в стране, упомянутая опека предоставляется настоятелю и монастырю за меньшую сумму для выплаты королю, чем во время последней вакансии"[250].

Среди *посмертных инквизиций* есть одна, касающаяся поместья Калдекот в Хантингдоншире. Оно было частью владений Маргарет, графини Кентской, которая умерла в день святого Михаила в 1349 году. Многие дома поместья представлены как разрушенные и не представляющие никакой ценности. Ренты с ассизов, которые раньше стоили 8 фунтов в год, на этот раз приносят всего пятьдесят шиллингов; старая мельница, которая до этого сдавалась вместе с [p137] землей за два фунта в год, теперь стоит всего 6s. 8 д., "потому что из-за моровой язвы ее нельзя было сдавать по более высокой ставке". И, наконец, сборы манорского суда упали с 13 с. 4d. до 3s. 4d. "из-за нехватки арендаторов"[251].

Если двигаться на запад от Хантингдоншира, то следующим заслуживает внимания графство Нортгемптон. Если судить по спискам учреждений, приведенным в "Истории графства" Бриджеса, в этот период изменения произошли в 131 случае из 281. В пятнадцати случаях в одном и том же месте в 1349 году произошло два или более изменений, а наибольшее количество учреждений было в августе, когда было сделано 36 назначений.[252] Судя по учреждениям, наиболее сильному нападению город Нортгемптон подвергся примерно в октябре 1349 года; по крайней мере, 1 ноября в нем было сделано два назначения в жилые дома.

Что касается религиозных домов, то в Лаффилде, как говорят, все умерли от чумы. Уильям де Скелтон, настоятель, скончался от болезни, а арендная плата за дом впоследствии была

признана недостаточной для его содержания. В монастыре Делапри жертвой болезни стала настоятельница Катрин Кнайвет. В Уорторпе умерла настоятельница Эмма де Пинчбек, и, вероятно, многие монахини-августинки. Епископ назначил преемницей Агнес Боус, но монастырь так и не оправился, и в 1354 году по ходатайству его покровителя сэра Томаса Холланда [p138] был объединен с монастырем Святого Михаила близ Стэмфорда. В королевском разрешении говорится, "что монастырь, будучи плохо обеспеченным, из-за моровой язвы, которая в последнее время преобладала, дошел до такой нищеты, что все монахини, кроме одной, из-за своей скудости разошлись"[253].

В только что упомянутом расследовании, касающемся владений графини Кентской после ее смерти в 1349 году, сообщается о состоянии поместья в Нортгемптоншире. Это такая же история упадка и запустения, как и во всей Англии. Пастбища, которые раньше стоили сорок шиллингов, теперь приносят только десять, а некоторые даже пять шиллингов вместо восемнадцати; и единственная причина, которую называют, - "смертность". Водяная и ветряная мельницы "по той же причине" были сданы в аренду за 6 с. 8 д., вместо прежних 56 шиллингов.

Кроме того, сам приорство Стэмфорд находилось в печальном положении. Арендная плата с пяти свободных арендаторов и восемнадцати обычных арендаторов составляла лишь треть от прежней стоимости "по той же причине". И те же монахини, вместо 19 с. 8 д., которые они получали за тринадцать домов, теперь получили только четыре шиллинга, в то время как их годовые арендаторы, которые должны были платить 13 фунтов перца по 12 д. за фунт, не заплатили ничего; более того, штрафы с поместья, которые должны были приносить двадцать шиллингов в год, принесли только два.

Третий пример приводится в случае с поместьем близ Блисворта, в котором две мельницы сдаются в аренду за двадцать, вместо прежней ренты в шестьдесят пять шиллингов; а два караката земли приносят лишь около пятнадцати шиллингов за каракат, "и не более, по причине смертности в тех краях"[254].

О небольшом графстве Ратленд, лежащем на севере Нортгемптоншира, можно сказать немного. Оно также входило в епархию Линкольна и содержало около 57 бенефиций. Из инквизиции мы узнаем, что в одном поместье за девять виргатов земли не было начислено [p139] ничего в виде ренты, "потому что все арендаторы умерли до праздника Пасхи (1349). Они (*т.е.* присяжные) также говорят, что туземцы и коттеджники в этом году не работали". В другом месте дом и сад, которые раньше сдавались за сорок шиллингов, теперь приносят только двадцать шиллингов; 240 акров пахотной земли сдаются за половину их прежней стоимости, а 180 акров луга стоят 10 д. за акр, вместо восемнадцати пенсов[255].

На востоке к Нортгемптону примыкает графство Лестер. Для этого графства существует местный рассказ о Найтоне, канонике Лестерского аббатства. Что касается Англии, то здесь вполне уместно привести его историю. "Несущий горе мор, - пишет он, - вошел в море у Саутгемптона, дошел до Бристоля, и почти все население города умерло, словно пораженное внезапной смертью, ибо мало кто оставался в постели дольше трех или двух дней или даже половины дня. Затем ужасная смерть охватила все районы в соответствии с ходом солнца, и в Лестере, в маленьком приходе Святого Леонарда, умерло более 380 человек; в приходе Святого Креста - более 400; в приходе Святой Маргариты, Лестер, - более 700; и так в каждом приходе - великое множество.

"Епископ Линкольна разослал по своей епархии общее полномочие всем и каждому священнику, как регулярному, так и светскому, выслушивать исповеди и отпускать грехи с полной и всецелой епископальной властью, за исключением лишь случаев, связанных с

долгами. В этом случае, если кающийся мог, он сам должен был возместить долг, пока был жив, или, по крайней мере, другие должны были сделать это за счет его имущества после его смерти. Таким же образом Папа даровал полное отпущение всех грехов, которое может быть получено только один раз каждым, находящимся под угрозой смерти, и разрешил, чтобы эта возможность длилась до следующей Пасхи, и чтобы каждый мог выбрать по своему желанию своего духовника.

"В том же году в королевстве повсюду был большой падеж овец; настолько большой, что в одном месте [p140] на одном пастбище умерло более 5000 овец, и они были настолько гнилыми, что ни зверь, ни птица не могли к ним прикоснуться. Цена на все была низкой; из-за страха смерти мало кто заботился о богатстве и тому подобном. И тогда человек мог купить за полмарки лошадь, которая раньше стоила сорок шиллингов; большого жирного быка за 4 с.; корову за 12 д.; быка за 6 д.; жирную мокрицу за 4 д.; овцу за 3 д.; ягненка за 2 д.; большую свинью за 5 д.; и камень шерсти за девять пенсов; и овцы и скот бродили по полям и по растущему урожаю, и некому было их отогнать или собрать; но в канавах и зарослях они умирали в бесчисленных количествах во всех частях, за неимением опекунов; ибо существовала такая большая нехватка слуг и рабочих, что никто не знал, что делать. Память не могла припомнить такой всеобщей и ужасной смертности со времен Вортигерна, короля бриттов, в правление которого, как свидетельствует Беда в своем "De gestis Anglorum", живых не хватало, чтобы хоронить мертвых.

"Следующей осенью никто не мог получить комбайн по цене ниже восьми пенсов с едой. По этой причине многие посевы погибли на полях из-за отсутствия тех, кто мог бы их собрать; но в год моровой язвы, как было сказано выше о других вещах, было такое изобилие урожая всех видов, что никто, как бы, не заботился о нем"[256].

В отсутствие какой-либо определенной информации об учреждениях, созданных в это время в графстве Лестер, необходимо лишь отметить, что число бенефиций в этот период составляло около 250. Также существовало около двенадцати религиозных домов и несколько больниц. В 1351 году, как мы узнаем из записей, аббатство Крокстон все еще "оставалось совершенно заброшенным". Церковь и многие здания были сожжены, а "из-за моровой язвы аббатство полностью лишилось тех, благодаря чьим способностям монастырь тогда управлялся" (за исключением аббата и настоятеля). [p141] Аббат был болен, "а упомянутый настоятель (в ноябре 1351 года) был полностью занят ведением богослужения и обучением послушников, принятых в общину после моровой язвы"[257].

Небольшое подтверждение рассказу Найтона о бедственном положении в сельской местности после чумы, если оно вообще нужно, можно найти в инквизиции, составленной после смерти Изабеллы, жены Уильяма де Ботеро, которая умерла в день святого Иакова в 1349 году. Ее поместье находилось в местечке Садингтон в Лестершире, а два караката земли были представлены как необрабатываемые и пустующие "из-за отсутствия арендаторов"[258].

Прилегающее графство Стаффордшир входило в епархию Ковентри и Личфилда. В него входило 165 бенефиций, что может послужить основой для подсчета числа священнослужителей, унесенных мором. Некоторые земли в этом графстве, недалеко от Тамворта, принадлежали графу Пембруку. После его смерти, пока наследник был несовершеннолетним, они были переданы в аренду за 38 фунтов стерлингов в год, которые должны были выплачиваться королю. В 1351 году человек, согласившийся платить эту сумму, подал прошение о ее снижении, поскольку "арендованные земли настолько ухудшились из-за моровой язвы, свирепствовавшей в последнее время в тех краях, что не достигают своей

прежней стоимости". После расследования его рента была снижена на 8 фунтов стерлингов в год[259].

О двух графствах, граничащих с Уэльсом, Херефорде и Шропшире, на данный момент известно немного. Однако можно не сомневаться, что они пострадали от эпидемии так же сильно, как и другие графства Англии.

В епархии Херефорда, включающей это графство и часть Шропшира, среднее число институтов в бенефициях в течение трех лет до и после эпидемии составляло около 13. В 1349 году в [p142] реестре епископа Трилека было зарегистрировано не менее 175 учреждений, а в следующем году было заполнено 45 вакантных престолов, что указывает на тот факт, что многие жилые помещения, вероятно, оставались без служителей в течение нескольких месяцев. Это подозрение еще более усиливается частым появлением слов "by lapse" в записях об учреждениях этого периода, что свидетельствует о том, что в течение шести месяцев жилой дом не был заполнен патроном. Поэтому вполне вероятно, что в Херефордской епархии жертвами болезни стали около 200 облагодетельствованных священнослужителей. Если принять даты институтов как некое указание на период, когда эпидемия была наиболее сильной в епархии, то окажется, что самое тяжелое время было с мая по сентябрь 1349 года[260].

Один факт, касающийся темы большой смертности во время моровой язвы 1349 года в графстве Херефорд, записан в епископском регистре. В 1352 году епископ объединил в один приход две церкви - Грейт-Колингтон и Литтл-Колингтон, расположенные примерно в четырех милях от Бромбарда. Покровители этих двух населенных пунктов согласились поддержать соответствующее прошение приходов, в котором говорилось, что "недавно прошедшее страшное бедствие - мор людей, опустошивший весь мир во всех частях, так уменьшил число людей в указанных церквях, и по этой причине возникла и до сих пор существует такая скудость рабочих и других жителей, такое явное бесплодие земель и такая пресловутая бедность в указанных приходах, что прихожан и поступлений обеих церквей едва хватает на содержание одного священника." [261] Единственная церковь [p143] Колингтона и по сей день служит напоминанием о большой смертности в этом районе. Даже среди жителей память о двух Колингтонах, по-видимому, утрачена.

В Салопе историки города-графства отмечают, что "во всех этих ужасных сценах (вызванных великой смертностью 1349 года) усердие духовенства, как светского, так и монашеского, было с честью выдержано". Епископальные регистры епархии, в пределах которой находится Шрусбери, свидетельствуют об усердии светского духовенства этого округа"[262] Из того же источника следует, что среднее число учреждений для благотворительных миссий, освободившихся в результате смерти, в течение десяти лет до 1349 года и десяти лет после него составляет всего 1-1/2 в год, или 15 за весь период. В этом году число учреждений для вакансий, которые, как известно, были вызваны *смертью*, составило 29. Если принять это число за показатель общей смертности, то Шропшир, по-видимому, пострадал в исключительном случае. Однако, помимо этих, в это время было зарегистрировано еще несколько учреждений, причина которых не уточняется, и многие из них, скорее всего, также были вызваны великой эпидемией.

В качестве примера всеобщей нищеты, вызванной великой болезнью, Оуэн и Блейквей приводят *посмертную инквизицию*, сделанную в год чумы в поместье шропширского джентльмена Джона ле Стренджа из Блэмира. В этом протоколе присяжные признают его умершим, захватившим различные земли и т. д., в том числе три водяные мельницы,

"которые раньше стоили в год 20 марок, а теперь они стоят только половину этой суммы, по причине отсутствия этих мельниц из-за моровой язвы". По той же причине уменьшились и другие части его доходов, такие как пошлины с рынков, арендная плата и т. д.

В поместье Додинтон, говорится в протоколе расследования, "есть два караката земли, которые раньше [p144] стоили шестьдесят шиллингов в год, а теперь указанные присяжные не знают, как оценить эту землю, потому что домашние и рабочие слуги (*famuli et servientes*) умерли, и никто не хочет нанимать землю". Водяная мельница упала в цене с тридцати шиллингов до шести с восьмьюдесятью пенсами, потому что арендаторы умерли; пруд был бесполезен, так как рыбу из него выловили, и он не был зарыблен снова"[263].

Этот Джон ле Стрендж из Уитчерча умер 20 августа 1349 года, и в дознании, проведенном по его владениям, названы три сына - Фулк, старший, который был женат; Хамфри, второй; и Джон, которому было 17 лет; и отмечено, что если Фулк умрет, то наследником будет Хамфри, его брат. Расследование было проведено 30 августа, через десять дней после смерти Джона, и в это самое время, когда Фулк был объявлен наследником, он сам был мертв уже два дня. По всей видимости, Хамфри также был унесен болезнью, потому что в дознании, проведенном впоследствии по делу о наследстве Фулка, наследником назван третий брат Джон. В этом расследовании присяжные подтверждают заявления тех, кто свидетельствовал о состоянии поместий после смерти отца. В одном из поместий говорится, что рента ассиза, которая раньше составляла 20 фунтов, теперь составляет всего сорок шиллингов, а судебные пошлины упали с сорока до пяти шиллингов, "потому что арендаторы там мертвы". А в другой шропширской деревушке рента ассиза, которая раньше составляла четыре фунта, теперь "по указанной причине" составляет всего восемь шиллингов[264].

К северу от линии, проведенной от Уоша до Ди, четыре графства - Честер, Дерби, Ноттингем и Линкольн - протянулись через всю Англию с запада на восток. Краткое описание моровой язвы в каждом из этих графств - это все, что необходимо здесь привести. В основных чертах, да и почти во всех деталях, история одного графства совпадает с историей всех [p145] других, и только по счастливой случайности сохранился рассказ об отдельных происшествиях.

В графстве Честер насчитывалось около 70 бенефиций. За четыре месяца - июнь, июль, август и сентябрь - в реестрах Ковентри и Личфилда только по архидиаконству Честера зарегистрировано тридцать учреждений. Самые многочисленные из них приходятся на сентябрь.[265] Духовенство, не имеющее льгот, разумеется, не включено в это число; а в одном только городе в конце правления Эдуарда Третьего их было не менее пятидесяти или шестидесяти. В одном приходе, например, в приходе Святого Иоанна у реки, было девять викариев и шесть капелланов, не получавших жалованья.[266] В августе в монастыре Святой Марии в Честере был назначен новый настоятель, а в Нортоне - новый приор.

Из отчетов священнослужителей по графству Честер в этот период можно почерпнуть некоторые факты об общем состоянии запустения, до которого довела его великая болезнь. Так, в поместье Фродшем бейлиф сообщает о получении всего двадцати шиллингов ренты за земли помещичьей фермы, "полученных за 66 животных, кормящихся на них". Он добавляет: "И не больше в этом году, потому что он не смог найти арендаторов из-за моровой язвы". Далее он отмечает низкие общие цены и называет мельницу и пекарню, которые не могут быть сданы в аренду. В качестве примера снижения арендной платы отмечается, что в городе Нетертон, спустя более года после прекращения чумы, одиннадцать домов и большое количество земли, которые попали в руки лорда в прошлом году из-за моровой язвы, все еще остаются в его руках"; то же самое отмечается и в других поселениях, а в одном месте

мельнику было разрешено снизить арендную плату из-за того, что его дела пришли в упадок после болезни[267].

Точно так же в другом поместье, Баклоу, на Михайлов день 1350 года говорится, что 215 акров пахотной земли [p146] лежат впустую, "для которых нельзя найти арендаторов из-за моровой язвы, которая посетила это место в предыдущем году". Кроме того, те, кто владел частью помещичьей земли в течение прошлого года, отказались от своих владений в праздник святого Михаила в начале счета (*т. е.* в 1349 г.). В том же поместье арендная плата за сад составляла всего 12 д., потому что некому было покупать урожай. Одним из самых крупных поступлений были 3 с. 6 д., которые заплатила некая Марджери дель Холес "за дерн разных арендаторов поместья, умерших во время моровой язвы". В целом по поместью наблюдается уменьшение на 20 9 фунтов стерлингов. 2-3/4d. в ренте этого года, и значительная часть дефицита объясняется тем, что 34 арендатора задолжали различные суммы, но не могут заплатить, так как у них нет ничего, кроме урожая, и что 46 арендаторов были унесены эпидемией.

В отношении поместья, кроме того, небезынтересно отметить, что часть - не менее, чем третья часть - арендной платы была отменена в это время. Однако вряд ли это было сделано по доброй воле, а в результате угрозы со стороны владельцев помещичьих земель, что если им не будет предоставлена такая возможность, то они уйдут. Это отмечено в списке: "В деньгах, возвращенных арендаторам Рудхита (около четырех миль от Нортвича) судьями Честера и другими, по совету лорда, за третью часть их ренты из-за свирепствовавшей чумы, поскольку арендаторы там пожелали уехать и оставить владения на руках лорда, если они не получают эту отсрочку, пока мир снова не станет лучше, а владения не приобретут большую ценность... 10 фунтов 13 шиллингов. 11-3/4d." [268]

К востоку примыкает графство Дербишир. Преподобный доктор Кокс для своей работы о *церквях Дербишира* провел исследование учреждений этого графства. Результат его исследований может быть [p147] приведен почти его словами. В мае 1349 года есть свидетельства того, что чума добралась до Дербишира. На тот момент общее число бенефиций в графстве составляло 108, а среднее число учреждений, регистрируемых ежегодно в течение столетия, было всего семь. В 1346 году их было всего четыре, в 1347-м - два, а в 1348-м - восемь. В год чумы, 1349, было зарегистрировано не менее шестидесяти трех институтов для вакантных бенефиций, а "в следующем году (многие из вакантных бенефиций не были заполнены до этого времени) их число составило сорок один". За это время умерло семьдесят семь священнослужителей, то есть значительно больше половины от общего числа, и еще двадцать два человека оставили свои места жительства.

"Из трех викариев церквей Дерби двое умерли, а третий ушел в отставку. Умер также священник-кантри Богоматери в церкви Святого Петра. Оба настоятеля Экингтона умерли, а из трех настоятелей, разделявших в то время ректорство Дерли, двое умерли и один ушел в отставку. Приходы Лангвита и Маггинтона, а также викарии Барлборо, Болсовера, Хорсли, Лонгфорда, Саттон-он-те-Хилл и Уиллингтона дважды опустели от чумы, а три викария Пентрича пали в один и тот же роковой год. Регулярному духовенству также не повезло: аббаты Бошифа, Дейла и Дерли, настоятель Гресли, настоятель доминиканцев в Дерби и настоятельница Кингс-Мид были схвачены" [269].

Тот же автор обратил внимание на некоторые некрологические заметки в календаре, приложенном к хартулярию аббатства Дерли.

"Одного взгляда на этот некролог, - говорит он, - достаточно, чтобы обратить внимание читателя на удивительное количество смертей в 1349 году. . . . О характере чумы мы можем

составить некоторое представление, если рассмотрим масштабы ее опустошения в одном-единственном доме - самом богатом в округе и расположенном в таком [p148] здоровом и безлюдном месте, какое только можно найти на всех холмах Дербишира. В течение трех месяцев сэр Уильям де Уэйкбридж потерял отца, жену, трех братьев, двух сестер и невестку. Сэр Уильям, получив в наследство поместье Уэйкбридж, после этого печального списка смертей, похоже, отказался от профессии оружейника и посвятил большую часть своего состояния служению Богу в своем районе. Великая чума основательно уязвила совесть многих выживших, и в результате произошла печальная вспышка распутства".

Счета лордства Дракелоу, расположенного примерно в четырех милях от Бертон-он-Трента, можно взять за образец того, что, должно быть, происходило в других местах. Прежде всего, отмечается убыток "от продажи дерна с пустошей поместья арендаторам, умершим во время моровой язвы". Снижение арендной платы очень значительно. От "обычаев поместья нет ничего, потому что все эти арендаторы умерли во время чумы". Далее следуют имена семидесяти четырех арендаторов, со всех которых было получено только 13 с. 9-3/4 д. было получено за период, охватываемый счетом, и практически со всего поместья не было получено ничего, кроме травы. Кроме того, вместо того чтобы собирать урожай, как раньше, силами арендаторов, в этом году пришлось нанять оплачиваемую рабочую силу на сумму 22 фунта 18 шиллингов. 10d. В приходной части счета указана стоимость коров, волов и лошадей арендаторов, которые умерли, а их имущество и животные перешли во владение лорда поместья[270].

В Ноттингемшире, как и в других случаях, доля умерших среди бенефициарного духовенства составляет половину от общего числа. Из 126 бенефиций графства инкумбент умер в шестидесяти пяти.[271]

В восточном направлении графство Линкольн лежит между Ноттингемширом и морем. В ранний период папа Климент VI предоставил священникам и жителям города и епархии Линкольна большие индульгенции на час смерти, "поскольку от их имени ему было подано прошение, в котором говорилось, что в указанном городе и епархии начался смертельный мор." [272] Графство велико, а его наделенные владения многочисленны. В общей сложности, не считая сорока девяти монастырей, духовенство графства насчитывает около 700 человек, и на основании этого можно составить некоторое представление о вероятном количестве священнослужителей, умерших в Линкольншире в 1349 году.

Хроника Лут-Парка, цистерцианского аббатства в графстве, содержит краткую заметку об этой эпидемии. "Эта чума, - говорится в ней, - уложила на дно иудея, христианина и сарацина; вместе она унесла исповедника и покаянника. Во многих местах она не оставила в живых и пятой части людей. Она поразила весь мир ужасом. Такой чумы не видели, не слышали и не записывали до этого времени, ибо считается, что столь великое множество людей не было захлестнуто водами потопа, случившегося в день Ноя. В этом году умерло много монахов Лут-Парка; среди них 12 июля был Дом Уолтер де Луда, аббат, которого сильно преследовали из-за поместья Кокрингтон, и он был похоронен перед главным алтарем рядом с сэром Генри Вавасуром, рыцарем. В тот же день ему наследовал Дом Ричард де Линкольн, канонически избранный в соответствии с институтами Господа нашего и ордена"[273].

Из документа, относящегося к капитулу Линкольна, следует, что во время всеобщего визита суды не заседали каждый срок. Декан и капитул жалуются, что, в то время как "с незапамятных времен" они получали 6 с. 8-1/2d. за 66 акров пашни и 4 акра луга в Нейвенби, то в этом году они этого не сделали. Тем не менее, от них требовали уплаты королевских

[p150] пошлин. Они подали апелляцию, но дело не было рассмотрено в Тринити анно 23^о (1349) "из-за отсутствия наших судей, назначенных для рассмотрения общих дел, по причине свирепствовавшей тогда чумы"[274].

Ревизия счетов эскайра по графству Линкольн доказывает, что бедственное положение было вполне реальным. Сайер де Рошфорд, занимавший эту должность в Ратленде и Линкольне в 1351 году, просил освободить его от 20 фунтов 18 шиллингов. 1d., которые он должен был заплатить за деньги, которые он должен был получить, на том основании, что он ничего не получил "из-за смертности"[275]. Три года спустя, более того, он снова утверждает, что не может собрать больше, "из-за смертельного мора людей и арендаторов земли, которые умерли в 1349 году, и из-за нехватки арендаторов" с тех пор.

Люди, добавляет он, настолько обнищали, что не могли ничего заплатить за "вапентаки"[276].

Архиепископ Йоркский Зуш, по-видимому, одним из первых среди английских прелатов осознал серьезность эпидемии, которая в 1348 году опустошала Южную Европу и все дальше продвигалась на север, к Англии. Еще до конца июля 1348 года он написал своему чиновнику в Йорке, предписывая молиться. "Поскольку жизнь человека на земле - это война, - пишет он, - то тех, кто сражается среди страданий этого мира, беспокоит неопределенность будущего, то благоприятного, то неблагоприятного. Ибо Господь Всемогуший иногда допускает наказание тех, кого Он любит, поскольку сила, благодаря вливанию духовной благодати, совершается в немощи. Всем известно, какая смертельная язва и зараза витает в эти дни над различными частями света, и особенно над Англией. Это, конечно же, вызвано грехами людей, которые, одурманенные процветанием, пренебрегают памятью о благах Верховного Дарителя". Далее он говорит, что отвратить бич можно только молитвой, и поэтому приказывает, чтобы во всех приходских церквях в каждую среду и пятницу [p151] совершались процессии и литании, "а на всех мессах читалась особая молитва о прекращении моровой язвы и заразы подобного рода"[277].

Судя по ответу папы на прошение архиепископа, следует заключить, что чума достигла Йорка уже в феврале 1349 года. Однако более вероятно, что прошение было отправлено в расчете на то, что бедствие обязательно придет рано или поздно, и лучше быть готовым. Кроме того, судя по датам учреждения вакантных бенефиций, можно предположить, что провинция Йорк пострадала в основном летом и осенью 1349 года. Папа Климент VI в письме к архиепископу Зуше, датированном 23 марта 1349 года из Авиньона, даровал уже упомянутые льготы и индульгенции, которые были предоставлены другим епископам. Это он сделал, как говорится в письме, "в ответ на прошение, в котором сообщалось, что смертельный мор начал поражать город, епархию и провинцию Йорк"[278].

В графстве Йорк на эту дату насчитывалось около 470 бенефиций, а если считать монастырские дома и госпитали, то около 550. Было отмечено, что из 141 ливреи в Вест-Райдинге, в которых сменился инкубент в 1349 году, 96 вакансий зарегистрированы как вызванные смертью, а в Ист-Райдинге умерли 65 инкубентов против 61, который, очевидно, остался в живых.[279] В деканате Донкастера[280] из пятидесяти шести списков инкубентов, напечатанных в [p152] местной истории, смена зафиксирована в тридцати. Изучив печатные списки учреждений Йоркшира, можно с уверенностью заключить, что по меньшей мере половина духовенства в целом была унесена болезнью. Смертность среди служителей собора стала настолько серьезной, что были предприняты меры для предотвращения полного прекращения деятельности. Например, в июле 1349 года "по причине смертности от моровой язвы было постановлено, что один каноник с аудитором и

капитулом может в отсутствие своих собратьев выдавать викарии и заниматься другими делами, как если бы остальные каноники присутствовали, несмотря на устав"[281].

Архиепископ также добивался и получил от папы Климента VI полномочия на отказ от обычных церковных законов в отношении рукоположений, совершаемых только в янтарные недели. "Опасаясь, что Божественное богослужение может быть уменьшено из-за отсутствия священников или что лечение и управление душами будет заброшено, - пишет папа, - мы разрешаем провести четыре дополнительных рукоположения в течение года, поскольку вы говорите, что "из-за смертельного мора, который в настоящее время свирепствует в вашей провинции", вы опасаетесь, что "священников может не хватить для ухода и управления душами". "[282] Вместе с этим архиепископ приводит образец рекомендательных писем, которые должны быть выданы тем, кто был рукоположен на этом факультете, заявляя, что он был дан "из-за нехватки церковных служителей, унесенных мором, который в последнее время свирепствует в нашей провинции".

Не приходится сомневаться, что религиозные дома епархии пострадали аналогичным образом. Аббаты Джерво и Риеволкса, Уэлбека и Роша, настоятели Тургартон и Шелфорда, Монкбреттона, Мартон, Халтемпрайса и Ферриби - вот лишь некоторые из настоятелей религиозных домов, умерших в это время.

Об одном из монастырей графства, Мо, есть особый рассказ в хрониках дома. [p153] Аббат Хью, говорится в ней, "кроме себя, имел в монастыре 42 монаха и семь братьев-мирян; и упомянутый аббат Хью, управляя монастырем девять лет, одиннадцать месяцев и одиннадцать дней, умер во время великой чумы, которая была в 1349 году, и 32 монаха и брата-мирянина также умерли".

"Эта чума так распространилась в нашем упомянутом монастыре, как и в других местах, что в августе месяце умер сам аббат, 22 монаха и шесть братьев-мирян; из них аббат и пять монахов лежали непогребенными в один день, а остальные умерли, так что когда чума прекратилась, из упомянутых 50 монахов и братьев-мирян осталось только десять монахов без братьев-мирян.

"И от этого рента и имущество монастыря стали уменьшаться, тем более что большая часть наших арендаторов в разных местах умерла, а аббат, настоятель, келарь, казначей и другие люди в годах и чиновники умерли, оставив тех, кто остался в живых после них, не знающими имущества, владений и общих благ монастыря. Аббат умер 12 августа 1349 года"[283].

В деканате Холдернесс, в котором находилось аббатство Мо, есть свидетельства большой смертности. Поразительно наблюдать, как часто меняются бейлифы и сборщики королевских ренты и налогов. Нередко душеприказчики отчитываются перед первоначальным чиновником. [284] Эти свидетельства о большом уровне смертности здесь, как и в других местах Англии, и о связанных с этим бедствиях подтверждаются *посмертными отчетами инквизиции* за этот период. В одном случае, когда владелец поместья умер 28 июля 1349 года, говорится, что 114 акров пастбищ сдавались в аренду по 12 д. в год, "и не больше в этом году из-за смертности и нехватки людей". В Клиффе, в [p154] том же поместье, рента обычных арендаторов и арендаторов по завещанию, как утверждается, обычно составляла 10 фунтов 5 шиллингов в год; но в этом особом году они принесли только два шиллинга [285].

Летописец из Мо описал катастрофические последствия болезни в его собственном монастыре. О том, что это состояние не было вскоре исправлено, свидетельствует тот факт,

что в 1354 году было признано необходимым передать аббатство, "ввиду его жалкого состояния", королевской комиссии[286].

В отчете королевского эсквайра в Йоркшире за год, с октября 1349-го по октябрь 1350-го, говорится, что он никак не мог получить сумму в 4 фунта 12 шиллингов. 2d., "причитающуюся за некоторые земли и поместья, с которых он взимал и не мог взимать ничего в течение указанного времени из-за смертности среди мужчин в тех краях и из-за недостатка арендаторов, готовых занять указанные земли и поместья". Далее следует список домов, стоящих незанятыми[287].

В качестве другого примера можно привести случай, описанный в истории деканата Донкастера. "Джон Фиц-Вильям, наследник сэра Уильяма, недолго пользовался семейными владениями. Он умер во время великой чумы 1349 года. Чтобы продемонстрировать общественные настроения того времени, я привожу текст из хроники: "И в эти дни хоронили без печали, и венчались без дружбы, и женились без опровержения в обществе; ибо многие бежали с места на место из-за моровой язвы; но все же они действовали и не избежали беды".

В другой части деканата мы находим человека, желающего, чтобы его имущество было разделено между теми его детьми, которые останутся в живых". В рукописи Фицвильямов есть современная запись о том, что Джон Фицвильям, отец, во время моровой язвы перед смертью передал все свои [p155] товары и имущество, движимое и недвижимое, даме Джоан, своей жене, Джону, своему сыну, и Аллейну, покойному пастору из Кросби, на сумму 288 фунтов 3 шиллинга. 8-1/2d."[288]

Случай, записанный тем же автором, покажет, как неопределенно люди в то время относились к сроку жизни, и этому чувству вряд ли стоит удивляться, когда вокруг столько людей умирало. Томас Аллотт из Уомбелла, деканат Донкастер, в своем завещании, составленном 14 сентября 1349 года, после того как пожелал быть похороненным в Дарфилде, говорит: "Пункт, который я оставляю, и т. д., моим сыновьям и дочерям, живущим после нынешней смертельной язвы"[289].

Эти заметки о доказательствах чумы в Йоркшире можно завершить кратким рассказом о состоянии Халла в результате смертности и других причин. В 1353 году король, "принимая во внимание опустошение и разрушение, которое претерпел наш город Кингстон-на-Халле от разлива вод Хамбера и других причин, а также то, что большая часть жителей этого города погибла во время последнего смертоносного мора, свирепствовавшего в этих краях, и что остаток, оставшийся в городе, так запущен и нищ в деньгах", дает им разрешение применить штрафы, которые приказано налагать на рабочих и слуг, требующих более высокую плату, чем прежде, к выплате пятнадцатой части, которую они должны королевскому казначейству.[290]

К западу от Йоркшира между ним и Ирландским морем простирается обширное, но в то время малонаселенное графство Ланкашир. Об этом графстве практически ничего не известно. Число бенефиций, существовавших в графстве, составляло около 65, в то время как количество капелланов и небенефициарного духовенства в целом должно было значительно превышать это число. В одном только деканате Блэкберна в конце правления Эдуарда III насчитывалось [p156] не менее 55 капелланов без бенефиций.[291] Один документ, в своем роде уникальный, относящийся к Ланкаширу и к этой великой чуме, хранится в Бюро записей. На него уже давно ссылался покойный профессор Торольд

Роджерс, а теперь он напечатан в *"Английском историческом обозрении"*. Это отчет о предполагаемом количестве смертей во время эпидемии в деканате Амундернесс. К сожалению, как и следовало ожидать при такой смертности, когда смерть наступала так внезапно, а люди так быстро сходили в могилу друг за другом, и огромное количество людей должно было быть как можно быстрее сброшено в одну и ту же чумную яму, цифры, очевидно, лишь приблизительные, во всех случаях они круглые. Тем не менее, поскольку они были приведены в ходе судебного расследования и перед судом присяжных, когда факты посещения Провидения должны были быть свежи в памяти тех, кто выслушивал доказательства, трудно предположить, что они являются просто грубым преувеличением, и, по крайней мере, могут быть приняты как доказательство того, что смертность в этом районе Ланкашира была очень значительной.

Документ, о котором идет речь, представляет собой запись иска о доходах, полученных или предполагаемых к получению деканом Амундернесса, действующим в качестве прокурора архидиакона Ричмонда, за удостоверение завещаний, управление наследственным имуществом и другие дела во время чумы 1349 года. В иске названы десять приходов, включая Престон, Ланкастер и Гарстанг. Предполагается, что в этих десяти приходах с 8 сентября 1349 года по 11 января 1350 года умерло около 13 180 человек. Считается, что в Престоне и Ланкастере было унесено 3 000 душ, а в Гарстанге - 2 000. Девять приходов объявлены вакантными, три из них - дважды, а часовня Святой Марии Магдалины в Престоне, как утверждается, не обслуживалась в течение семи недель. Приорат Литамы также отмечен как ставший вакантным из-за болезни, [p157] в то время как 80 жителей деревни, по слухам, умерли в то же время[292].

Из патентных списков следует, что Картмельский приор также лишился своего настоятеля, так как 20 сентября 1349 года король разрешил общине приступить к новым выборам[293].

Графства Уэстморленд, расположенные к северу от Ланкашира, и Камберленд, расположенный еще дальше к северу, занимают западную часть Англии до границ Шотландии. В первом из них было около 57 бенефициарных священников, а во втором - около 85. Из этих цифр можно сделать вывод, что приблизительное число священников, погибших во время моровой язвы в этих двух графствах, составляет около 72 человек.

Состояние этого пограничного графства Камберленда было плачевным еще до прихода чумы в округ. В меморандумах того периода содержится множество свидетельств того, что шотландские вторжения привели землю в запустение и сделали ее почти непригодной для жизни. Смертность еще больше усугубляла страдания людей. Немногочисленные *посмертные инквизиции* дают мало сведений, кроме того, что и здесь остро ощущалась нехватка арендаторов.[294] Ревизия счетов Ричарда де Дентона, бывшего вице-шерифа графства, более точна в своих сведениях. Он заявляет, оправдываясь за малочисленность своих отчетов, что "большая часть помещичьих земель, присоединенных к королевскому замку в Карлайле", оставалась до года его отчета, 1354, пустой и невозделанной, "по причине смертельного мора, свирепствовавшего в последнее время в тех краях". Более того, в течение полутора лет после того, как чума прошла, все земли оставались "необработанными из-за отсутствия рабочих и разнообразных арендаторов". Мельницы, рыбные ловли, пастбища и луговые земли не могли быть сданы в аренду в течение этого времени из-за отсутствия арендаторов, готовых взять фермы тех, кто умер от упомянутой чумы." [p158]

Затем Ричард де Дентон представил расписание, которое сейчас можно увидеть подшитым к свитку. В нем указаны статьи снижения арендной платы; например, есть дома, коттеджи и

земли, которые раньше приносили 5 фунтов стерлингов, а теперь - всего 1 фунт; "ферма сада, принадлежащего королю и называемого Королевским мидом, сдается сейчас на 13 шиллингов и четыре пенса меньше, чем раньше", и так далее. Присяжные, призванные рассмотреть эти заявления, пришли к выводу, что Ричард де Дентон доказал их, и вынесли соответствующий вердикт, приведя список арендаторов и добавив: "Указанный Ричард говорит, что все последние упомянутые арендаторы умерли во время упомянутой чумы, и с тех пор все поместья стоят пустыми из-за недостатка арендаторов"[295].

О тех же трудностях, которые преследовали жителей Камберленда в это время, свидетельствует случай с приором Хагхэма, чужого дома, на ферму которого, пока она находилась в руках короля из-за его французской войны, был назначен приор, при условии, что он будет выплачивать епископу Карлайла сумму в размере трех пенсов в день в качестве арендной платы. В это время он не мог получить даже этого с земли и не мог жить из-за дороговизны провизии[296].

Город Карлайл также в 1352 году был в значительной степени освобожден от налогов, потому что "они стали недействительными и более, чем обычно, удрученными из-за смертельной язвы, свирепствовавшей в последнее время в тех краях".

Два оставшихся графства Англии, Дарем и Нортумберленд, не были исключением из общей смертности. В первом из них было около 93 священнослужителей, а во втором - около 72, из чего при обычном подсчете можно вывести число священнослужителей, умерших в это время.

В записях Даремского курсиста этого времени можно [p159] увидеть состояние этих северных графств. Суды Халмота были похожи на суды маноров и проводились уполномоченными, назначенными за большой печатью Даремского пфальца, по свидетельству епископа, для приема сдачи копигольдных земель, улаживания штрафов, споров и вообще для ведения дел, связанных с поместьями. На одном из таких судов Халмота, состоявшемся в Хоутоне 14 июля 1349 года, записано: "что нет никого, кто бы заплатил штраф за землю, которая находится в руках лорда из-за страха перед чумой. И так все объявлены неплательщиками, пока Бог не принесет какое-нибудь средство". В другом суде "все отказались от своих штрафов из-за моровой язвы". В другом, после изложения квитанций, запись добавляет: "И не более того по причине бедности и моровой язвы"; а один арендатор "не желал брать землю каким-либо другим способом, поскольку, даже если он переживет чуму, он категорически отказывается платить штраф". В записях этого периода можно найти множество подобных случаев, а в одном из них отмечается, что "мужчина и вся его семья бежали перед страшной болезнью"[297].

В Нортумберленде положение людей было настолько отчаянным, что в 1353 году более 600 фунтов стерлингов, причитавшихся королю в качестве налогов за пять и двадцать названных приходов, были оставлены на несколько месяцев, поскольку добиваться их уплаты было безнадежно[298].

О Ньюкасле рассказывают ту же историю. "Нам было показано, - пишет король, - в серьезной жалобе жителей Ньюкасла-на-Тайне, что, поскольку очень многие купцы и другие богатые люди, которые обычно платили большую часть десятых, пятнадцатых и других тягот города, умерли во время смертельной моровой язвы, свирепствовавшей в городе в последнее время, и поскольку оставшееся в живых население, которое обычно жило торговлей, из-за упомянутого мора и других неблагоприятных причин в это военное время [p160] так обеднело, что едва хватает на жизнь"[299], они не могут теперь выплатить то, что им причитается.

В Алнвике, еще дальше к северу, чуму можно отнести к весне следующего, 1350 года; по крайней мере, в хронике тамошнего аббатства говорится, что "в 1350 году (который для них начался 25 марта) Джон, аббат Алнвика, умер от общей смертности"[300] Наконец, два современных автора утверждают, что шотландцы перенесли болезнь через границу в свою страну. "Шотландцы, - пишет Найтон, - услышав о жестоком море среди англичан, решили, что это случилось с ними как кара Божья. Они смеялись над своими врагами и приняли за клятву выражение: "Да будет поганая смерть Энгелонда", и, думая, что страшный суд Божий обрушится на англичан, они собрались в лесу Селкирк с намерением вторгнуться в Англию. Однако страшная смерть настигла их, и шотландцы были рассеяны внезапной и жестокой смертью, а всего за короткое время умерло около пяти тысяч человек"[301].

Рассказ об этом визите, приведенный в продолжении хроники, написанной, вероятно, в то время и, возможно, монахом из Тайнмута, может вполне завершить этот обзор хода эпидемии в Англии; он рассказывает все ту же историю и звучит как эхо простецов, впервые поднятых в Европе на берегах Босфора и на островах Средиземноморья. "В год Господа нашего 1348, в месяце августе, - пишет этот летописец, - в Англии начался смертельный мор, который за три года до того начался в Индии, затем распространился по всей Азии и Африке, а придя в Европу, обезлюдил Грецию, Италию, Прованс, [p161] Бургундию, Испанию, Аквитанию, Ирландию, Францию с ее подвластными провинциями и, наконец, Англию и Уэльс, так далеко, по крайней мере, что касается общей массы горожан, деревенских жителей и бедняков, но не принцев и дворян.

"Настолько, что очень многие провинциальные городки и кварталы бесчисленных городов остались совсем без жителей. Церквей или кладбищ, освященных ранее, не хватало для умерших; но новые места за пределами городов и поселений были в то время посвящены для этого народом и епископами. А упомянутая смертность была настолько заразной в Англии, что едва ли кто-то оставался в живых в любом доме, куда бы она ни проникла. Поэтому бегство рассматривалось большинством как надежда на безопасность, хотя такие беглецы в большинстве своем не избегали смерти от этой заразы, хотя и получали некоторую отсрочку приговора. Ректоры и священники, а также монахи, исповедующие больных, выслушивая исповеди, настолько заражались этой заразной болезнью, что умирали быстрее, чем их кающиеся; и родители во многих местах отказывались от общения со своими детьми, а муж с женой"[302].

ССЫЛКИ:

[229] *The Coming of the Friars*, pp. 166-261.

[230] Ниже приводится таблица институтов за четыре месяца:...

1349.

Апрель. Май. Июнь. Июль.

23 74 139 209

[231] *Ibid.*, p. 200.

[232] *Ibid.*, p. 203.

[233] Blomefield, *History of Norfolk* (folio ed.), ii, p. 681.

[234] F. Seebohm, *The Black Death and its place in English History* (в *Fortnightly Review*, Sept. 1st, 1865).

[235] Fuller, *Worthies*, ed. Nicholas, ii, p. 132.

[236] Ed. Nasmith, p. 344.

[237] Профессор Сибом считает, что население Ярмута до 1349 года составляло, вероятно, 10 000 человек. Это кажется слишком низким. В нем было 220 кораблей.

[238] R. O., Rot. Claus., 26 Ed. III., m. 5d. Это повторяется дважды в следующем году.

[239] B. Mus. Cole MS., 5,824, fol. 73. Выдержки из Reg. Lisle.

[240] *Ibid.*, fol. 76.

[241] В следующей таблице приведены данные по некоторым месяцам.

1349.

Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.
6	8	19	25	13	6	7

Общее число бенефиций в епархии на тот момент составляло 142.

[242] Cole MS., *ubi supra*.

[243] В Bentham, *History of the Cathedral Church of Ely*, i, p. 161, есть следующая запись: Register L'Isle, fol. 17-21. Hinc obiter notandum duxi, numerum clericorum parochialium in tota Diocesi Elien. hoc tempore fuisse 145, aut circiter; ex hoc autem numero, constat ex Registro 92 Institutiones fuisse infra annum 1349 (anno incipiente 25 die Martii).

[244] Clerical Subsidy, 21/1.

[245] *Six Centuries of Work and Wages*, i, p. 223.

[246] *Hist. MSS. Comm., Sixth Report*, p. 299. Этот документ датирован 27 мая 1366 г. и, следовательно, может относиться и к последствиям чумы 1361 г.

[247] R. O., Duchy of Lancaster, Mins. Accts., Bundle 288, No. 471.

[248] Именно эта церковь несколько лет спустя была признана находящейся в разрушенном состоянии.

[249] Cole MS., 5824, fol. 81.

[250] R. O., Originalia Roll, 23 Ed. III., m. 6. Среди счетов министров (Q. R., Mins. Accts., General Series, 874, No. 9) есть набор, относящийся к поместью Рэмси в это время. Сообщается, что "многие владения туземцев" находятся в руках "из-за моровой язвы", а в одном месте "22 виргата земли" по той же причине.

[251] R. O., Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III., No. 88.

[252] Следующая таблица покажет количество институтов в Нортгемптоншире за некоторые месяцы; до мая и после октября 1349 г. зарегистрировано около 34 институтов: -.

1349.

Май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.
8	15	25	36	10	7

- [253] R. O., Rot. Pat., 28 Ed. III., pars 1, m. 16.
- [254] R. O., Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III., No. 88.
- [255] Escheator's Inq. p. m., Series i, File 201.
- [256] Twysden, *Historiæ Anglicanæ Scriptores Decem*, col. 2699.
- [257] Rymer, *Fœdera*, v, p. 729.
- [258] R. O., Escheator's Inq. p. m., 23 Ed. III., Series i, file 240.
- [259] Originalia Roll, 25 Ed. III., m. 11.
- [260] Следующая таблица дает представление о количестве институтов в епархии Херефорда за несколько месяцев:
- 1349.
Май.	Июнь.	Июль.	авг.	сент.	окт.
13	14	37	29	27	13
- [261] Per. Trileck, fol. 103.
- [262] Owen and Blakeway, *Shrewsbury*, i, p. 165.
- [263] *Ibid.* Инквизицию можно найти в Бюро записей; Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III., No. 78.
- [264] Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III., No. 79.
- [265] B. Mus. Harl. MS. 2071, ff. 159-160.
- [266] R. O. Clerical Subsidy, 51 Ed. III., 15/2.
- [267] R. O., Q. R. Mins. Accts., Bundle 801, No. 14.
- [268] *Ibid.*, No. 4.
- [269] *Notes on the Churches of Derbyshire*. Introduction, p. viii.
- [270] R. O., Q. R. Mins. Accts., Bundle 801, file 3.
- [271] Seebohm, *Black Death*, in *Fortnightly Review*, Sept. 1, 1865, p. 150.
- [272] Vatican Archives, Reg. Pontif., Rubrice Litterarum Clem. VI.
- [273] *Chronicon de Parco Lude* (Lincoln Record Society), pp. 38-39.
- [274] R. O., Rot. Claus., 24 Ed. III., m. 7.
- [275] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 25 Ed. III.
- [276] *Ibid.*, 28 Ed. III., Троицкий семестр.
- [277] Raine, *Historical Papers from Northern Registers* (Rolls series), p. 395.
- [278] *Ibid.*, p. 399.
- [279] Seebohm, *Fortnightly Review*, Sept. 1st, 1865.

[280] Джозеф Хантер, *деканат Донкастера*. В следующей таблице приведены сведения об учреждениях в этом деканате за некоторые месяцы 1349 года.

1349.

Июль. авг. сент. окт. ноябрь. Дек.

2 3 7 7 3 4

[281] B. Mus. Harl. MS., 6971, fol. 110b.

[282] Raine, *Historical Papers from Northern Registers*, p. 491.

[283] *Chronicon Monasterii de Melsa* (Rolls series), iii, 37.

[284] Ср. например, Mins. Accts. Yorks., Holderness, 23-25 Ed. III., Bundle 355.

[285] R. O., Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III., 1-я серия, № 72. Ср. также № 88.

[286] Rot. Pat., 28 Ed. III., pars 1, m. 3.

[287] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 25 Ed. III.

[288] Hunter, *Deanery of Doncaster*, i, p. 1. *Посмертное инквизиционное дело Джона Фиц-Вильяма* датируется 1350 годом.

[289] *Ibid.*, ii, p. 125.

[290] Rot. Pat., 27 Ed. III., pars 1, m. 18.

[291] R. O., Clerical Subsidy, 15/2.

[292] R. O., Exchequer, Treasury of Receipt 21a/3, в *English Historical Review*, v, p. 525 (июль, 1890).

[293] Rot. Pat., 23 Ed. III., pars 3, m. 25.

[294] Например, Escheator's Inq. p. m., series i, 430.

[295] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 28 Ed. III., m. 9.

[296] R. O., Rot. Claus., 25 Ed. III., m. 16.

[297] R. O., Durham Cursitor Records, Bk. ii, ff. 2b, *seqq.*

[298] Rot. Claus., 27 Ed. III., m. 10d.

[299] Rot. Claus., 24 Ed. III., pars 2, m. 5.

[300] B. Mus. Cott. MS., Vitell., E. xiv, fol. 256.

[301] Д-р Крейтон (*История эпидемий в Британии*, стр. 119), говоря о Шотландии, говорит: "Зимние холода, должно быть, сдерживали ее в отношении остальной части Шотландии; ибо из Фордуна ясно, что ее великий сезон в этой стране в целом пришелся на 1350 год."

[302] B. Mus. Cott. MS., Vitell., A. xx, fol. 56.

ГЛАВА IX. ОПУСТОШЕНИЕ СТРАНЫ.

До сих пор ход эпидемии в Англии был прослежен с юга на север. Теперь необходимо рассмотреть некоторые статистические данные и непосредственные результаты чумы.

Епархия Солсбери включала в себя три графства - Дорсет, Уилтс и Беркшир. Общее число назначений, произведенных епископом во всей епархии, составило 202 в период с 25 марта 1348 года по 25 марта 1349 года; и 243 за то же время в следующем году.^[303] Из этого общего числа в 445 человек можно с уверенностью сказать, что две трети были назначены на вакансии из-за чумы. Таким образом, грубо говоря, в этих трех графствах, входящих в Сарумскую епархию, жертвами чумы стали по меньшей мере около 300 бенефициарных священников.

Для начала можно рассмотреть графство Дорсет. Список учреждений, взятый из епископальных реестров Солсбери, приведенный в "Истории графства" Хатчинса, насчитывает 211. Во время эпидемии чумы в девяноста из них произошла смена настоятеля, так что, по приблизительным подсчетам, около половины благотворительных учреждений оказались вакантными. Кроме того, в нескольких случаях во время эпидемии изменения фиксируются дважды или трижды, так что общее число учреждений, созданных в дорсетширских ливреях в это время, составило 110. Что касается духовенства, не получающего пособия, светского и регулярного, то его соотношение с теми, кто владеет бенефициями, будет рассмотрено в [р163] заключительной главе. Здесь же достаточно заметить, что обычно предлагаемая пропорция слишком мала.

Почти случайно мы получили какую-либо информацию о влиянии посещений в религиозных домах. Все современные авторитеты, как за рубежом, так и в Англии, сходятся в том, что болезнь всегда была наиболее вирулентной и быстро распространялась там, где собиралось множество людей, и что, однажды захватив какой-либо дом, она обычно уносила много жертв. Поэтому, когда выясняется, что в начале ноября 1348 года умер аббат Абботсбери, а около Рождества того же года скончался Джон де Хентон, аббат великого монастыря Шерборн, более чем вероятно, что многие из братии этих монастырей также были унесены бедствием.

В графстве Уилтс среднее число епископальных учреждений за три года до и три года после смертельного случая составляло всего 26. В 1348 году в реестрах записано 73 учреждения, а в 1349 году - не менее 103,^[304] так что из 176 вакансий, заполненных за эти два года, смерть лишь 52 инкубентов, вероятно, была вызвана обычными причинами, а остальные, или около 125 священников, занимавших благочиния в графстве, можно сказать, умерли от чумы.

Случайная запись в Патентном списке раскрывает состояние одного монастыря в этом графстве. Настоятель Эдероса, или Айвичерча, дома августинских каноников, умер 2 февраля 1349 г.^[305] 25 февраля королю сообщили, что смерть унесла всю общину за одним-единственным исключением. "Знайте, - говорится в письме короля от 16 марта, - что поскольку преподобный отец Роберт, епископ Солсбери, не может провести обычные выборы настоятеля в монастыре Эдерос в своей епархии, освободившемся после смерти последнего настоятеля, поскольку все остальные каноники того же дома, в котором до сих пор [р164] была община из тринадцати регулярных каноников, умерли, за исключением только одного каноника, брата Джеймса де Грандвелла, мы назначаем его хранителем владений, епископ свидетельствует, что он является подходящим и надлежащим человеком для этой должности."^[306]

Общее состояние графства Уилтс после того, как эпидемия миновала, хорошо иллюстрируют некоторые *посмертные инквизиции* Уилтшира. Сэр Генри Хьюзи, например, умер 21 июня 1349 года. Он владел небольшим поместьем в графстве. Около 300 акров пастбищ были возвращены под присягой присяжными из окрестностей как "не представляющие ценности, потому что все арендаторы умерли"[307] И снова Джон Лестрандж из Уитчерча, шропширский джентльмен, владел половиной поместья Броутон в графстве Уилтс. Он умер 20 июля 1349 года, а инквизиция состоялась 30 августа. В то время было объявлено, что от одного арендатора было получено всего семь шиллингов в качестве арендной платы, "и не больше в этом году, потому что все остальные арендаторы, а также местные жители умерли, а их земля находится в руках лорда"[308].

Так и в поместье Калестон, принадлежавшем Генри де Вилингтону, который умер 23 мая 1349 года, говорится, что водяные мельницы разрушены и не стоят; из шести местных арендаторов двое умерли, а их земли перешли в руки; а из десяти коттеджей, каждый из которых платил по 12 д. за свое владение, четверо были уведены со всей семьей.[309] В других местах того же графства лес объявлен бесполезным, "из-за отсутствия покупателей, по причине моровой язвы среди населения";[310] с арендаторов, которые раньше платили 4 фунта в год, теперь получают только 6 с., потому что все свободные арендаторы, кроме трех, были сметены;[311] 140 акров земли и двенадцать коттеджей, которые раньше занимали [p165] уроженцы поместья, теперь все в руках, "поскольку все умерли".[312] Так и в Ист-Гринстеде, в семи милях от Солсбери, после смерти Марии, жены Стивена де Тамби, в августе 1349 года выясняется, что в поместье осталось только три арендатора, "и не больше, потому что Джон Вейдброк и Уолтер Вейдброк, Стивен и Томас и Джон Керде, Ричард ле Фрер, Ральф Бодде и Томас Кожевник, арендаторы в рабстве", которые владели некоторыми земельными участками, все умерли, и их владения остались в руках лорда манора. Кроме того, в том же поместье Уильям ле Ханакер, Джон Помп, Эдмунд Салеман, Джон Уэрметер и Джон Герде, младший, также были сметены всепроникающим мором.

Подобные примеры позволяют читателю понять ужасную смертность, вызванную этим визитом, и в какой-то мере оценить социальные трудности и изменения, вызванные внезапным удалением столь большого количества населения из всех уголков страны.

Перейдем к соседнему графству Сомерсет. Данные, приведенные в епископских регистрах епархии Бата и Уэллса, показывают, что смертность в графстве началась уже в ноябре 1348 года. Среднее число приводов в жилые дома в графстве в каждом месяце 1348 года, до ноября, было меньше трех; в ноябре их было девять, а в следующем месяце - тридцать два. В течение следующего, 1349 года, общее число священнослужителей, поставленных епископом на вакантные места в епархии, составило 232 человека, тогда как в обычный год в среднем 35. Таким образом, за два года, 1348 и 1349, из 297 благочиний, в которые были учреждены должности, около 227, с достаточной долей уверенности, оказались вакантными из-за большой смертности, бушевавшей в то время в этом и других графствах Англии.

Следует помнить, что смерть каждого священника влекла за собой смерть очень многих его прихожан, так что [p166] если бы не было другой информации, можно было бы получить некоторое представление о масштабах болезни среди мирян. Нельзя не поверить, что люди в целом страдали так же сильно, как и духовенство, и что пропорционально столько же их стало жертвами этого бедствия. Если соотношение священников и мирян было тогда (как предполагают некоторые авторы) примерно один к пятидесяти - оценка, однако, кажется значительно превышающей реальное соотношение мирян и тех, кто был в священных орденах в то время, - читатель может легко составить представление о страшной смертности среди жителей Сомерсетшира в первой половине 1349 года.

Однако в одном или двух случаях можно получить небольшую информацию о фактическом состоянии графства. В каждом поместье по всей стране периодически проводился так называемый суд поместья. На этом собрании дела поместья, касающиеся арендаторов, рассматривались перед избранным и присяжным жюри. Держатели земли под властью лорда манора являлись в суд, чтобы потребовать свои владения и земли в качестве законных наследников умерших арендаторов, а также чтобы заплатить хериоты или штрафы, причитающиеся лорду при каждом вступлении нового держателя. На этом собрании должностные лица манора разбирали также полицейские дела, нарушения местных обычаев, а зачастую и споры между самими арендаторами. Записи о делах таких судов известны как судебные списки, и эти документы дают некоторую информацию о масштабах смертности среди арендаторов манориала. Однако здесь, как и в случае с институтами духовенства, где регистрируется только фактический служитель и не учитывается большая часть духовенства, не получающего пособия, так и в Судебном списке указывается только фактический владелец земли, и не учитываются члены его семьи или другие лица в округе, такие как рабочие, слуги и т.д., которые не являлись фактическими арендаторами манора.

К сожалению, судебные списки за этот период часто, если не вообще, оказываются отсутствующими. Они либо утеряны, либо дезорганизованное состояние страны, вызванное [p167] большой смертностью, не позволило провести суд. Тем не менее, этих записей вполне достаточно, чтобы составить достаточно хорошее представление о том, что должно было происходить в целом по стране. Д-р Джессопп смог, используя списки Норфолкского суда, представить своим читателям яркую картину разрушений, вызванных чумой в Восточной Англии. В качестве иллюстрации можно привести некоторые заметки из нескольких судебных списков маноров Западной Англии.

Записи королевского поместья Гиллингем в графстве Дорсет показывают, что на суде, состоявшемся в "среду, следующую за праздником Святой Люсии (13 декабря) 1348 года", были выплачены хериоты за смерть примерно двадцати восьми арендаторов, а общая сумма поступлений по этому счету, которая в обычных судах составляла всего несколько шиллингов, составила 28 фунтов 15 шиллингов. 8d. Кроме того, на тех же заседаниях судебный пристав отмечает, что у него в руках находятся земли и поместья примерно тридцати арендаторов, которые, очевидно, не оставили наследников, чтобы унаследовать свои владения. В ряде случаев заявляется, что гериот не был выплачен, и это при том, что поступления по этому счету на заседании суда и на многих последующих заседаниях необычайно велики. На другом суде, состоявшемся в начале следующего года (1349), имена двух с половиной двадцати арендаторов поместья были записаны как умершие, а на двух больших листах пергамента, принадлежащих суду, состоявшемуся 6 мая, приведены списки умерших арендаторов. Так, в одном только тинге Гиллингем зарегистрировано сорок пять смертей, а в соседнем тинге Буртон - семнадцать[313].

Следующий пример можно взять из списков уилтширского поместья, и, возможно, его следовало бы привести в рассказе о чуме в этом графстве. 11 июня 1349 года состоялся суд в Стоктоне, примерно в семи милях от Уорминстера, следовательно, на небольшом расстоянии от [p168] границ Сомерсета. Поместье, надо заметить, было, очевидно, совсем небольшим. В пергаментной записи говорится, что с предыдущего Мартинмаса (11 ноября 1348 года) суд не проводился, а из записей в списке следует, что из небольшого числа арендаторов в этом поместье умерло четырнадцать человек. Сколько их было в каждом доме, конечно, не сообщается, но в большинстве случаев все выглядит так, будто умерший арендатор не оставил после себя наследников[314].

Третий пример взят из судебного списка поместья Чедзой, расположенного недалеко от Бриджуотера. Чума появилась в Бриджуотере, как уже говорилось, за некоторое время до 21 ноября 1348 года. Поэтому следовало ожидать, что в списках поместья, расположенного всего в трех милях от него, будут обнаружены признаки смертности среди арендаторов примерно в тот же период. На самом деле, если взглянуть на пергаментную запись суда, состоявшегося в день святой Катерины, 25 ноября 1348 года, то можно сделать вывод, что болезнь проявилась в период между 29 сентября и 25 ноября. В этот последний день несколько арендаторов поместья были отмечены как умершие, а три или четыре довольно крупных владения перешли в руки лорда поместья, причем наследников не нашлось. Среди прочих, некий Уильям Хэммонд, арендовавший и работавший на водяной мельнице в местечке под названием *Ле Слэл*, был унесен болезнью. Дом, как отмечается, с тех пор, вплоть до даты суда, стоял пустым. Мельничное колесо больше не вращалось, так как Уильям Хэммонд, мельник, не оставил никого, кто бы сменил его на этом посту.

Но это было только начало. Следующий суд состоялся в четверг после Богоявления, 8 января 1349 года. Каким ужасным было Рождество для жителей сомерсетских деревень, расположенных в низинах около Бриджуотера, затопленных и затопленных в результате долгих месяцев непрекращающихся дождей! Еще по меньшей мере двадцать арендаторов отмечены в [p169] списке как умершие, и поскольку в этом случае указаны реальные дни их смерти, очевидно, что чума унесла много жертв в этом районе в конце декабря 1348 года.

Между этим и 23 марта 1349 года болезнь достигла наивысшей точки в этом поместье Чедзой. Запись заседаний суда, состоявшегося в "понедельник после праздника святого Бенедикта" 1349 года, занимает две длинные шкуры пергамента, исписанные с обеих сторон. Около 50 или 60 штрафов выплачивают новые арендаторы, вступая во владение землями и домами, которые принадлежали другим, ныне умершим и ушедшим. И опять же, кто может сказать, сколько человек погибло в каждом доме? Одно совершенно ясно. В одной-единственной деревне Сомерсета многие дома остались пустыми, без единого жильца; многие из них заняли новые жильцы, не связанные со старым хозяином; и не в одном случае люди взялись опекать маленьких детей, которые, судя по всему, остались одни в этом мире из-за смерти всех близких родственников. Приведем один пример. В этом суде некий Джон Крэн, который, кстати, занял дом и земли, ранее принадлежавшие его отцу, который, как говорят, умер, также согласился с представителем суда взять на себя заботу об Уильяме, сыне Николаса атте Слоупа, поскольку упомянутый Николас и, по-видимому, все остальные ближайшие родственники мальчика Уильяма погибли от болезни.

В этом же суде 23 марта было рассмотрено несколько судебных дел, поскольку они были решены в связи со смертью одной или обеих сторон. Так, в январе 1349 года на заседании суда был подан иск против некоего Джона Лагера о возврате некоторого количества скота тремя арендаторами, Уильямом, Джоном и Роджером Ричманом. На мартовском заседании суда в положенный срок дело было рассмотрено. Однако истцы не явились, и в результате дознания выяснилось, что все трое умерли во время моровой язвы.

Фактический документ, содержащий эти сведения, имеет, кроме того, свою собственную историю. Длинные записи [p170] на этих двух листах пергамента написаны не одной и той же рукой. Прежде чем все записи о тяжелых делах, совершенных в этом суде, были переписаны, сменился секретарь. Рука, которая так долго вела протоколы этих помещичьих судов, перестала писать. Что с ним случилось? Неужели он тоже умер? Конечно, ничего нельзя знать наверняка, но нетрудно предположить, почему именно в это время другой человек взялся за составление записей Чедзойского поместья[315].

Еще одно представление о том, в какое запущенное состояние привела страну эта пагубная болезнь, дает случай с Хинтоном и Уизамом, двумя сомерсетскими домами карфузианцев. Король всеми силами старался удержать выживших после чумы арендаторов от того, чтобы они покидали свои старые владения и искали другие, где им было бы лучше. Было приказано не только налагать штрафы на тех рабочих и арендаторов, которые пытались воспользоваться рыночным ростом заработной платы, но и запретить землевладельцам предоставлять им работу. То, что такой закон должен был оказаться тяжелым для владельцев поместий, в которых некоторые или все арендаторы и работники умерли, очевидно. Именно эти трудности через несколько лет после эпидемии, в 1354 году, заставили картузианцев из Уизама просить о смягчении королевского указа. "Наши возлюбленные во Христе настоятель и братья Картузианского ордена в Уизаме, в графстве Сомерсет, - говорится в ответе короля, - подали нам прошение, что поскольку их упомянутый дом и все принадлежащие им земли и владения находятся вблизи леса Селвуд, расположенного далеко от любого города, и они не имеют никаких владений за пределами упомянутой территории, им не на что содержать настоятеля и его братьев," (и это) "как потому, что почти все их слуги и прислуга умерли во время последней моровой язвы, так и потому, что в силу повеления, недавно сделанного нами и нашим парламентом, в котором, *в частности*, приказано, чтобы слуги не покидали свои деревни и приходы, в которых они живут, пока их можно нанять там, они были приведены в большую нужду из-за отсутствия слуг и рабочих. Кроме того, значительная часть их земель (по этой же причине) остается пустой и необработанной, а кукуруза в остальных их владениях, которая была посеяна во время жатвы, жалко сгнила, так как ее нельзя было собрать за неимением жнецов. Этим они были доведены до большой и явной нищеты". Поэтому, рассмотрев обстоятельства, король разрешает им в будущем нанимать слуг и рабочих за разумную плату, превышающую установленную законом сумму, при условии, что срок их службы в другом месте истек[316].

Второй случай зафиксирован в следующем, 1355 году, и связан с трудностями, вытекающими из тех же постановлений о найме рабочих:- "Настоятель и братья Картузианцев из Хинтона, в графстве Сомерсет, подали нам прошение, - говорит король, - что, учитывая, что они не имеют никакой поддержки, кроме обработки своих земель, и что большая часть их владений, из-за отсутствия рабочих и слуг со времен последней моровой язвы, не используется и все еще остается невозделанной, и что они не могут получить никаких рабочих, чтобы обрабатывать свои земли," (и далее) "что поскольку многие люди и арендаторы имели обыкновение ткать шерстяные ткани для одежды братьев из их шерсти и оказывать им другие различные услуги, то теперь, опасаясь наших распоряжений относительно слуг, чтобы они не получали от упомянутых братьев больших жалований и стипендий, не осмеливаются служить им, как прежде, и поэтому покидают свои жилища, так что братья не могут получить ткани, чтобы одеть себя должным образом", они просят, чтобы эти распоряжения были смягчены в их отношении. Король удовлетворил это прошение, разрешив [p172] карфузианцам из Хинтона выплачивать жалование, как они привыкли это делать[317].

Епархия Эксетера, включающая в себя два графства - Девон и Корнуолл, была поражена болезнью, по-видимому, примерно в то же время, что и графство Сомерсет. В январе 1349 года епископ этой епархии принял около 30 учреждений, что свидетельствует о том, что среди духовенства уже было много смертей. В среднем за восемь лет, предшествовавших 1348 году, в двух графствах ежегодно освобождалось всего 36 мест. В 1349 году вакансий было 382, а количество назначений на вакантные места в каждый из пяти месяцев с марта по июль было больше, чем в среднем за год. Таким образом, получается, что в 1349 году около 346 вакансий можно с полным основанием приписать преобладающей болезни.

Если просмотреть списки учреждений, то становится очевидным, что влияние болезни ощущалось в течение нескольких лет. Только в 1353 году снова достигается нормальный средний уровень. В год после эпидемии число заполненных вакансий составило 80, и даже в 1351 году оно оставалось на высоком уровне - 57. Любопытно отметить, что в эти годы к епископу перешло множество бенефиций. Они должны были оставаться вакантными не менее полугода до тех дат, когда их заполнял епископ Грандиссон. Иногда, несомненно, покровители умирали, не оставляя после себя наследников. Иногда, по всей вероятности, патрон не мог найти никого, кто мог бы занять место кюре. Кроме того, количество отказов от благодеяний в этот период, по-видимому, указывает на то, что многие состояния теперь были слишком бедны, чтобы позволить себе простое содержание.

После окончания болезни здесь, как и в других частях Англии, о запустении и бедственном положении свидетельствуют случайные упоминания в инквизициях. Так, в Лидфорде, поместье в Дартмуре, королевский эсквайр оценивает стоимость мельницы [p173] в пятнадцать шиллингов, вместо прежней стоимости в два раза больше, потому что "большинство арендаторов, которые мололи на ней кукурузу, умерли от чумы". То же самое происходит и в других местах графства, а в одном случае названо 30 владений, перешедших в руки лорда манора[318].

Пачка счетов герцогства Ланкастерского дает хорошее представление о последствиях моровой язвы в Корнуолле. Счет ведется за год, начиная с 1350 года, и включает в себя счета нескольких поместий в деканате Тригга, таких как Хелстон, Тинтагель и другие, расположенные в районе реки Кэмел. В одном из них отмечается, что "в этом году нет покупателей"; в другом только двое молодых людей платят налог, еще двое не платят, так как получили в управление какую-то землю, "а остальные умерли во время моровой язвы". В том же месте пастбище, которое обычно сдавалось за 3 с. 4 д., теперь, "из-за моровой язвы", стоит всего 20 д.; названы владения пяти арендаторов, а также девять других владений и 214 акров земли. В другом месте арендная плата уменьшилась на 7 фунтов 14 шиллингов, потому что 14 владений и 102 акра земли находятся в собственности, вместе с двумя мельницами; с другой стороны, кредит выдан на 8 шиллингов. 11d., стоимость имущества и вещей умерших уроженцев поместья. И так далее по счетам двенадцати или четырнадцати маноров, и везде одна и та же история запустения. Помимо многочисленных владений и сотен акров, представленных как находящиеся под рукой и ничего не производящие, целые деревни названы обезлюдевшими. Снижение арендной платы только в одном поместье составляет 30 фунтов 6 шиллингов. 1-3/4d.

К счету Хелстона, в Тригге, приложен скин с перечнем товаров и имущества разных арендаторов, которые лорд Принс "занял". В этом списке 57 позиций, включающих товары самого разного рода, от женского платья и золотой пряжки до плугов и [p174] медной посуды; общая стоимость товаров, попавших в руки Черного Принца, предположительно в результате смерти его арендаторов без наследников, составляет £16 18s. 8d.

В Тинтагеле отмечается, что "пятьдесят шиллингов, которые ранее ежегодно выплачивались в качестве жалованья капеллану, служившему в часовне, не были выплачены в этом году, потому что никто не остался служить там за указанное жалованье"[319].

29 мая 1350 года Черный принц, учитывая великое бедствие во всем округе, уполномочил своих чиновников отменить четвертую часть ренты оставшихся арендаторов, "опасаясь, что они из-за бедности покинут свои владения"[320]. Но Джон Тремейн, управляющий доходами принца в Корнуолле, утверждает, что даже в 1352 и 1353 годах, когда поместья там еще не пришли в порядок, они находились в еще более плачевном состоянии. "В течение указанных

двух лет, - пишет он, - он не мог ни сдать (земли) в аренду, ни выручить, ни получить что-либо с указанных земель и наделов, потому что указанные наделы по большей части оставались незанятыми, а земли пустовали из-за отсутствия арендаторов (вместо тех), кто умер во время смертельного мора, свирепствовавшего в последнее время в указанном графстве"[321].

Утрата епископских реестров Лондона за этот период не позволяет составить сколько-нибудь определенную оценку смертности в рядах столичного духовенства во время эпидемии. В то время Лондон содержал в своих стенах около 140 приходских церквей, не считая большого количества религиозных домов, сгруппированных в его окрестностях. Небезосновательно предполагать, что смертность здесь была выше, чем в других местах. Население тесно сгрудилось на узких улицах, религиозные дома были исключительно многочисленны, и многие из них, в силу своего расположения, могли занимать очень мало места. Мы уже видели, насколько фатальным было проникновение [p175] чумы в любой дом, и поэтому доля смертей среди регулярных священников в Лондоне, несомненно, была больше, чем в других местах, хотя другие причины, должно быть, также способствовали увеличению числа смертей среди светских людей[322].

Лондонская епархия включала в себя, наряду с Мидлсексом, графство Эссекс и часть Хартфордшира. Число бенефиций графства Эссекс составляло около 265, и, как и фактические учреждения мидлсекского духовенства в этот период, те, что были сделаны в графстве Эссекс, неизвестны. К июлю 1349 года последствия бедствия отчетливо видны в *посмертных отчетах инквизиции* по этому графству. В одном из поместий десять акров луга, которые раньше сдавались в аренду за двадцать шиллингов, в этом году принесли лишь половину этой суммы "из-за общей моровой язвы". По той же причине пахотная земля упала в цене, а водяная мельница простаивала, так как не было мельника. В другом месте 140 акров пахотной земли лежали впустую. "Ее вообще нельзя сдавать в аренду, - говорит инквизиция, - а если бы можно было сдать, то она стоила бы всего одиннадцать шиллингов и шесть пенсов", вместо двадцати трех шиллингов. Здесь же пастбища упали в цене на пятьдесят процентов, а вырубленный лес нельзя было продать. Так же и в поместье близ Малдона, в этом графстве, цены упали до половины прежней стоимости, и здесь дополнительно сообщается, что из одиннадцати коренных арендаторов поместья восемь умерли, а их владения и земля остались в руках. И так во всех случаях: арендная плата из-за катастрофы упала наполовину. Пашни, луга и пастбища можно было получить в этом году в Эссексе где угодно по такой цене. Не меньше упали и другие доходы от недвижимости. В одном месте судебные пошлины составляли три шиллинга вместо обычных шести, а голубятня в поместье [p176] приносила один шиллинг вместо двух. Водяные мельницы были еще более дешевыми. Одна из них, в местечке под названием Лонгфорд, была оценена в двадцать шиллингов вместо шестидесяти, и даже при таком снижении есть большие сомнения, будет ли она вообще сдаваться в аренду.

И наконец, еще один пример в графстве Эссекс. Было проведено расследование по поводу земель, принадлежавших аббату Колчестера, который умер 24 августа 1349 года. Из него выяснилось, что в поместьях Ист и Вест Денни 320 акров пахотной земли подешевели с четырех до двух пенсов за акр; 14 акров луга - с 18 до 8 д.; лес не имеет ценности, "потому что нет покупателей", а из шести местных арендаторов двое умерли. В другом месте четверо из шести были унесены; в другом из семи осталось только двое. Арендная плата за ассиз, как утверждается, составляет всего 4 фунта, "и не больше, потому что большая часть земли находится в руках"[323].

Не сохранилось никаких сведений о разрушительных действиях моровой язвы в Колчестерском аббатстве; но смерть аббата в это время позволяет предположить, что

болезнь была здесь столь же разрушительной, как и в других монастырях, о которых сохранились какие-либо сведения. Известно, что город значительно пострадал. "Одним из самых поразительных последствий было то, - пишет один автор, - что завещания на необычное число 111 были зарегистрированы в Колчестере, который в то время обладал привилегией их удостоверения и регистрации"[324].

Талкли, чужой приор в Эссексе, был доведен до полного разорения. Это была келья аббатства Святого Валерия в Пикардии, и когда она перешла в руки короля из-за войны с Францией, настоятелю было позволено сохранить земли при условии, что он будет платить 126 фунтов стерлингов в год в королевский кошелек. Через два года после того, как графство посетила чума, этот платеж стал недоимкой, "по причине моровой язвы, свирепствовавшей в последнее время, с тех пор указанные земли [p177] оставались невозделанными, а владения, из которых извлекались доходы приората, оставались незанятыми после смерти арендаторов". Оно так страшно обеднело, что ему не на что жить, а из-за недоимок никто не желает арендовать земли и поместья приорства". В конце концов король был вынужден простить задолженность по арендной плате[325].

В графстве Хартфордшир 34 бенефиция находились в епархии Лондона, а еще 22 - под юрисдикцией епископа, но составляли особенность аббатства Святого Албана. В обоих случаях, следовательно, фактические учреждения, созданные в год великой чумы, неизвестны. В части, относящейся к епархии Линкольна, летом 1349 года было принято 27 решений, так что, вероятно, в это время умерло не менее 50 хертфордширских священнослужителей.

Стоимость земли и продуктов упала, как и в других местах. В одном случае, приведенном в *посмертном инквизиционном* деле о поместье Томаса Фиц-Юстаса, земли и владения, ранее оценивавшиеся в 67 шиллингов, 3 августа этого 1349 года оценивались всего в 13 шиллингов, и это только "если пастбище можно будет пустить в дело"[326]. Точно так же бенедиктинский монастырь Чешант в графстве вскоре после этого был объявлен "угнетенным такой бедностью в эти дни, что общине не на что жить"[327].

О том, что мор опять привел к нужде и бедности, свидетельствует случай с некоторыми землями в графстве, подаренными сэром Томасом Чедвортом приору Англеси в Кембриджшире. Незадолго до того, как на Англию обрушился бич, было решено, что монастырь за это благодеяние выделит костел из двух светских священников. Однако в 1351 году состояние приорства Англси, вызванное падением арендной платы, сделало это невозможным, и обязательство было скорректировано через епископа, а в новом документе [p178] говорится следующее: - "Внимательно рассмотрев великие и разорительные бедствия, которые произошли из-за огромной смертности людей в наши дни, а именно, что земли лежат без обработки в бесчисленных местах, не мало домов ежедневно ветшают и сносятся, ренты и услуги не могут быть взысканы, ни выгоды от них, не могут быть получены, а прибыль приходится извлекать гораздо меньшую, чем раньше", то община теперь обязана найти только одного священника, чье жалованье должно составлять пять марок в год вместо шести, как было назначено, и стоимость имущества, таким образом, оценивается менее чем в половину от прежней.[328]

В Бакингемшире в то время насчитывалось от 180 до 200 благодеяний, в графстве Бедфорд - около 120, а в Беркшире - 162. На их основе можно подсчитать вероятное число инкумбентов, унесенных болезнью в 1349 году.

В качестве некоторого свидетельства того, до какого состояния эти графства были доведены мором, можно привести петицию шерифа Бедфордшира и Бакингемшира, поданную королю

в 1353 году. Он заявил, что в то время невозможно было вносить в казначейство прежние суммы на земледелие сотен, которые были обычными "до последнего мора". Явившись к королю в феврале 1353 года, он не только настоял на своем прощении, но и потребовал вернуть ему 66 фунтов стерлингов, которые он заплатил сверх своих поступлений. За 1351 и 1352 годы он заплатил 132 фунта, как это было принято с 1342 года; но он утверждал, что "со времен моровой язвы сотенные приставы не желали брать их на таких условиях". В обоих графствах было проведено расследование с участием присяжных, и было объявлено, "что с 1351 года сотенные приставы не могли получить от графства ничего определенного, кроме того, что они могли получить путем вымогательства. Кроме того, жители указанного графства в настоящее время [p179] настолько уменьшились и обеднели, что в том 1351 году судебные приставы не смогли ничего получить за фермы". Точно так же и Джон Частилун, шериф, ничего не получил за свою службу. В конце концов, требуемая сумма была разрешена[329].

В кентерберийской части графства Кент было около 280 бенефиций, и это число может служить основой для подсчета списка умерших. О том, до какого состояния дошла эта часть Англии, можно судить по одному-двум примерам. В 1352 году настоятельница и монахиням дома Святого Иакова под Кентербери было разрешено освободиться от уплаты пятнадцатого налога, пожалованного королем, поскольку они были доведены до такой нищеты, что у них не было ничего сверх необходимого для их содержания.[330] Даже сам соборный приорство Крайстчерч вынуждено было признать себя нищим. Около 1350 года монахи обратились к епископу Рочестера с просьбой передать им церковь Вестерхема, "чтобы помочь им сохранить свое традиционное гостеприимство". Они говорят, что "из-за сильного мора, поражающего людей и животных", они не могут этого сделать, и в качестве аргументов, чтобы побудить епископа разрешить эту растрату, они заявляют, что потеряли 257 волов, 511 коров и 4585 овец, общей стоимостью 792 фунта 12 шиллингов. 6d. Далее они заявляют, что "1212 акров земли, ранее приносившей доход, затоплены морем", очевидно, из-за нехватки рабочих для поддержания морских стен.[331] [p180]

В соседнем графстве Сассекс на момент появления болезни насчитывалось около 320 бенефиций. Из Патентных списков следует, что в 1349 году король пожаловал 26 приходов в графстве; среди них не менее пяти в Гастингсе, приходы Всех Святых, Святого Клементя, Сент-Леонарда и два в Свободной часовне[332].

В Хэмпшире, включая остров Уайт, среднее ежегодное число назначений в бенефиции за три года до моровой язвы составляло 21; в 1349 году зарегистрировано не менее 228 учреждений, так что можно с уверенностью сказать, что болезнь унесла более 200 бенефициарных священников.

В графстве Суррей общее число заведений в 1349 году достигло 92, тогда как ранее оно составляло в среднем чуть более девяти в год, так что здесь, как и в Хантсе, число вакантных мест для проживания в этом году увеличилось в десять раз. Можно с полным основанием утверждать, что из 92 вакансий около 80, по крайней мере, были вызваны эпидемией. Уже приводилось несколько примеров того, какой хаос произвела эпидемия в религиозных домах, в которые она проникла. Если глава общины погибал, то практически наверняка погибали и многие ее члены, и никто из тех, кто изучает факты, не может сомневаться в том, что мор был не только ужасен в то время, но и оказал длительное и постоянное влияние на состояние монастырских домов. Этот факт можно проиллюстрировать на примере некоторых монастырей епархии Винчестера.

В самом городе погибли настоятельница монастыря Святого Свитуна и настоятельница бенедиктинского монастыря Святой Марии, и есть свидетельства того, что большая часть

обеих общин погибла одновременно, как и многие в аббатстве Хайд. Сначала мы рассмотрим собор Святого Свитуна. В 1325 году, за четыре и двадцать лет до великой смертности, монахов в нем было 64 человека.^[333] Из них 12 младших в списке на тот момент еще не получили иподиакона. 34-й по порядку в общине был рукоположен в диаконы 19 декабря 1310 года, и все тридцать ниже него были его младшими. Справедливо считать, что до 1349 года нормальным числом было около 60.^[334] После этой даты их число ^[p181] сократилось до 35-40. В 1387 году Уильям Уайкхемский увещевал общину приложить все усилия, чтобы довести численность до первоначальных 60 членов^[335]; но, несмотря на все старания, после смерти Уайкхема в 1404 году их осталось всего 42. При избрании епископа Уэйнфлета в 1447 году монахов было всего 39, через три года - 35, а в 1487 году их число сократилось до 30, и так продолжалось до окончательного роспуска дома в правление Генриха VIII^[336].

Соседнее аббатство Хайд, дом значительной важности, с общиной, вероятно, от тридцати до сорока монахов, столетие спустя сократилось всего до двадцати. В 1488 году их число возросло до двадцати четырех, причем восемь из них присоединились к общине в течение трех предыдущих лет. В начале XVI века, в 1509 году, община снова состояла из двадцати человек; но накануне окончательного разрушения аббатства появились некоторые признаки восстановления: тогда дом состоял из двадцати шести членов, четверо из которых были послушниками. Дом настолько обеднел из-за последствий большой смертности, что в 1352 году община была вынуждена, чтобы " ^[p182] избежать", как они говорят, "окончательного разрушения своего дома", и "из-за их жалкой бедности и нужды, чтобы облегчить их абсолютную необходимость", передать свое имущество в руки епископа Эдиндона^[337].

Финансовые трудности также захлестнули и едва не привели к разорению бенедиктинский монастырь Святой Марии, который сократился примерно до половины своего прежнего числа. Своим спасением от вымирания они были обязаны тому же щедрому благодетелю, епископу Эдиндону. На самом деле, похоже, что в это время многие, если не большинство, религиозных домов епархии были защищены и поддержаны либеральностью епископа и его родственников, которых он заинтересовал в работе по сохранению от угрозы разрушения этих монастырских заведений. В документе, в котором монахини монастыря Святой Марии признают епископа Эдиндона своим вторым основателем, говорится, что "он считал благочестивым и приятным делом милосердно приходить к ним на помощь, когда их одолевала бедность, а в те дни, когда злодейство росло и мир становился все хуже, они были доведены до необходимости тайного попрошайничества". Именно в это время тот же отец, с оком сострадания видя, что с самого начала наш монастырь был скудно обеспечен землями и имуществом и что теперь мы и наш дом, по бесплодию нашей земли, по уничтожению наших лесов, по уменьшению или отнятию у монастыря должной и назначенной ренты, из-за недостатка арендаторов, унесенных неслыханным и неожиданным мором", пришел к нам на помощь, чтобы предотвратить наше полное разорение^[338].

Шесть месяцев спустя монахини Ромси почти в тех же словах признали свой долг епископу.^[339] Здесь результаты моровой язвы для монастыря, с точки зрения численности, еще более примечательны, чем ^[p183] в уже приведенных примерах. На выборах настоятельницы в 1333 году присутствовало 90 монахинь. В начале мая 1349 года - то есть всего 16 лет спустя - настоятельница умерла, и 7 мая того же года было дано королевское согласие на избрание ее преемницы, Джоан Гернейс.^[340] О том, что произошло с общиной, можно судить по тому, что в 1478 году ее численность сократилась до 18 человек, и она никогда не поднималась выше 25 до своего окончательного пресечения.

Различные группы монахов, должно быть, пострадали так же сильно, как и остальные представители духовенства. Однако очень трудно получить какую-либо определенную информацию об этих мендикантских орденах; но некоторые незначительные указания на то, что в этот период они испытывали недостаток членов, как и все другие организации в Англии, церковные и светские, можно найти в епископских регистрах того периода. Например, в епархии Винчестера у августинцев был только один монастырь - в Винчестере. С сентября 1346 года по июнь 1348 года они представили четырех человек для рукоположения в священники; с этого времени до смерти епископа Эдиндона в октябре 1366 года были рукоположены еще двое, оба 22 декабря 1358 года. У Братьев Меньших было два дома, один в Винчестере, другой в Саутгемптоне; для них в 1347 и 1348 годах были рукоположены три священника. С того времени и до 21 декабря 1359 года никто больше не принимал ордена. Затем двое стали священниками, но больше никаких рукоположений не зафиксировано вплоть до смерти епископа Эдиндона. Такой же необычайный недостаток подданных наблюдается и в случае с кармелитами. У них, между 1346 и 1348 годами, священство приняли одиннадцать человек. Следующий кармелит был рукоположен в декабре 1357 года, а всего за период между великой чумой и концом 1366 года священниками стали только трое. У доминиканцев также был рукоположен только один священник за десять лет, то есть за период с марта 1349 года по декабрь 1359 года.

Из-за смертности, унесшей многих [p184] их арендаторов, и других последствий, связанных со смертностью, приорство Сент-Свитхунса погрязло в долгах. 31 декабря 1352 года епископ Эдиндон решил провести тщательное расследование состояния своего соборного монастыря и обратился с соответствующим письмом к настоятелю и монастырю. В своем письме он сообщает, что слышал, как сильно пострадали монастырские средства "в эти дни, как из-за смерти арендаторов церкви, от чего сильно уменьшилась рента и службы, так и по другим неизвестным причинам, и что он обременен чрезмерными долгами". Поскольку сам он был занят на службе у короля, он предлагает послать несколько офицеров для расследования этих дел и просит оказать им всяческое содействие. Далее он говорит, что ему доложили, "что в этой нашей церкви прежний пыл преданности богослужению и регулярность его соблюдения ослабли"; что монастырь и хозяйственные постройки приходят в упадок; что "гостей там принимают не так почетно, как раньше; чему мы не мало удивляемся, - продолжает он, - и тем более обеспокоены, что до сих пор вы не сообщили нам" об этих вещах. Он назначает 21 января 1353 года началом расследования, а во втором документе называет трех священников, в том числе каноника епархии Сарума и настоятеля Фройла в Хэмпшире, которые будут его проводить[341].

Вскоре после этого, 14 января 1353 года, епископ Эдиндон приказал провести аналогичное расследование о состоянии приорства Крайстчерч, которое также было сильно погрязло в долгах.[342] То, что в доме серьезно уменьшилось число членов, кажется более чем вероятным, если учесть, что со дня чумы до начала 1366 года ни один подданный дома не был рукоположен в священники.

Госпиталь в Сандауне, в Суррее, как уже говорилось, остался без единого заключенного. 1 июня 1349 года епископ, передавая ее на попечение священнику по имени Уильям де [p185] Коултон, говорит: "Поскольку все и каждый из братьев госпиталя благословенной Марии Магдалины в Сандауне, в нашей епархии, которым по вакантной должности приора или опекуна принадлежали выборы, умерли из-за смертности людей, бушующей в королевстве Англии, ни одного из братьев не осталось, упомянутый госпиталь лишился как главы, так и членов."[343]

Известно, что такое же состояние финансового разорения было и в случае с приорством Ширборн. 8 июня 1350 года епископ Эдиндон написал аббату и монастырю Святого Вигора из Серизи, что Ширборн, который, как утверждалось, был зависимым от аббатства, впал в большую бедность. "Жертвоприношения прекратились, и от голода набожность священников ослабла; здания разваливаются, а плодородные поля, с которых теперь уводят рабочих, бесплодны". Он считал, что приорство не может надеяться на восстановление "в их дни", и поэтому, с согласия патрона, он попросил аббата отозвать четырех монахов в аббатство, в котором тогда находились настоятель и семь религиозных. В тот же день настоятелю Ширборна было отправлено письмо, предписывающее немедленно исполнить это распоряжение[344].

Одного факта будет достаточно, чтобы показать, до какого состояния дошла епархия после того, как чума прошла. 9 апреля 1350 года епископ обратился к духовенству с общим наставлением относительно пребывания на излечении. Ему было доложено, что некоторые священники, которым было поручено лечение душ, "пренебрегая, с опасностью для многих душ", этим поручением, "самым постыдным образом отлучались в свои церкви", так что "даже божественные жертвы", для которых эти церкви были построены и украшены, "были оставлены". Священные здания, по его словам, были "оставлены птицам и зверям", они не поддерживали церкви в порядке и не ремонтировали то, что разрушалось, "поэтому общее состояние церквей - это [p186] разруха". Поэтому он приказывает всем священникам в течение месяца вернуться в свои кельи или найти подходящую и достойную замену[345].

В июне того же года (1350) было издано специальное предписание Уильяму Элиоту, настоятелю церкви близ Бейзингстока, немедленно вернуться к своему жилью, поскольку церковь осталась без службы. Месяц спустя, 10 июля 1350 года, епископ опубликовал совместное письмо архиепископа и епископов, предписывающее священникам служить в церквях на прежнее жалованье, и добавил, что каждая приходская церковь должна довольствоваться одним капелланом, "пока те приходские и пребендальные церкви и часовни, которые сейчас или в будущем не обслуживаются, не будут должным образом обеспечены капелланами"[346].

Существует множество свидетельств бед и страданий, на которые были обречены люди в этих краях. Так, например, король, чье сострадание и нежность, кстати, проявляются крайне редко, отменяет 15-й налог, причитающийся ему в случае его арендаторов на острове Уайт. Это он делает, "принимая во внимание различные тяготы, которые" эти арендаторы несли, "за людей и арендаторов наших поместий, ныне умерших, чьи земли и поместья в результате их смерти перешли в наши руки"[347] Взгляд на учреждения благотворительности на острове покажет, что в то или иное время во время распространения чумы почти все жилые помещения становились вакантными, а некоторые и не раз.

Город Портсмут также был вынужден признать свою бедность и попросить отменить налог в размере 12 12 фунтов стерлингов. 2d., поскольку "из-за нападений наших врагов французов, пожаров и других неблагоприятных обстоятельств жители были очень подавлены." [348] То, что "другие неблагоприятные обстоятельства" относятся к запустению, вызванному мором, следует [p187] из другого гранта на восемь лет, предоставленного городу в предыдущем году, поскольку он так обеднел "и из-за мора, и из-за сожжения и разрушения места нашими врагами"[349].

Соседний остров Хейлинг после моровой язвы оказался в еще худшем положении. "Жители Стока, Истстока, Нортвуда, Саутвуда, Менгхема, Уэстона и Хейлинга на острове Хейлинг показали нам, - пишет король в 1352 году, - что они сильно обеднели из-за расходов и тягот,

связанных с обороной острова от нападений французов, и из-за большого истощения их земель в результате набегов моря, а также из-за оставления острова теми, кто должен был нести тяготы на нем. Таким образом, оставшиеся должны были бы платить более чем вдвое больше обычного налога, если бы он взимался сейчас. Кроме того, поскольку большая часть населения острова умерла во время эпидемии чумы, теперь, из-за нехватки слуг и рабочих, жители угнетены и ежедневно впадают в еще большую нищету. Принимая во внимание все это, король приказывает сборщику налогов Саутгемптона не требовать прежней суммы, а довольствоваться лишь 6 фунтами 15 шиллингов. 7-1/4d.[350] Три года спустя приорство Хейлинг, которое, будучи одним из чужеземных домов, находившихся в то время в руках короля, платило большую ренту в королевскую казну вместо того, чтобы отправлять ее в свой иностранный материнский дом, было освобождено королем от уплаты 57 фунтов, поскольку оно было "сильно угнетено в эти дни"[351].

Даже в Винчестере трудности с налогообложением в это время привели к тому, что многие люди покинули город. Горожане, как говорится в документе, относящемся к нему, которые долгое время жили там, "из-за налогов и других тягот, которые теперь давят на них, покидают упомянутый город с имуществом, которое они нажили в этом месте, чтобы не вносить [p188] в упомянутые налоги. И они, переселяясь в другие населенные пункты графства, оставляют упомянутый город безлюдным и без жителей к нашему (т.е. короля) большому ущербу"[352].

Посмертная инквизиция одного из хэмпширских поместий, проведенная в 1350 году, показывает падение цен на земли и продукты после смертельного случая. Восемьдесят акров пахотной земли, которые в обычные времена сдавались за две марки (13 с. 4 д.), теперь приносили только 6 с. 8 д., или только половину, при арендной плате в 1 д. за акр вместо двух пенсов. Такое же падение наблюдается и в арендной плате за луговые земли, которые теперь сдаются по 6 д. вместо шиллинга, и в стоимости леса, 20 акров которого приносят всего 20 д. вместо вдвое большей суммы, которую они приносили раньше[353].

В Суррее та же история. В расследовании, проведенном по поводу земель Уильяма де Гастингса 12 марта 1349 г., говорится, что арендованные в поместье участки приносят только тридцать шесть шиллингов, потому что все арендаторы, кроме жильцов, умерли, "а остальные дома стоят и пустуют из-за отсутствия арендаторов, и поэтому не представляют никакой ценности в этом году". В другом деле водяная мельница была признана присяжными бесполезной, потому что "все арендаторы, которые ею пользовались, умерли". Она оставалась пустой, и никого нельзя было найти для ее аренды. Из земли 300 акров не могут быть сданы в аренду. Суд над поместьем ничего не дал, потому что все умерли, и нет никаких поступлений от свободных арендаторов, которые раньше составляли 6 фунтов в год, "потому что почти все арендаторы в указанном поместье умерли, и их владения остаются пустыми из-за отсутствия желающих их арендовать"[354].

В отсутствие какой-либо определенной информации об институтах духовенства в графстве Глостер, можно приблизительно подсчитать, исходя из количества бенефиций, что от 160 до 170 бенефициантов духовенства в этом округе погибли во время эпидемии. Как и другие религиозные дома, [p189] аббатство Винчкомб обеднело от последствий большой смертности, и несколько лет после этого оно было не в состоянии содержать свою общину и выполнять свои обязательства. "Вследствие недостатков прошлого управления, - говорится в документе, - оно обременено большими долгами, и его состояние по разным причинам настолько плачевно, что необходимо передать опеку над мирским имуществом в руки комиссии", назначенной короной[355].

О том, что это не преувеличенное представление о трудностях, с которыми столкнулись землевладельцы в то время, и что истоки несчастий следует искать в сильном море, может свидетельствовать отрывок из *"Жизни Беркли"* Смита: - "В 23-е число этого короля, - пишет он, - в поместье этого лорда Хейм (в Глостершире) свирепствовала такая чума, что только для сбора кукурузы в этом поместье было нанято столько рабочих, что их число составило 1144 дня работы, и они, умирая, попадали в руки лорда, а то и вовсе оставались им."[\[356\]](#)

Приорство Лантони, расположенное неподалеку от Глостера, оказалось в таком бедственном положении, что община была вынуждена обратиться к епископу Херефордскому с просьбой предоставить им одно из благодеяний в его епархии. По их словам, они были так расположены на большой дороге, что были вынуждены оказывать большое гостеприимство в любое время богатым и бедным. Их имущество, в значительной части, находилось в Ирландии, и его стоимость сильно уменьшилась из-за состояния страны. В это время, 15 октября 1351 года, дом настолько обеднел из-за этого и из-за большого пожара, что без помощи они не могли продолжать свою благотворительность. Ибо "рента приорства и службы, которые арендаторы и местные жители, или крепостные упомянутого дома, живущие в его владениях, имели обыкновение ежегодно и даже ежедневно выплачивать и исполнять для служащих там Богу религиозных деятелей, теперь, из-за моровой язвы и нежданной смертности, которыми был [\[p190\]](#) поражен народ королевства Англия и, как известно, почти уничтожен, большей частью безвозвратно утрачены"[\[357\]](#).

Через несколько лет после того, как чума прошла, в Глостере было проведено расследование состояния приорства Хорслей, в ходе которого выяснилось, что многие арендаторы поместья умерли. В тот период Хорслей был кельей приорства Брутон в Сомерсете, и перед присяжными на этом дознании стоял вопрос о ветхости, причиненной настоятелем или служителем зависимой кельи. Сначала они установили, что все доходы от имений в Хорслее, после того как была выделена разумная сумма на содержание настоятеля и его братьев, живущих в келье, должны выплачиваться в главный дом Брутона. Тогдашний настоятель, некто Генри де Лайл, этого не сделал. Более того, он растратил имущество своего дома, вырубив лес и подлесок и продав скот. Среди прочего он, как утверждается, продал "восемьдесят волов и коров, которые попали в дом как мортиры или хериоты арендаторов, умерших во время сильного мора"[\[358\]](#).

Дагдейл в своей истории графства приводит около 175 списков лиц, занимавших должности в уорикширских ливингах. В 76 случаях отмечается смена в этот период, а в нескольких случаях в течение короткого периода времени новый инкубент назначается в жилой дом более одного раза, так что в общей сложности зафиксировано около 93 учреждений.

Представление о том, до какого состояния дошло графство в целом, дают некоторые *посмертные инквизиции*. В Уэппенбери в Уорикшире сразу после чумы, в 1350 году, три дома, три коттеджа и 20 акров земли были описаны как не имеющие ценности и лежащие пустующими из-за прошедшего мора. В Альчестере, в поместье человека, умершего 20 июня 1349 года, рента не поступает, а аренда остается в руках "по большей [\[p191\]](#) части из-за смерти владельцев". Опять же, в Уилмакоте было проведено расследование по поводу имущества Елизаветы, дочери Джона де Винкота, умершей 10 августа 1349 года. Было объявлено, что мать умерла 10 июня, а дочь - двумя месяцами позже, а большая часть земли перешла в руки владельца "из-за смерти арендаторов во время нынешней моровой язвы"[\[359\]](#).

В поместье одного человека, умершего в декабре 1350 года, значится, что раньше было девять негодяев, каждый из которых обрабатывал полвиргата земли, за что платил восемь шиллингов в год. Пятеро из них умерли, и с тех пор их земли лежат без дела и не обрабатываются. На другом участке того же поместья двое из четырех арендаторов, имевших по шесть акров земли, были лишены земли.

В поместье Уитчерч, принадлежавшем Маргарет де ла Беш, которая умерла в октябре чумного 1349 года, отмечается, что судебных пошлин нет, поскольку все наделы находятся в руках. А в мае 1351 года о другом поместье в Оксфордшире говорится, что восемь претендентов из восемнадцати умерли, и никто не собирается брать землю; в то же время из шести местных арендаторов, которые заплатили по 14 шиллингов, трое умерли, и их земля с тех пор остается необработанной[360].

Можно привести один или два примера трудностей, с которыми впоследствии столкнулись религиозные дома. Через год после того, как чума прошла, цистерцианское аббатство Бруэрн было вынуждено обратиться к королю за защитой от королевских провизоров и размещения в них королевских слуг. Эдуард дал добро, "поскольку оно находилось в столь плачевном состоянии, что в противном случае через короткое время последовало бы полное разрушение упомянутого аббатства и рассеяние монахов"[361] Однако даже эта защита не привела к полному улучшению ситуации, поскольку три года спустя, "чтобы [p192] избежать полного разорения", опека над аббатством была передана трем уполномоченным."[362]

В таком же положении оказался и оксфордский монастырь Святого Фридриха. В мае 1349 года, как мы можем предположить по смерти настоятеля во время эпидемии в Оксфорде, чума посетила монастырь и, по всей вероятности, унесла многих его обитателей. Смерть многих арендаторов, кроме того, должна была серьезно повлиять на его финансовое состояние, и через три года было признано необходимым передать мирские дела в руки комиссии. "Из-за отсутствия хорошего управления, - говорится в тексте, - и из-за случайных несчастий, обрушившихся на указанное приорство, как из-за долгов, которыми оно сильно стеснено, так и по другим причинам", оно пришло в такое состояние, что это легко могло привести к разгону каноников и полному разрушению дома[363].

Об арендаторах одного поместья, принадлежащего религиозному дому в графстве Оксфорд, говорится, "что во время смертности людей или моровой язвы, которая была в 1349 году, в упомянутом поместье едва осталось два арендатора. Они бы ушли, если бы брат Николас де Липтон, тогдашний аббат, не заключил новые соглашения с этими и другими прибывшими арендаторами"[364].

Приведем еще два примера в других частях Англии.

На следующий год после окончания чумы, в 1351 году, аббатству Барлингс пришлось признать свою бедность и просить о снятии налога. Правда, они настаивают на строительстве своей новой церкви, но также заявляют, что "обеднели по многим другим причинам". *Посмертная инквизиция* дает ту же картину. Например, два караката земли принесли всего сорок шиллингов из-за моровой язвы и общей бедности и смертности арендаторов. "По той же причине" мельница, [p193] которая раньше приносила 2 фунта ренты, теперь не приносит ничего; и так далее во всех частях большого поместья.

В этой части страны королевский чиновник также испытывал наибольшие трудности с получением своих податей, и эсквайр, оправдываясь за малый доход, утверждает, что в течение всего 1350 года поместья стояли пустыми в Гейтоне, близ Тостера, в Уидоне, в Вестоне, и в Мортоне, в десяти милях от Брэкли, поскольку арендаторов нельзя было найти

"по причине смертности". Далее он оправдывается тем, что не взимает налог с земель и имущества людей "по причине моровой язвы"[365].

ССЫЛКИ:

[303] B. Mus. Harl. MS. 6979, f. 64.

[304] *Institutiones clericorum in Comitatu Wiltoniæ*, ed. Sir J. Phillipps.

[305] Originalia Roll, 23 Ed. III., m. 37.

[306] Rot. Pat., 23 Ed. III., pars 1, m. 20.

[307] R. O., Chancery Inq. p. m., 23 Ed. III. (1-е изд.), № 77.

[308] *Ibid.*, No. 78.

[309] *Ibid.*, No. 74.

[310] *Ibid.*, No. 87.

[311] Escheator's Inq. p. m., Series i, File 95.

[312] *Ibid.*

[313] Записи поместья Гиллингем, которые мне было позволено изучить благодаря любезности нынешнего управляющего поместьем, Р. Фрим, эсквайра, из Гиллингема.

[314] B. Mus. Add. Roll 24, 335.

[315] B. Mus. Add. Rolls 15961-6. Возможно, писцом был Ричард Хаммонд *Капелланус*, владевший мельницей и шестью акрами земли, о котором сообщается, что он был среди погибших.

[316] Rot. Pat., 28 Ed. III., pars 1, m. 20 (16 января 1354 г.).

[317] Rot. Pat., 29 Ed. III., pars 2, m. 4 (5 октября 1355 г.).

[318] R. O., Escheator's Accts., 828/20.

[319] R. O., Duchy of Lancaster Mins. Accts., No. 817.

[320] *Ibid.*

[321] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 28 Ed. III. (Trinity Term).

[322] Судя по спискам рукоположений в лондонских реестрах, доля духовенства, не получившего благословения, была очень велика. За двенадцать лет, с 1362 по 1374 год, епископ Садбери рукоположил в священники 456 регулярных и 809 небенефициарных клириков, против 237 бенефициарных священников. Согласно этой пропорции, небенефициантов должно быть в шесть раз больше, чем бенефициантов.

[323] R. O., Escheator's Inq. p. m., Series i., file 165. Также там же, файл 166. Esch. Accts., 838/23; 846/31. Ср. также, Exch. Q. R. Mins. Accts., Bundle 869, No. 9.

- [324] T. Cromwell, *History of Colchester*, i., p. 75.
- [325] R. O., Originalia Roll, 25 Ed. III., m. 10.
- [326] Escheator's Inq. p. m., Series i, File 165.
- [327] Rot. Pat., 25 Ed. III., Pars 3, m. 4.
- [328] B. Mus. Cole MS., 5824, fol. 86. Cp. Dr. Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, p. 305.
- [329] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 27 Ed. III. (Hilary term), m. 7.
- [330] Rot. Claus., 26 Ed. III., m. 7.
- [331] *Hist. MSS. Comm., Fifth Report*, p. 444. Эти земли, очевидно, были Эпплдорскими болотами, отвоевание которых впоследствии обошлось монастырю в 350 фунтов стерлингов.
- [332] *Sussex Archæological Society*, Vol. xxi, pp. 44, *seqq.*
- [333] Reg. Pontissera, fol. 143.
- [334] Это можно считать числом в предыдущем веке из *Annales de Wintonia*.
- [335] Reg. Wykeham, ii, fol. 226.
- [336] Ниже приведены данные о количестве монахов, принадлежащих к Винчестерскому соборному приору, на прилагаемые даты:...

Дата. Н.Э.	Occasion.	Количество.
1260	Епископальные выборы	62
1325	Житие в Приорате 9 октября	64
1404	Епископальные выборы	42
1416-17	В списках камергера	39 и 2 юниора в школах.
1422-3	В списках Камергера	29 - 32 и 8 младших в школах.
1427-8	В списках Камергера	от 35 до 36.
1447	Епископские выборы после смерти кардинала Бофора	39
1450	Избрание приора	35
1468	Епископальные выборы	30 и 2 или 3 в Оксфорде.
1498	Выборы настоятеля	31
1524	Избрание настоятеля	30 (ниже иподиаконов не названо).

- [337] Harl. MS., 1761, f. 20.
- [338] Rot. Claus., 28 Ed. III., m. 3d (от 6 февраля 1353 г.).
- [339] *Ibid.*, m. 6 (8 июля).
- [340] Rot. Pat., 23 Ed. III., pars 1a, m. 13.

[341] Reg. Edyndon, ii, ff. 27b, 28.

[342] *Ibid.*, fol. 28.

[343] Reg. Edyndon, i, fol. 49b.

[344] *Ibid.*, ii, fol. 23b.

[345] *Ibid.*, fol. 22b.

[346] *Ibid.*, fol. 23b.

[347] Rot. Claus., 27 Ed. III., m. 19.

[348] Rot. Claus., 26 Ed. III., m. 12.

[349] *Ibid.*, 25 Ed. III., m. 21.

[350] Originalia Roll, 29 Ed. III., m. 8.

[351] Rot. Claus., 26 Ed. III., m. 19. Cp. Patent Roll, 26 Ed. III., pars 1, m. 6.

[352] Rot. Pat., 26 Ed. III., pars 1a, m. 28d.

[353] Escheator's Inq. p. m., series i, file 90.

[354] Escheator's Inq. p. m., 22-23 Ed. III., серия i, файл 64.

[355] Rot. Pat., 27 Ed. III., m. 17.

[356] Ed. *Bristol and Gloucester Archæological Society*, i, 307.

[357] Reg. Heref. Trileck., fol. 102.

[358] Bruton Chartulary f. 121b. Приор Генри, судя по всему, потратил собранные таким образом деньги на расходы по поездке в Рим и Венецию и обратно. Дознание было проведено в июне, 29 изд. III.

[359] Escheator's Inq. p. m., Series i, file 240.

[360] Escheator's Inq. p. m., Series i, file 103.

[361] Rot. Pat., 25 Ed. III., pars 1a, m. 16.

[362] *Ibid.*, 28 Ed. III., m. 10.

[363] *Ibid.*, m. 3.

[364] Цитируется по *Saturday Review*, Jan. 16, 1886, "The Manor".

[365] R. O., L. T. R. Memoranda Roll, 25 Ed. III.

ТОС [p194]

ГЛАВА X. НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ СМЕРТНОСТИ.

Для всех, кто следил за кратким изложением истории эпидемии 1349 года, приведенным в предыдущих главах, будет очевидно, что по всей Англии смертность была очень велика. Те,

кто, изучив записи, имеют полное право высказывать свое мнение, практически единодушно в том, что болезнь унесла почти половину всего населения Англии и Уэльса.

Но если в общих чертах назвать долю всего населения, которая, вероятно, погибла во время эпидемии, достаточно легко, то любая попытка назвать даже приблизительные цифры сопряжена с большими трудностями и вряд ли может быть удовлетворительной. В настоящее время мы не располагаем данными, достаточными для того, чтобы положить их в основу любого расчета, достойного этого названия. По данным "Списка субсидий" от 1377 года - примерно через 27 лет после великой смерти - было подсчитано, что население Англии и Уэльса в конце правления Эдуарда III составляло около 2 350 000 человек. Прошедшие годы были отмечены несколькими более или менее сильными вспышками восточной чумы; и один год, 1361, можно было бы назвать самым бедственным, если бы память о роковом 1349 годе не омрачила его. В то же время французская война продолжала истощать силы страны и взимать свою десятину с жизнью англичан. Поэтому можно предположить, что потери в течение тридцати лет, последовавших за чумой 1349 года, были достаточными, чтобы предотвратить реальный прирост населения, и что после прекращения эпидемии [p195] в стране осталось около двух с половиной миллионов человек. Если это так, то вполне вероятно, что до смертельного исхода все население страны составляло от четырех до пяти миллионов человек, половина из которых погибла в роковой год[366].

С другой стороны, допуская, что около половины населения погибло, такой выдающийся авторитет, как покойный профессор Торольд Роджерс, считает, что население Англии в 1349 году вряд ли могло быть больше двух с половиной миллионов, а "скорее всего, не превышало двух миллионов"[367]. Самый последний авторитет, доктор Каннингем, считает, что "результаты (*то есть* исследование численности населения), которые носят несколько негативный характер, можно сформулировать следующим образом: (i.) что с 1377 года до Тюдоров численность населения была практически неизменной и составляла более двух миллионов человек; (ii.) что обстоятельства не способствовали быстрому росту населения в период с 1350 по 1377 год; (iii.) что страна не была способна поддерживать гораздо большее население в начале правления Эдуарда III, чем во времена Генриха VI." [368] Таким образом, первая оценка населения до Черной смерти может быть принята в основном за ту же, что и у доктора Каннингема. Мистер Торольд Роджерс, с другой стороны, не вдаваясь в вопрос о цифрах, рассматривает проблему с точки зрения земли, обрабатываемая часть которой, по его мнению, не способна поддерживать большее население, чем он называет.

В целом по стране наиболее ярким и непосредственным следствием смертности стало не что иное, как полная социальная революция. Повсюду, хотя зажиточные люди не избежали заразы, главными страдальцами были бедняки. "Хорошо [p196] известно, - писал покойный профессор Торольд Роджерс, - что Черная смерть, по крайней мере в Англии, пощадила богатых и забрала бедных. И неудивительно. Крестьяне жили в тесных, нечистых хижинах, без комнат над землей, без окон, искусственного света, мыла и белья, не знали некоторых овощей, были вынуждены жить полгода на соленом мясе; цинга, проказа и другие болезни, порожденные тяжелой жизнью и пренебрежением всеми санитарными предосторожностями, были эндемичны среди населения"[369].

Очевидным и несомненным следствием высокой смертности среди рабочих классов было повышение цен на услуги тех, кто остался в живых. Со всех концов Англии доносится один и тот же крик о необходимости работников для сбора урожая, обработки земли и охраны скота. В течение многих лет повторялись одни и те же требования, пока землевладельцы не убедились на собственном опыте, что старые методы возделывания и прежние права владения землей стали невозможны из-за великого бедствия, охватившего землю.

Это было тяжелое время для землевладельцев, которые до этого имели, грубо говоря, все свое. Когда арендная плата упала до половины своей стоимости, когда тысячи акров земли лежали необработанными и бесполезными, когда коттеджи, мельницы и дома остались без арендаторов, а сады, огороды и поля опустели и пришли в запустение, соответственно выросли и цены на товары. Все, что приходилось покупать землевладельцу, сразу же подорожало, как заметил профессор Торольд Роджерс, "на 50, 100 и даже 200 процентов". Железо, соль и одежда выросли в цене вдвое, а рыба, и в особенности сельдь, составлявшая столь значительную часть пищи того поколения, стала недоступно дорогой. "В то время, - пишет Уильям Ден, [p197] современный монах из Рочестера, - рыбы было так мало, что люди были вынуждены есть мясо по средам, и было издано распоряжение, чтобы четыре селедки продавались за пенни. Но в Великий пост рыбы по-прежнему так не хватало, что многие, кто привык жить в достатке, вынуждены были довольствоваться хлебом и похлебкой"[370].

Тогда на то, что было особым бичом широких слоев населения, стали смотреть как на замаскированное благо. Нужда землевладельца была признана возможностью для рабочих, которой они не замедлили воспользоваться. Заработная плата повсеместно выросла в два раза по сравнению с предыдущим уровнем и даже больше. Король и Совет тщетно пытались предотвратить это законодательным актом, запрещавшим ни рабочему требовать, ни хозяину платить за работу больше прежней. С самого начала закон не действовал, и постоянное повторение королевских повелений, адресованных во все уголки страны, а также частые жалобы на несоблюдение предписаний свидетельствуют, даже если бы не существовало других, о тщетности этого закона. Даже когда король, принимая во внимание, "что многие города и селения, как из-за моровой язвы, так и по другим причинам, сильно обеднели, а многие другие совершенно опустели", разрешил, если только деньги будут выплачены ему в течение трех месяцев, чтобы штрафы, взимаемые со слуг и других людей за требование чрезмерного жалованья, а с хозяев - за его выдачу, могли бы пойти в уплату налога в десятую и пятнадцатую часть, причитающегося ему,[371] но назначенные для получения денег судьи утверждают, что они "не могут и не имели возможности взыскать ни одного из этих штрафов". Истина, по-видимому, заключается в том, что мастера обычно ссылались на чрезмерно высокую заработную плату, которую они должны были платить, в качестве оправдания, чтобы не найти денег для удовлетворения королевских требований, и именно по этой причине, а не из [p198] заботы о карманах лучших классов, Эдуард издал свои прокламации, чтобы сдержать рост заработной платы. Но ему быстро пришлось понять, "что рабочие, слуги и чернорабочие открыто игнорируют его постановления" о зарплате и платежах и, несмотря на них, требуют за свои услуги такие же цены, как во время моровой язвы и после нее, и даже выше. За неповиновение королевским распоряжениям, регулирующим оплату труда, король поручил своим судьям заключать в тюрьму всех, кого они сочтут виновными. Но даже это принуждение оказалось не реальным средством, а скорее средством усугубления зла, поскольку районы, где проводилась его политика, быстро погружались в еще большую нищету из-за заключения в тюрьму тех, кто мог работать, и тех, кто осмеливался платить рыночную цену за труд[373].

Найтон так описывает ситуацию: "Король разослал в каждое графство королевства приказы о том, чтобы сборщики урожая и другие рабочие не получали больше, чем им полагалось, под страхом наказания, предусмотренного в принятом для этой цели статуте. Но работники были так разгорячены и вздорны, что не обращали внимания на повеление короля; и если кто хотел нанять их, то вынужден был платить столько, сколько просили, и тогда у него был выбор: либо потерять урожай и посевы, либо уступить гордому и жадному желанию работников. Когда об этом стало известно королю, он наложил большие штрафы на аббатов, приоров, высших и низших лордов, а также на крупных и мелких землевладельцев в стране,

потому что они не послушались его приказа и назначили своим работникам более высокую плату; с одних он потребовал 100 тысяч, с других - 40, с третьих - 20, и с каждого - столько, сколько он мог заставить заплатить. И он брал с каждого карюката по всему королевству по 20 с лишним пятнадцатых.

"Затем король арестовал очень многих рабочих и посадил [p199] их в тюрьму; многие бежали и спрятались на время в лесах и перелесках, а тех, кого поймали, оштрафовали еще сильнее. А еще большее число поклялось не брать больше дневного жалованья, чем было принято, и таким образом было освобождено из тюрьмы. Подобным образом он поступал и с ремесленниками в городах"[374].

К этому рассказу о трудностях с рабочей силой, возникших после смертоубийства, можно добавить рассказ современника Рочестера Уильяма Дена. "В те дни, - пишет он, - так велика была нехватка рабочих и мастеров всех искусств и ремесел, что третья часть и более земли во всем королевстве оставалась невозделанной. Рабочие и квалифицированные мастера так взбунтовались, что ни король, ни закон, ни судьи, блюстители закона, не смогли их наказать"[375] В государственных документах того времени можно найти множество примеров объединения рабочих с целью получения более высокой заработной платы и их отказа работать по старым ставкам оплаты, принятым до того, как большая смертность сделала услуги оставшихся в живых более ценными. Это, говоря языком статута, называется "злой умысел слуг в земледелии". Таким же образом арендаторы, пережившие посещение, отказывались платить старую ренту и угрожали покинуть свои владения, если их хозяева не пойдут на существенное сокращение. Так, в уже приведенном примере землевладелец вернул третью часть арендной платы своим арендаторам, "потому что они ушли бы и оставили свои владения пустыми, если бы не получили этого снижения"[376].

Вследствие большой смертности среди мелких фермеров-арендаторов и вообще рабочих классов, а также из-за неспособности законодательства практически справиться с "забастовкой", организованной оставшимися в живых, землевладельцы быстро отчаялись продолжать традиционную систему [p200] обработки земли с собственным инвентарем под руководством судебных приставов. Профессор Торольд Роджерс отмечал, что "очень быстро после чумы эта система ведения хозяйства судебным приставом была прекращена, и была принята система ведения хозяйства на условиях аренды". Трудности, с которыми сталкивался арендатор при поиске капитала для обработки ферм, сначала привели к учреждению аренды акций и семян, которая, просуществовав примерно до конца XIV века, уступила место обычной аренде земли, разумеется, с определенным сроком владения, который в наши дни мы не связываем с этой формой аренды. Некоторые землевладельцы пытались, с большим или меньшим успехом, продолжать старую систему; но они составляли исключение, и к началу следующего столетия все землевладение в Англии было изменено великой смертностью 1349 года и действием "торговых союзов", которые сразу же возникли среди оставшихся в живых и которые в законе против них обозначены как "союзы, ковинсы, конгрегации, главы, ординации и клятвы".

Народ сразу же узнал свою силу и стал хозяином положения, и хотя в течение следующих тридцати лет лорды и землевладельцы боролись против полного уничтожения средневековой системы крепостного права, с года великой смертности ее падение стало неизбежным, а практическая эмансипация была окончательно завоевана народным восстанием 1381 года. Однако до последнего времени землевладельцы, похоже, оставались в неведении относительно реальных проблем, стоящих на кону. Они требовали старой трудовой ренты, с помощью которой обрабатывались земли их маноров, а также денежных выплат, которыми они были заменены, и желали, чтобы старые связи арендатора-злодея с

землей своего лорда были сохранены. Даже парламент, по-видимому, осознавал опасность, которая угрожала сложившейся системе. Однако невозможно читать проповеди того времени и не увидеть, насколько духовенство было полностью народом в его решимости обеспечить полную и абсолютную свободу для себя и своих потомков, и, вероятно, именно на их поддержку и советы ссылается преамбула [p201] акта, принятого в первый год правления Ричарда II. В ней говорится: "Злодеи отказываются от услуг и обычаев своих господ, утешая и подговаривая других, своих советников, содержателей и пособников, которые взяли наем и прибыль от упомянутых злодеев и земельных арендаторов, используя определенные примеры из Domesday, и утверждают, что они освобождены и не будут терпеть бедствий. После этого они собираются в большие разъезды и утверждают, что все будут сопротивляться своим господам силой".

Следует обратить внимание на один из результатов изменения системы землевладения. До великой чумы 1349 года земля была разделена на мелкие наделы. Приведенный профессором Роджерсом пример прихода, где каждый человек владел большим или меньшим количеством земли, является типичным примером тысяч поместий по всей стране. По его словам, это показывает, "насколько широко была распределена земля", и что небольшие фермы и участки земли, столь примечательные во Франции в наши дни, преобладали в Англии пятьсот лет назад. Однако большая часть этой земли, хотя и принадлежала отдельным арендаторам, была общей, и в этот период очень часто жаловались на то, что, поскольку поля были неразделены, их не могли использовать иначе как множество арендаторов, которых унесла большая болезнь. Чтобы сделать их рентабельными, в условиях, обусловленных новой системой земледелия, эти участки земли пришлось разделить, посадив живые изгороди, которые теперь составляют столь отличительную черту английского пейзажа по сравнению с пейзажами других стран.

Население, также оторванное от земли в результате великой смертности, еще до окончательного исчезновения крепостного права, освободилось не в результате создания, как в других странах, многочисленного класса крестьян-собственников, а в результате появления небольшого числа крупных землевладельцев.

Разумеется, не следует толковать эту фразу [p202] в современном смысле, согласно которому "землевладелец" - это "собственник" земли в том смысле, который в те времена обычая и бессрочного владения не был бы даже понят. Произошедшее тогда изменение сделало возможным тот характер земельных поселений, который преобладает сейчас.

Столь ужасная гибель не могла не оказать своего влияния и не оставить следов на образовании, искусстве и архитектуре страны. Во-первых, помимо временного вмешательства в процесс обучения в университетах, "эта моровая язва, - пишут авторы *"Истории Шрусбери"*, - составляет замечательную эпоху в истории нашего языка. До этого времени, со времен Завоевания, дворяне и дворянки этой страны общались на французском; дети даже переводили свои уроки в школе на этот язык". Так, по крайней мере, рассказывает Хигден в своем *"Полихрононе"*. Но со времен "первого Морейна", как выражается Тревиза, его переводчик, эта "манера" стала "чем-то вроде дель йчаунгиде". Школьный учитель по имени Корнуэлл был первым, кто ввел английский язык в обучение своих учеников, и этому примеру так охотно последовали, что к 1385 году, когда писал Тревиза, он стал почти всеобщим. Духовенство во всех христианских странах - главные лица, которые занимаются воспитанием молодежи, и вполне вероятно, что ужасный бич, о котором мы рассказывали, унес многих из этих древних наставников, позволил мистеру Корнуоллу внести изменения в способ обучения, которые, если бы не это событие, он

никогда не смог бы осуществить, и которые произвели столь мощный переворот в нашей национальной литературе".

Что касается архитектуры, то следы последствий великой чумы можно увидеть во многих местах. В некоторых случаях большие пристройки к существующим зданиям, которые были выполнены лишь частично, были остановлены и так и не завершены. В других они были закончены только после изменения стиля, который был в моде, когда великая смертность охватила страну. Доктор Кокс в своих [p203] *"Заметках о церквях Дербишира"* отметил это. "Ужасный удар, - говорит он, - нанесенный Черной смертью нации и Европе в целом, на некоторое время парализовал все искусства и отрасли. Наука о церковной архитектуре, находившаяся тогда на пике своего развития, еще несколько лет оправлялась от удара. В некоторых случаях, как в случае с великой церковью Святого Николая в Ярмуте, где возводилась великолепная пара западных башен, работы были остановлены и больше не возобновлялись. . . . Воспоминания об этой великой чуме часто помогают объяснить перерывы, которые внимательный глаз нередко замечает в церковных зданиях XIV века, и объясняют долгий период, на который растянулись работы. Мы считаем, что в этом кроется секрет того, как много лет прошло до завершения строительства благородной церкви в Тайдсвелле в том же веке; кроме того, это дает ключ к разгадке многих других работ, прерванных или внезапно начатых в некоторых других частях страны"[377] К этому можно добавить тот факт, что история производства витражей демонстрирует такой же разрыв с прошлым в этот период. Не только в это время появляется разрыв в непрерывности производства, но и первые образцы после великого мора свидетельствуют об изменении стиля, существовавшего ранее.

При оценке смертности среди духовенства уже отмечалось, что во многих случаях мы имеем более точные данные, чем в случае с населением в целом. В каждом графстве уже было отмечено число учреждений, ставших бенефициями во время чумы, и в тех случаях, когда фактическая цифра не может быть установлена на основании документальных свидетельств, половина общего числа бенефиций, в соответствии с общим результатом, когда такие свидетельства доступны, была принята для представления ливрей, ставших вакантными в течение этого года. Из этого следует, что в круглых цифрах около 5 000 бенефициантов стали жертвами своего долга. Как уже отмечалось [p204], в действительности это число представляет собой лишь часть духовенства; и при любой оценке общего числа необходимо учитывать капелланов, священников, религиозных и других.

Разумеется, прийти к какому-либо выводу о соотношении бенефициарного и небенефициарного духовенства можно только с помощью очень круглых цифр. Например, обратившись к Винчестерским регистрам, мы обнаружим, что среднее число священников, рукоположенных за три года до 1349 г., составляло 111 человек.[378] Среднее число институтов в бенефиции ежегодно за тот же период составляло всего двадцать один, так что эти цифры сами по себе, кажется, показывают, что соотношение бенефициарного и небенефициарного духовенства составляло примерно один к четырем. Исходя из этого и предполагая, что число умерших бенефициантов составляло около 5 000, общий список смертей в духовном сане составил бы около 25 000.

Это число, хотя и очень большое, вряд ли можно считать чрезмерным, если вспомнить, что особый характер их священнических обязанностей делал их особенно подверженными заражению; в то время как в случае с религиозными людьми сам факт их совместной жизни в общине делал распространение смертельной заразы в их рядах несомненным. Епископов, как ни странно, пощадили; хотя несомненно, что они не уклонились от своего долга, но, согласно достоверным свидетельствам, оставались на своих постах. К их случаю применимы

строки поэта о таком же чудесном спасении епископа во время чумы в прошлом веке в Марселе

"Зачем Марсельскому епископу дышать чище.

Когда природа болела, и каждый шторм был смертью?"[379] [p205]

Если предположить, что жертвами эпидемии стали пять-двадцать тысяч священнослужителей, и оценить, что из всего населения страны каждый сотый принадлежал к духовенству, и далее, что смертность была примерно одинаковой в обоих сословиях, то общая смертность в стране составила бы около 2 500 000 человек. Любопытно, что эта цифра совпадает с оценкой, сделанной на основе данных о численности населения в конце памятного царствования Эдуарда III, а именно: общая численность населения до начала эпидемии составляла около пяти миллионов человек[380].

Теперь остается кратко указать на некоторые несомненные последствия этого великого бедствия для Церкви. Очевидно, что внезапное удаление столь значительной части клириков должно было привести к нарушению преемственности лучших традиций церковного обихода и учения. Кроме того, абсолютная необходимость вынуждала епископов назначать на освободившиеся места молодых и неопытных, а то и вовсе необразованных клириков, что не могло не сказаться на последующих поколениях. Архиепископ Йоркский просил и получил от Папы разрешение рукополагать в любое время и отказаться от обычных интервалов между священными орденами; епископу Бейтману из Норвича Климент VI разрешил обойтись без шестидесяти клириков, которым был всего двадцать один год, "хотя они были всего лишь бритвами", и позволить им занимать приходы, поскольку иначе во многих местах его епархии богослужения Церкви прекратились бы совсем.

"В то время, - пишет Найтон, современный каноник из Лестера, - повсеместно ощущалась такая нехватка священников, что многие церкви оставались без богослужений, мессы, утрени, вечерни, таинств и причастий. Вряд ли можно было найти капеллана для служения в [p206] церкви меньше чем за 10 фунтов стерлингов, или 10 марок. И если до моровой язвы, когда священников было много, любой мог получить капеллана за 5 или даже 4 марки, или за 2 марки и его пансион,[381] то в это время едва ли нашлась бы душа, согласившаяся на викариатство за 20 фунтов или 20 марок. Однако через некоторое время после этого большое число тех, чьи жены умерли во время моровой язвы, пришли, чтобы получить приказ. Многие из них были неграмотными и простыми лаиками, за исключением того, что они умели читать, хотя и не понимали" того, что читали"[382].

Можно привести один пример того, как быстро происходило продвижение по службе, чтобы благотворительные должности не оставались незаполненными слишком долго. В епархии Винчестера регистры фиксируют в этот период очень многочисленные назначения клириков, не состоящих в священных орденах, на должности благотворителей. Например, в 1349 году не менее 19 инкубентов, уже назначенных в церкви города Винчестера, подали прошение о рукоположении, и восемь - в следующем году. Из этих 27 человек каждый принял свои различные ордена иподиакона, диакона и священника в ходе последовательных рукоположений без обычного интервала между каждой ступенью священного сана[383].

Два примера того, в какое затруднительное положение епископы ставили священников, можно найти в реестрах [p207] епархии Бата и Уэллса. В первом случае речь идет о принятии мужчины на первую ступень к ордену при жизни его жены, которая дала свое согласие и обещала хранить целомудрие, но не была, как обычно требовалось в таких обстоятельствах, вынуждена вступить в монастырь, "поскольку была в возрасте и могла без подозрений

оставаться в миру". [384] Второй случай в том же реестре, свидетельствующий о трудностях с заполнением вакансий, - это разрешение, данное Адаму, настоятелю Хинтон-Блута, читать мессу по воскресеньям и праздникам в часовне Уильяма де Саттона, хотя до этого он совершал торжественные мессы в своей церкви Хинтона. [385]

Другой любопытный случай, который, как мы можем подозревать, действительно произошел по той же причине, отмечен на рукоположении, состоявшемся в декабре 1352 года в Эли. Из четырех человек, принимавших тогда священство, двое были монахами, а с двух других была взята клятва послушания епископу и его преемникам, а также обещание "служить в любой приходской церкви, куда их призовут" [386].

Можно привести множество примеров невежества, вызванного поспешными рукоположениями и тем, что миряне, не приспособленные к священной миссии, были слишком поспешно приняты на вакантные должности. Приведем лишь два примера из Винчестера, которые могут служить иллюстрацией этого и в то же время показать, с каким рвением средневековые епископы старались оградить себя от этого зла. 24 июня 1385 года прославленный Уильям Уайкхемский, епископ Винчестерский, приказал сэру Роджеру Дену, настоятелю церкви св. Михаила на Джури-стрит в Винчестере, поклясться на Святом Евангелии, что в течение двенадцати месяцев он выучит предметы веры, дела, оставленные епископу, десять заповедей, семь дел милосердия, семь смертных грехов, таинства Церкви, форму их совершения и [p208] вручения, а также форму крещения и т. д., как содержится в Конституциях архиепископа Пекхэма. [387] В том же году, 2 июля, епископ потребовал от Джона Корбета, который 2 июня был посвящен в ректоры Брэдли в Хэмпшире, аналогичного обязательства выучить то же самое до наступления праздника святого Михаила. В первом случае Роджер Дене был настоятелем Ристона в Норфолке и был посвящен епископом Норвича в Винчестер только 21 июня 1358 года, за три дня до того, как епископ Уильям Уайкхемский потребовал от него вступить в обязательство, о котором говорилось выше [388].

Уже отмечалось, что одним из очевидных результатов великой смертности, касающейся Церкви, стало чрезвычайное сокращение числа кандидатов в священство. Например, в Винчестерской епархии среднее число священников, рукоположенных в каждом из трех лет, предшествовавших 1349 году, составляло 111; в то время как в 15 последующих лет, вплоть до 1365 года, когда умер епископ Эдиндон, среднее ежегодное число кандидатов составляло едва ли 20; А за тридцать четыре года, с 1367 по 1400, даже при таком ревностном прелате, как Уильям Уайкхемский, председательствовавшим в епархии, среднее ежегодное число рукоположений в священство составляло всего 27; и это число еще более сократилось в течение XV века. [389]

Тот же поразительный результат чумы, которая не могла не оказать очень серьезного влияния на Церковь в целом, проявляется и в других местах. Например, реестры Эли показывают, что среднее число всех рукоположенных за семь лет до 1349 года составляло 101-1/2; в то время как за семь лет после этой даты оно составляло всего 40-1/2. В 1349 году, очевидно, не было проведено ни одного рукоположения, и [p209] среднее число священников, рукоположенных ежегодно с 1374 по 1394 год, составляло всего 14 человек. На самом деле общее число рукоположенных за этот период составило всего 282 человека, при этом многие из них стали священниками в других епархиях, а более половины, а именно 161 человек, были членами различных религиозных орденов; так что ряды епархиального духовенства Эли, похоже, за все это время пополнились лишь немногими.

В епархии Херефорда, если взять другой пример, до 1349 года было проведено несколько очень крупных рукоположений. Так, в 1346 году, 11 марта, 438 человек были рукоположены в

различные степени священного сана. Из них 89 человек получили священство, 49 из них были рукоположены для епархии Херефорда. Кроме того, 10 июня того же года епископ Трилек в приходской церкви Ледбери посвятил в сан 451 кандидата, из которых 148 стали священниками; 56 были предназначены для его собственной епархии. Всего в тот год епископ рукоположил 319 священников, половину из которых составляли его собственные клирики. [390] Примерно столько же было рукоположено в год самой чумы, 1349, и 371 - в следующем году. Фактически, до 1353 года их число остается большим, но большая часть рукоположенных предназначалась для других епархий. В подданстве епископа Херефорда сразу же наблюдается спад, подобный тому, что был замечен в Винчестере и Эли. Так, с 1345 по 1349 год среднее число подданных, рукоположенных епископом для его собственной епархии, составляло 72 человека. В последующие пять лет оно составляло только 34, и ни в один последующий год понтификата епископа Трилека оно не поднималось выше 23.

Приведенных выше трех примеров будет достаточно, чтобы показать, насколько серьезно великая моровая язва сказалась на обеспечении духовенства. Причину этого нетрудно разгадать. Большая убыль населения создавала пропорциональную потребность в услугах оставшихся в живых людей для ведения дел нации, и большой напор бизнеса, вызванный [p210] этим, и более высокие зарплаты, которые можно было получить, несмотря на королевские запреты, не были благоприятны для развития призвания к священнической жизни. Пустота, образовавшаяся в результате непреодолимых несчастий великой смертности, была увеличена обстоятельствами войны Англии с Францией, в то время как народные волнения и последующие Войны Роз поддерживали те же причины в действии вплоть до царствования Тюдоров.

В какой-то степени нехватка студентов в Оксфорде и Кембридже, о которой уже говорилось, была вызвана теми же причинами, и она, несомненно, последовала сразу за роковым 1349 годом. В Оксфорде, несомненно, серьезные беспорядки, происходившие в это время между студентами и горожанами, усугубили ситуацию. Состояние великого центра духовного образования в Англии менее чем за шесть лет после моровой язвы стало настолько серьезным, что король был вынужден обратиться к епископам по этому вопросу. Он умоляет их помочь в деле возрождения университета; "зная, - говорит он, - как католическая вера поддерживается главным образом образованностью духовенства, а государство управляется его благоразумием, мы искренне желаем, чтобы, особенно в нашем королевстве Англия, орден духовенства увеличился в числе, нравственности и знаниях". Но "в городе Оксфорде, в котором издавна существовал источник духовных знаний", из-за беспорядков студенты покинули это место, и Оксфорд, некогда столь знаменитый, стал "подобен бесполезной смоковнице без плодов"[391] Уже отмечалось, как почти полвека спустя университет не оправился от огромного удара, нанесенного ему в этот период.[392] [p211]

На самом деле, кажется, существует распространенное недоразумение в отношении соотношения или пропорциональной численности светского и регулярного духовенства в этот период, а также в отношении падения популярности регулярного духовенства, о чем, как предполагается, свидетельствует количество тех, кто присоединился к нему после середины XIV века. Предполагается, что до этого периода регулярное духовенство было, как по численности, так и по влиянию, главным фактором в церковной системе Англии, а после этой даты его значение, общественная оценка и численность значительно снизились. В качестве доказательства приводится не только фактическое сокращение численности, но и тот факт, что после этого времени новые религиозные институты приобрели форму колледжей, а не монастырей. Заблуждение заключается прежде всего в том, что в Англии, да и за ее пределами, никогда не было периода средневековья, когда регулярное духовенство было

главной опорой Церкви, по крайней мере, в том, что касается численности, внешней работы и лечения душ. Писатели позволили своему воображению находиться под влиянием величины великих монастырских домов или выдающейся роли, которую играли в управлении Церковью выдающиеся личности, принадлежащие к числу регулярного духовенства; и не вспомнили, как сравнительно мало на самом деле было этих великих монастырских центров и как мала была доля их обитателей в великом теле духовенства в целом.

Необходимо, пожалуй, обратиться к цифрам, чтобы донести это до тех, кто не уделял особого внимания средневековому периоду или, изучая его, все еще не в состоянии осознать факты в отличие от теорий и избавиться от воображаемых предрассудков, с которыми они приступали к своим исследованиям. Так, даже после учреждения ордена мендикантов и в потоке их популярности, записи о рукоположении в епархии Йорка в 1344-45 годах показывают, что, хотя число рукоположенных священников составило 271, только 44 были регулярными. Точно так же в реестре епископа Стейпелдона указаны рукоположения [p212] в епархии Эксетера с 1301 по 1321 год. За этот период 703 светских человека стали священниками, против 114 обычных. Таким образом, в обоих случаях на каждого регулярного священника приходилось более шести светских.

Это имеет значение для оценки изменения направления деятельности религиозных фондов, о котором говорилось выше. В течение тринадцатого века, когда возникло столь сильное течение интеллектуальной деятельности и спекуляций, важность образования для рабочего духовенства - по крайней мере, для значительной его части - заставила тех, кто был ответственным правителем Церкви. Религиозные дома существовали, и, большие или малые, они были разбросаны по всей земле; более того, после моровой язвы 1349 года их стало более чем достаточно для того, чтобы удовлетворить количество призваний в уменьшившемся населении. Кроме того, по своему основанию они не были рассчитаны на то, чтобы обеспечить средства для удовлетворения новой нужды, которая назревала, усугубляемая внезапным сокращением пастырского духовенства в болезни. Образование колледжей, будь то университетского типа или сельских колледжей для светских священников, таких как Сток-Клэр, Арундел и многих других, возникших за полтора столетия с 1350 по 1500 год, объясняется самими обстоятельствами дела; и нет необходимости прибегать к предположению о снижении популярности религиозных орденов и распространенном ощущении, что их работа окончена, чтобы объяснить сокращение их числа и отсутствие новых монашеских оснований. Если в качестве проверки истинности этого предположения взять относительную пропорцию между числом светских и регулярных священников, рукоположенных до и после середины XIV века, то имеющиеся статистические данные не подтверждают его. Так, рукоположения в священство, зарегистрированные в реестрах епархии Бата и Уэллса за 80 лет, с 1443 по 1523 год, насчитывают 901 человек; из них 679 светских и 222 регулярных. В данном случае, следовательно, рукоположение светских в регулярные было [p213] в пропорции 8-5 к 2-7, или, скорее, более чем три к одному[393].

Как и те, кто занимался мирскими профессиями и бизнесом, оставшиеся в живых представители духовенства, по-видимому, требовали большего жалованья, чем получали ранее за исполнение своих церковных обязанностей. Оглядываясь на то время и учитывая, как даже небольшие подати духовенства уменьшались из-за смерти значительной части его людей, пока не стали совершенно недостаточными для их содержания, невозможно сурово обвинять их и не видеть, что такое требование неизбежно должно было последовать за большим сокращением численности. Однако в то время по указанию короля и парламента

архиепископы и епископы пытались удержать их от подобных требований, подобно тому как король пытался помешать рабочим требовать более высокой зарплаты. В своем письме к епископам своей провинции архиепископ Айлип ссылается "на необузданную человеческую глупость", которая всегда должна быть сдержана справедливостью, если только "милосердие не будет изгнано из мира". "Ко мне поступают общие жалобы, - пишет он, - и опыт, лучший учитель всего сущего, показал мне, что священники, которые еще остались в живых, не считая, что они сохранены Божественной волей от опасностей покойного мора, не ради себя, но чтобы исполнять служение, возложенное на них для народа Божьего и общественной пользы", подобно другим рабочим, по скупости пренебрегают бременем викариев и занимают более доходные должности, за которые также [p214] требуют больше, чем прежде. Если этому не будет немедленно положен конец, "многие, и даже большинство церквей, пребанд и часовен нашей и вашей епархии, да и всей нашей провинции, останутся совершенно без священников". Чтобы исправить ситуацию, людей не только призывали не нанимать таких капелланов, но и заставляли духовенство под церковным порицанием служить обычные требы за умеренное и обычное жалованье. Не исключено, что эта мера способствовала привлечению симпатий духовенства в целом к народу в его борьбе за свободу в этот период английской истории, когда и в гражданской, и в церковной сфере предпринимались одинаковые попытки наложить ограничения на естественную свободу с помощью публичного права.

Большой нехватке духовенства в это время можно, по крайней мере частично, приписать значительный рост вопиющего злоупотребления плюрализмом. Не принимая во внимание трудности, с которыми сталкиваются все, чтобы найти подходящих, правильных и испытанных церковников для занятия высоких и ответственных постов в Церкви, невозможно объяснить значительный рост этой практики именно в это время. Например, количество благодеяний, которыми обладал сам Уильям Уайкхемский, пришедший в Церковь в связи с большой смертностью среди духовенства в 1361 году, можно объяснить, если не оправдать, распространенным и в данных обстоятельствах неизбежным недостатком людей с подготовкой и способностями, соответствующими трудным и деликатным обязанностям, возлагаемым на высшее духовенство.

Несмотря на все огромные трудности, с которыми столкнулась Церковь в Англии из-за высокой смертности, существует множество свидетельств (которые не относятся к данной теме) неустанных усилий со стороны ведущих церковных деятелей, направленных на то, чтобы вернуть соблюдение религиозных обрядов к их нормальному уровню. Об этом свидетельствует создание множества благочестивых братств и гильдий, а также щедрая помощь церквям и святым местам.

О последствиях смертности для монастырских учреждений страны уже [p215] неоднократно говорилось в ходе повествования. Те же причины, которые препятствовали набору в ряды духовенства в целом после чумы, достаточно объясняют тот факт, что религиозные дома так и не смогли восстановить позиции, утраченные в тот роковой год. Кроме того, внезапные изменения во владении землей, вызванные главным образом смертью монастырских арендаторов, настолько ухудшили их финансовое положение, во всяком случае, на длительный период, что они оказались не в состоянии поддерживать бремя дополнительных подданных.

К уже приведенным фактам, показывающим, как монастыри обезлюдели из-за болезней, можно добавить следующие: - В 1235 году аббатство Сент-Олбанс, как предполагается, насчитывало около 100 монахов в своих стенах. Во время чумы 1349 года аббат и около 47 его монахов умерли одновременно, а впоследствии еще один умер в Кентербери, направляясь

вместе с новоизбранным аббатом в Римскую курию. Таким образом, если предположить, что численность общины осталась такой же, как и в 1235 году, то в Сент-Олбансе осталось не более 51 монаха. В конце века, а именно в 1396 году, в выборах участвовало около 60 монахов, и поскольку в это число входят настоятели девяти зависимых келий, кажется, что фактическая численность общины по-прежнему составляла всего 51 человек. В 1452 году в аббатстве было всего 48 исповедующих монахов, а при роспуске монастыря, почти столетие спустя, их число сократилось до 39. Этот пример того, как численность монашеских домов уменьшилась из-за болезни, а ее влияние на общее население страны не позволило им вновь вырасти до прежних масштабов, можно подкрепить примером Гластонбери. Это великое аббатство на западе Англии всегда считалось во многих отношениях самым важным из английских бенедиктинских домов. Не будет лишним предположить, что в период своего наибольшего расцвета оно насчитывало, наверное, сотню членов. В 1377 году их число, как указано в субсидиарном списке, составляет всего 45 человек. В 1456 году их [p216] 48, и примерно столько же было во время роспуска аббатства. Подобное влияние на членов в Бате уже отмечалось.

Нет нужды говорить о том, что этот бич, должно быть, был самым деморализующим для дисциплины, разрушительным для традиционной практики и фатальным для соблюдения. Хорошо известен факт, как ни странно, что люди, как правило, не становятся лучше от великих и всеобщих визитов Божественного Провидения. Было замечено, что это очевидный результат всех подобных бедствий, или, как выразился Прокопий, говоря о великой чуме в царствование императора Юстиниана, "случайно ли или по провидческому замыслу она строго щадила самых нечестивых"[394] Так и в этом посещении, от Италии до Англии, всеобщее свидетельство тех, кто пережил его, заключается в том, что оно, казалось, пробуждало самые худшие страсти человеческого сердца и притупляло духовные чувства души. Ваддинг, францисканский летописец, приписывает именно этой чуме 1348-9 годов упадок рвения, наблюдавшийся в это время в его собственном ордене. "Это зло, - пишет он, - принесло большие разрушения святым домам религии, унеся с собой мастеров регулярной дисциплины и сеньоров опыта". С этого времени монашеские ордена, и в особенности меникиты, стали становиться все более вялыми и небрежными, как в благочестии, так и в обучении, в котором они процветали до этого времени. Затем, когда наши прославленные члены были унесены, строгость дисциплины, ослабленная этими бедствиями, не могла быть возобновлена молодыми людьми, принятыми без необходимой подготовки, скорее для заполнения пустующих домов, чем для восстановления утраченной дисциплины"[395].

Итоги великой смертности можно подвести словами одного из недавних авторов. "Для нашей цели, - пишет доктор Каннингем, - важно отметить, что неуклонный прогресс двенадцатого и тринадцатого веков был [p217] внезапно остановлен в четырнадцатом; напряжение Столетней войны было бы изнурительным в любом случае, но нация должна была вынести его, когда Черная смерть уничтожила половину населения и вся социальная структура была дезорганизована"[396].

Рассматривая эту тему, трудно представить себе масштабность великого бедствия и должным образом оценить, насколько глубоким был разрыв с существовавшими тогда институтами. Чума 1349 года просто разрушила их; и, как уже отмечалось, только путем постоянного повторения и переосмысления одних и тех же явлений мы можем заставить себя понять характер такой социальной и религиозной катастрофы. Но в то же время очень важно досконально разобраться в этом деле, чтобы понять великий процесс социальной и религиозной редификации, к которому должны были приступить последующие поколения. Трагедия была слишком серьезной, чтобы люди могли пережить ее на одном лишь

энтузиазме. Действительно, эмпиризм и энтузиазм в попытках социальной реконструкции, как это можно найти в работах Виклифа, могли только усугубить зло. По сути, это был кризис, на который нужно было ответить напряженными усилиями и неустанным трудом во всех сферах человеческой деятельности. И здесь проявляется характерная черта средневековья, которая, как отмечал покойный профессор Фримен, составляет его подлинное величие. В отличие от нашего времени, изобилующего всеми возможностями для достижений, им приходилось бороться с любыми материальными трудностями; но в отличие и от практического пессимизма, который в наши дни слишком сильно овладевает интеллектом, в остальное время живым и открытым, трудности в средние века вызывали лишь более упорную и решительную решимость встретить и преодолеть их. И вот в каком смысле заезженная и в некотором смысле неправдивая фраза "века [p218] веры" имеет реальное применение, ибо ничто не может быть более противоположным духу и тону ума целой эпохи, чем пессимизм, и ничто более гармоничным с ним, чем надежда. В этом смысле замечание одного известного современного писателя об искусстве, отмечающего неспособность средневековья видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, и тенденцию подменять на пергаменте или холсте условные формы реальными, имеет направление, которое, возможно, он не осознавал. Сам по себе этот недостаток, несомненно, является реальным, но на практике он обладал уравнивающим преимуществом, обеспечивая необходимую коррекцию того голого буквализма и реализма, который в долгосрочной перспективе является фатальным не только для устойчивых усилий, но и для искусства.

Великая смертность, обычно называемая Черной смертью, была катастрофой внезапной и всепоглощающей, подобной которой будет трудно провести параллель. Многие благородные стремления, которые, если бы они были реализованы, и многие мудрые замыслы, которые, если бы они достигли своего истинного развития, принесли бы человечеству наибольшую пользу, были уничтожены до неузнаваемости. И все же не стоит тратить время на напрасные сетования. Что погибло, то погибло. Однако время и сила усилий и работы принадлежали тем, кто остался в живых.

Две самые благородные церкви Италии отражают двоякий аспект этого великого визита - Сиенский и Миланский соборы. Первый, огромное здание, венчающее тосканский холм, - лишь фрагмент того, что было задумано изначально. На самом деле он находился в процессе возведения и по размерам вряд ли уступал бы нынешнему собору Святого Петра, если бы был завершен. Трансепты уже были подняты, а фундамент огромного нефа и хора был заложен, когда на город обрушилась чума. Работы были вынужденно приостановлены, и с того дня и по сей день никогда не возобновлялись.

Прошло чуть больше поколения с того рокового года, когда на равнине Ломбардии уже поднималось самое великолепное готическое сооружение на итальянской земле - символ [p219] новой жизни, новых надежд, нового величия, которое превзойдет величие погребенного прошлого. И это, заметим, не было творением принца или potentата; это была, по сути, идея, работа, достижение самого миланского народа[397].

Что, пожалуй, придает преобладающий интерес полутора столетиям, последовавшим за ошеломляющей катастрофой Черной смерти, так это факт удивительного социального и религиозного восстановления из состояния почти полного распада. Здесь не место даже вдаваться в столь интересную и важную тему. Достаточно указать точку зрения, с которой следует рассматривать историю последующих поколений. Несмотря на войны и гражданские беспорядки, это была эпоха явного прогресса, хотя сама сложность и разнообразие течений и подводных камней порой способна ошеломить слишком

нетерпеливого исследователя, желающего свести все к простому результату, однозначно хорошему или однозначно плохому.

СНОСКИ:

[366] Cp. T. Amyot, *Population of English Cities, temp. Ed. III.* (*Archæologia*, Vol. xx, pp. 524-531).

[367] *Англия до и после Черной смерти* (*Fortnightly Review*, Vol. viii, p. 191).

[368] W. Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, p. 304.

[369] *Fortnightly Review*, viii, p. 192. Это, конечно, правда, но без оговорок может создать у читателя ложное впечатление о состоянии английского крестьянина в средние века. Большая часть того, что говорит мистер Торольд Роджерс, применима ко всем классам общества. Доктор Каннингем ("*Рост английской промышленности и торговли*", стр. 275) придерживается более верной точки зрения: "Жизнь - это больше, чем мясо, и, несмотря на плохое жилье, простой деревенский житель был лучше накормлен и развлечен".

[370] B. Mus. Cott. MS., Faust, B. v, fol. 99b.

[371] R. O., *Originalia Roll*, 26 Ed. III., m. 27.

[372] *Ibid.*, 27 Ed. III., m. 19.

[373] *Ibid.*, 26 Ed. III., m. 25.

[374] Ed. Twysden, col. 2699.

[375] B. Mus. Cott. MS., Faust, B. v, fol. 98b.

[376] R. O., Q. R. Mins. Accts., Bundle 801, No. 1.

[377] Introduction, p. ix.

[378] Конечно, некоторые из них будут рукоположены для других епархий, но точно так же винчестерские священники будут рукоположены письмами димиссори в других местах, так что, взяв всю Англию, мы можем предположить практическое уравнивание. В Лондонской епархии, как уже говорилось (п. 175 *ante*), соотношение небенефициарного и бенефициарного духовенства, рукоположенного за 12 лет, с 1362 по 1374 год, было почти шесть к одному.

[379] Поуп, "Эссе о человеке", строки 107-8.

[380] Предположения г-на Торольда Роджерса о том, что население в 1348 году составляло всего около 2 500 000 человек, при условии, что представители обоих полов были примерно равны по численности, привели бы к выводу, что каждый 25-й мужчина был священником; предположение, которое, на первый взгляд, само себя опровергает.

[381] Амиот (*Archæologia*, xx, p. 531) отмечает, что даже солдаты, похоже, получали более высокую зарплату, чем духовенство. Пеший солдат получал 3 д. в день, или 7 марок в год; конный солдат - 10 или 12 д. в день. Добрый пастор Чосера, который был всего лишь "богат святыми мыслями и трудами", может быть, и не примечателен.

[382] Ed. Twysden, col. 2699.

[383] Выдержки из епископальных реестров в MS мистера Бейджента. Интересно отметить, что в обычное время очень немногие рукополагались после назначения на должность инкумбента. Так, если взять церкви города Винчестера, то кроме этого периода и 1361 года, когда смертность среди духовенства снова была очень велика, только 8 или 9 человек были рукоположены между 1349 и 1361 годами, как показывает следующая таблица:-...

1346	1348	1349	1350	1351	1352
------	------	------	------	------	------

1	1	19	8	4	1
---	---	----	---	---	---

1354	1359	1361	1362	1363
------	------	------	------	------

2	1	5	1	1
---	---	---	---	---

[384] Harl. MS., 6965, fol. 145 (7 Id. Julii, 1349).

[385] *Ibid.*, fol. 146b.

[386] B. Mus. Cole MS., 5824, fol. 23b.

[387] О реальном значении изучения *Pater noster* и т.д. см. мою статью о *религиозном обучении в Англии в XIV и XV веках* в *Dublin Review*, Oct., 1893, p. 900.

[388] MS. коллекции мистера Бейджента.

[389] С 1400 по 1418 год в среднем было 17, с 1447 по 1467 год - только 18.

[390] Reg. Trileck, fol. 180 *seqq.*

[391] Reg. Trileck, fol. 163.

[392] Архиепископ Айлип основал Кентерберийский колледж в Оксфорде, чтобы пополнить недостающие ряды духовенства и расширить возможности обучения (Wilkins, iii., p. 52), и Уильям Уайкхемский также основал свои школы и колледжи с той же целью.

[393] В Лондонской епархии за двенадцать лет, с 1362 по 1374 год, епископ Садбери рукоположил 1046 светских и 456 регулярных священников, пропорция, следовательно, была примерно 2-3 к 1. В последние двадцать лет века, а именно с 1381 по 1401 год, епископ Брейброк рукоположил в священники только 584 светских священника, в то время как регулярных было 425 за тот же период. Другими словами, в первый период среднегодовое число рукоположений в ряды светского духовенства в Лондонской епархии составляло более 87, а в последние двадцать лет столетия - всего 29-2. Средние показатели для регулярного духовенства в соответствующие периоды составляли 35 и 21-2. Аналогичные результаты содержатся в регистрах Йорка.

[394] Archbp. Islip в это время (1350) говорит: "Dum ad memoriam reducimus admirandam pestilentiam que nuper partes istas subito sic invasit, ut nobis multo meliores et digniores subtraxerat."

[395] *Annales Minorum*, viii, p. 22.

[396] *Growth of English Industry and Commerce*, p. 275.

[397] В "Анналах фабрики", опубликованных администрацией собора, в мельчайших подробностях показана организация сбора необходимых средств, и мы можем видеть, как народное предпринимательство позволило осуществить столь благородное начинание.

Теперь мы можем представить себе еженедельные сборы, проводимые добровольными гражданами от двери к двери, сборы в церквях, ежемесячные продажи пожертвований натурой самого разнообразного характера, драгоценностей, платьев, белья, кастрюль и сковородок, различных предметов одежды и домашнего обихода. Каждый, и богатый, и бедный, чувствовал побуждение каким-то образом присоединиться к работе, которая, по словам создателей, *"была начата по Божественному вдохновению в честь Иисуса Христа и Его Пречистой Матери"*. См. статью мистера Эдмунда Бишопа на эту тему в *"Даунсайд Ревью"*, июль, 1893.

КОНЕЦ.

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА.

Орфография и грамматика оригинала в целом сохранены. Сноски были перенумерованы и перенесены с концов страниц в концы глав. Многоточия выглядят как в оригинале. Оригинальные номера страниц указываются следующим образом: "[p-xiii]", в первом издании, или иначе: "[p013]". Оригинальный шрифт SMALL CAPS *выглядит так*. Транскриптор создал изображение обложки и передал его в общественное достояние.

Изображения страниц, имевшиеся у корректоров и расшифровщика, в некоторых местах были почти неразборчивы, особенно в мелком шрифте некоторых сносок. Первая сноска на странице 157, возможно, является худшим примером этого: три разных изображения, предположительно из трех разных печатных копий книги, не смогли прояснить, является ли правильным чтение "Treasury of Receipt 21a/3", как представлено здесь, или нет.

Стр. 9, сноска: было напечатано "simoon", и оно сохранено, но, возможно, имелось в виду "simoom".

Стр. 19: "северная Италия" заменено на "северная Италия".

Стр. 35, первая сноска: запятая вставлена между словами "Austriacarum" и "Scriptores".

Стр. 40: "crosssd" заменено на "crossed".

Страница 61: "familes" заменено на "families".

Страница 63: "Pfäffers" в указателе пишется как "Pfäfers".

Страница 65: "Heiligenkreuz" в индексе пишется как "Heiligen Kreuz".

Стр. 80: добавлена заключительная цитата к предложению, которое заканчивается следующим образом: "место захоронения его жертв".

Стр. 85: "Doulting" оставлено, хотя в указателе оно пишется как "Doulton".

Стр. 118 и т. д.: слова "Shereborne" (в указателе), "Sherborne" (стр. 118, 163) и "Shireborne" (стр. 185 и в указателе) были сохранены, хотя два или все три могут иметь одно и то же значение.

Стр. 133: в словах "brother Philip Dallying, late sacrist of Ely", "Dallying" заменено на "Dallyng", чтобы согласовать с записью в индексе.

Стр. 134: "Роберт де Спронстон" в индексе пишется как "Спростон, Роберт де, 134".

Стр. 143: "Dodinton" в индексе пишется "Dodington".

Страница 152: "Rievaux" заменено на "Rievaulx" (аббатство).

Стр. 177: "Fitz-Eustace" в указателе пишется как "Фиц-Юстас".

Стр. 221-244, указатель: есть несколько записей, которые, по-видимому, относятся к местам в титульном листе, где номера страниц обозначены римскими цифрами. Эти ссылки, как правило, неверны. Например, под заголовком "[Черная смерть](#)" на странице 223 есть четыре записи, отсылающие читателя к страницам iii или vi, но эти страницы являются титульным листом и второй страницей оглавления, соответственно. Аналогично, под заголовком "[Кале](#)" читатель отсылается к странице i, которая является половиной титульного листа печатной книги. Эти неверные ссылки были оставлены.

Стр. 226: в указателе "[Честер](#)" слово "архиепископство" заменено на "архидиаконство".

Стр. 234: в разделе "[Lincoln, county of, Escheators' accounts](#)" заменить "Escheators" на "Escheator's", чтобы согласовать со стр. 150.

Стр. 235: "Mallinge abbey" на "[Malling abbey](#)", чтобы согласовать с текстом на страницах 104 и 106.

Стр. 237: "Oxford, St. Frideswithe" заменено на "[Oxford, St. Frideswide](#)", чтобы согласовать с текстом.

Стр. 244: в словах "Вивелскомб, епископ Бата и Уэллса в", изменить название на "[Вивелискомб](#)". Слова "Wyclif" и "Wyclifite" были заменены на "Wycliff" и "Wycliffite", соответственно, для согласования с текстом.